

Dictum – factum:

от исследований к стратегическим
решениям

ISSN: 2713-2943

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра "Иностранные языки"

Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

по материалам

Всероссийской междисциплинарной конференции молодых ученых
(г. Севастополь, 5 – 6 декабря 2019 г.)

ВЫПУСК 1

Севастополь-Белгород
2020

УДК 082
ББК 94.3
D 53

ISSN 2713-2943

Редакционная коллегия:

КОМУЦЦИ Л.В., доктор филологических наук, профессор;
БАРАНОВА А.В., кандидат филологических наук, доцент;
ИВАНЦОВА Ю.А., кандидат филологических наук, доцент;
КАБАНКОВА Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент;
кафедра «Иностранные языки»
Института общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Рецензенты:

СКИДАН О.Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;

ЧУРАНОВ А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Балашовский институт ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского».

Публикуется по решению кафедры «Иностранные языки» СевГУ (Протокол заседания кафедры № 5 от 24.01.2020 г.).

D53 Dictum – factum : от исследований к стратегическим решениям: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской междисциплинарной конференции молодых ученых / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 5-6 декабря 2019 г.; под общ. ред. Иванцовой Ю.А., Комуцци Л.В., Барановой А.В., Кабанковой Е.Н. – Белгород: ИПЦ "ПОЛИТЕРРА", 2020. – Выпуск 1. – 184 с.

В настоящий сборник включены статьи, подготовленные по материалам Всероссийской междисциплинарной конференции молодых ученых «Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям», которая состоялась 5-6 декабря 2019 г. в Севастопольском государственном университете. Статьи, написанные на русском и английском языках, отражают результаты исследований в таких областях знания, как педагогика, филология, политология, медиакоммуникации, градостроительство, агротехнологии, экологическая, техносферная, финансовая, информационная и государственная безопасность.

Статьи прошли экспертно-техническую оценку редакционной коллегии сборника и печатаются в авторской редакции. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 082
ББК 94.3
ISSN 2713-2943

© ФГАОУ ВО "СевГУ", 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Иванцова, Комуцци, Баранова, Кабанкова, 2020
© ООО "ИПЦ "ПОЛИТЕРРА", 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
РАЗДЕЛ 1. ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ПОЛИТОЛОГИИ И МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Баранов М.П., Канах А.М.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В КРЫМУ.....	7
<i>Бичаков С.А., Чемиит А.А.</i> КАКОВЫ ИСТИННЫЕ ПРИЧИНЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ?.....	13
<i>Вахитова З.З., Фаттахова Н.Н.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МОРФОЛОГИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	19
<i>Вульфович Б.Г., Катермина В.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КОММЕНТАРИЕВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	22
<i>Герасимова А.А., Комуцци Л.В.</i> ПРИЕМЫ МЕДИТАТИВНЫХ УПРАЖНЕНИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА...29	29
<i>Дворникова А.Ф., Гаврилова Л.С., Грищук А.В.</i> ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	35
<i>Калинкина Ю.В., Канах А.М.</i> ПРОГРАММА ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ И ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЫ.....	41
<i>Калинкина Ю.В., Канах А.М.</i> ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ЕГО РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ.....	49
<i>Потапенко Е.С., Дельвиг Н.А.</i> РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ МЕДИАМАТЕРИАЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ.....	56
<i>Цепкова А.С., Савина З.С., Ярмак О.В.</i> ОБРАЗ РОССИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ.....	62

РАЗДЕЛ 2. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕКСТА, ДИСКУРСА И ПЕРЕВОДА

Вишнякова И.А.

«ПРАВЛЕНИЕ ИДОЛА»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ПЕРСИДСКОГО ТЕРМИНА «ṬĀĠŪṬ» НА ЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ.....68

Гришук А.В.

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛЕЙ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....74

Ивашина Т.Д., Беспмятная Л.В.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКА НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ.....81

Лобков А.Е.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ВРАЧЕЙ В КРЫМСКУЮ ВОЙНУ.....87

Львова С.Н., Комуци Л.В.

РЕАЛИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НЕМЕЦКОМ ЛЕКСИКОНЕ.....96

Порхунова Е.А., Михайлова Е.В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛО-, ФРАНКО- И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ.....100

Прудников А.А., Анисимов К.А., Исмаилов Д.С., Берзина Г.П.

ВЛИЯНИЕ КАЛЬКИРОВАНИЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРИЁМА НА РАЗВИТИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА.....105

Соколова М.А., Руденко Н.С.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЛЕКСИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ПЕРИОДА 1933-1945 ГГ.: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....110

Станчева В.В., Лобков А.Е.

АНТИТЕЗА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В НОВЕЛЛИСТИКЕ О. ГЕНРИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....114

Цымбал А.С., Михайлова Е.В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТИТУЦИЙ ЛЕКСИКИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК» В ТЕКСТАХ АНГЛО- И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ БИБЛИИ.....121

РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА, АГРОТЕХНОЛОГИЙ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ, ТЕХНОСФЕРНОЙ, ФИНАНСОВОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Богданов А.А., Шушляпин Е.А.

АЛГОРИТМ ПОСТРОЕНИЯ МАРШРУТА ДЛЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СУДНА «ПИОНЕР-М».....128

Гаврилова А.С., Таран В.Н.

АНАЛИЗ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....132

Ганиев Л.Р., Грищук А.В.

АРХИТЕКТУРА КРЫМА.....138

Мешков А.В., Колесова И.В.

БИОМЕТРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА.....143

Новикова В.В., Мешков А.В., Кудревич В.В.

МОШЕННИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ С ПЛАСТИКОВЫМИ КАРТАМИ.....148

Поддубная М.С.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВИНОДЕЛИЯ И ВИНОГРАДАРСТВА В КРЫМУ.....151

Соколова М.И., Миронцева С.С.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПОИСК GOOGLE: ОБЗОР.....155

Тищенко А.В., Потовская К.С.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА В США И РОССИИ.....160

Фесенко Э.О.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....164

Фролова М.А., Безотосный С.С., Пономаренко П.А.

АНАЛИЗ СКОРОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КОСМОГЕННОГО РАДИОУГЛЕРОДА В АТМОСФЕРЕ ЗЕМЛИ.....169

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....173

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....179

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые читатели, перед вами сборник научных статей, написанных участниками Всероссийской конференции молодых ученых и их научных руководителей, организованной Институтом общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета в декабре 2019 года. Такие конференции проводятся в российских вузах ежегодно. Чем же отличается от них данная конференция?

Само ее название отражает попытку организаторов превратить крылатую латинскую фразу *Dictum factum* («Сказано – сделано») в концепцию и принцип дискуссии, который вооружает современных исследователей жестким алгоритмом действий. Постоянные трансформации, нестабильность, текучесть жизни в эпоху глобализации затрагивают экономику, политику, экологию, культуру, образовательную и социальную сферы. Кто, как не молодой ученый должен уловить важную тенденцию изменений и предложить оптимальное решение, которое сможет повлиять на жизнь города, страны и, возможно, мира?

Этот девиз и междисциплинарный характер конференции за достаточно короткий срок привлек более 120 молодых ученых Севастопольского университета, других вузов Крыма, Санкт-Петербургского университета, Казанского федерального университета, Московского Российского университета дружбы народов, Кубанского государственного университета, Военного университета Министерства обороны (Москва), Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева, других российских университетов и Шанхайского университета иностранных языков. Такая география говорит не только о готовности участников нашего форума действовать словом и делом, но и о том, что Севастопольский университет является эффективным научным центром, открытым для обмена результатами исследований в широком диапазоне гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

О том, что девиз конференции не оказался простой прокламацией, свидетельствовали живые обсуждения докладов, представленных на междисциплинарных секциях, которые велись на русском и на английском языках. Проблемы образования, например, обсуждались не только молодыми педагогами, но и магистрантами кафедры информационных технологий и компьютерных систем, а проблемы виноградарства – специалистами по градостроительству. По словам одного из авторов сборника, Т.А. Кокодей, профессора кафедры менеджмента и бизнес-аналитики, именно девиз конференции вдохновил ее подготовить пленарный доклад по новой идее моделей государственно-частных и муниципально-частных партнёрств. Два других ключевых спикера представили равные по актуальности, но разные по методологии и историческим перспективам доклады – по новейшим модификациям международной политики США (политолог А.А. Ирхин) и по сложным взаимоотношениям русских и иностранных врачей, работавших на Крымской войне 1853-1854 гг. (филолог, переводчик и культуролог А.Е. Лобков).

Коллектив организаторов конференции надеется, что ее название-девиз сработал, что видно по содержанию статей ее участников (пусть пока не все из них успели перейти от постановки проблемы к важным для общества решениям), и что он будет работать на перспективу.

Людмила Владимировна Комуцци,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой «Теория и практика перевода»,
профессор кафедры «Иностранные языки»
Института общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет

РАЗДЕЛ 1

ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ПОЛИТОЛОГИИ И МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 329.3

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В КРЫМУ

Баранов Михаил Павлович

магистрант 2 курса

Канах Аммар Махмуд Аль-Мутлак

научный руководитель

SOME ISSUES IN THE STUDY OF RELIGIOUS AND ETHNIC EXTREMISM IN THE CRIMEA

Mikhail Baranov

2nd year master student

Qanah Ammar Mahmud Al'-Mutlak

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается опыт изучения религиозного и этнического экстремизма в Крыму. Автор выделяет склонность исследователей оценивать радикализацию крымского общества через религиозную сферу, отводя этнический фактор на второй план. По мнению автора, этнический радикализм играет не менее важную роль в процессе радикализации различных сообществ, а на фоне неоднородности крымского общества в религиозной и этнической сферах приобретает актуальность наравне с религиозным экстремизмом.

Ключевые слова: Крым; крымские татары; экстремизм; этносепаратизм; религиозный экстремизм; радикализация; Севастополь.

ABSTRACT. The article deals with the experience of studying religious and ethnic extremism in Crimea. The author highlights the propensity of researchers to assess the radicalization of the Crimean society through the religious sphere, sidelining ethnic factor. According to the author, ethnic radicalism plays an equally important role in the process of radicalization of various communities, and against the background of heterogeneity of the Crimean society in religious and ethnic spheres it becomes relevant along with religious extremism.

Keywords: Crimea; Crimean Tatars; extremism; ethnic separatism; religious extremism; radicalization; Sevastopol.

ВВЕДЕНИЕ. Основной проблемой разработок в этой области представляется склонность большинства исследователей идти по проторенному пути изучения напряжённости в религиозной сфере, которая связывается с религиозным экстремизмом. Предметом исследования обычно выступают религиозные экстремистские организации, в основу идеологии которых легли якобы исламские принципы мироустройства. Эти исследования, несомненно, актуальны в плане борьбы с исламофобией. Необходимость изучения этой проблемы также обусловлена развитием сетей исламистских структур на Ближнем Востоке и по всему миру, причастных к многочисленным терактам. Одними из наиболее громких последних терактов стали массовые убийства в Новой Зеландии [21] и серия взрывов на Шри-Ланке, которые унесли несколько сотен человеческих жизней [17].

Однако, увлекаясь громкими событиями в мире, и пытаясь найти способы предотвратить развитие подобных сценариев, исследователи уделяют очень мало внимания угрозе этнического радикализма, в частности в Крыму. В данной статье мы попытаемся дать представление о некоторых радикальных тенденциях в религиозной и этнической сферах в Крыму.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Современную религиозно-этническую обстановку в Крыму описывали в своих трудах как республиканские исследователи [5; 6] так и их коллеги из других регионов России и Украины [3; 12]. В статье «Особенности религиозной идентичности крымчан в контексте национальной безопасности России» [6], рассматриваются особенности религиозной идентичности в Крыму и акцентируется внимание на том, что пограничное положение региона обуславливает наличие сложного конгломерата идентичностей. В статье Булатова А. «Ислам в Крым» [5] достаточно подробно исследована история возникновения и существования на Крымском полуострове ислама вплоть до современности, также формы, которые он обрёл на фоне насильственной политизации религиозной жизни крымских татар, как основного народа-носителя данной религии на полуострове. Автор приводит краткую характеристику основных органов управления духовной жизнью мусульман Крыма.

Большую ценность представляет исследование В. Мукомель и С. Хайкина «Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичности» [12], коллективный труд посвящён проблеме противопоставления гражданской идентичности к идентичностям региональной и этнической. В указанной работе приводятся данные статистических исследований, проведенных ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) в течение 2015 г.

Э. Муратова в статье «Ислам и крымские татары после 2014 года» пришла к выводам, которые в некоторых положениях коррелируют с предыдущими работами. Ключевую роль в написании статьи сыграло проведённое автором в январе 2017 г. фокус-групповое исследование «Ценности и потребности крымских татар». Автор обращает внимание на возросшую вовлечённость в религию крымско-татарской молодёжи, а также подтверждает выводы других исследователей о *«декларативности конфессиональной идентичности крымских татар»* [13].

Из ряда упомянутых выше работ, стоит выделить монографию краснодарского исследователя А.Баранова «Региональные политические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ» [3]. В работе рассматриваются причины и последствия региональных конфликтов в Крыму и на Кавказе, автор относит к субъектам конфликтов не этнические и религиозные сообщества в целом, а их руководящие верхушки (лидеры, элиты). По мнению автора, конфессиональные конфликты в Крыму «отложены на будущее» и имеют скрытый характер.

Также стоит упомянуть монографию А. Форманчука «Крымская власть (от Багрова к Аксёнову)» [20]. В ней раскрываются подробности формирования органов власти в Крыму, внутренняя борьба властных «группировок», её причины и последствия, а также актуализация крымско-татарского вопроса на фоне приближения краха советского государства.

Не менее важной представляется работа С. Киселева «Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность» [10], которая приоткрывает завесу над вопросом межнациональных отношений на полуострове.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Таким образом, историография проблематики достаточно широко представлена, в основном – в виде статей в сборниках научно-практических конференций; однако профильных монографий мало, что, несомненно, усложняет процесс исследования, но одновременно и повышает его актуальность. Источниковая база позволяет провести комплексное исследование вопроса в рамках системного подхода. В качестве источников могут быть использованы многочисленные видео-, фотоматериалы, статьи, размещённые в свободном доступе в сети Интернет. В

частности, нами были изучены интервью государственных служащих, экспертов и других медийных личностей, высказывания которых имеют отношение к вопросу религиозно-политической жизни Крыма, а также проведены собственные интервью с религиозными деятелями ислама в г. Симферополе и г. Севастополе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Деятельность экстремистских организаций в Крыму фиксировалась с начала 1990-х годов после дезинтеграции Советского Союза. Рухнувшее единое правовое поле с сильными границами позволило проникнуть на территорию бывшего СССР различным радикальным организациям, в первую очередь – религиозным. Не стал исключением и Крым. Вместе с восстановлением ислама на полуострове постепенно формировались ячейки экстремистских организаций, которые под видом материальной и другой помощи вербовали себе сторонников, как из мусульманских общин, так и из рядов православных граждан.

Первый всплеск активности религиозно-экстремистских организаций в Крыму наблюдался в период массовой репатриации крымских татар из мест депортации. Поскольку в конце 1980-х и начале 1990-х гг. не осталось ни одной мусульманской общины, то вернувшийся крымско-татарский народ был вынужден буквально с нуля восстанавливать свою духовную жизнь. И так как большинство крымских татар являются мусульманами, то возникла жизненная потребность в воссоздании объектов культа, религиозных образовательных учреждений и т.д., то есть всего того, что составляет исламскую культуру. Внедрение в эту культуру радикальных элементов стало возможным благодаря тому, что народ не мог восстановить духовную сферу своими силами, так как возвращался на неподготовленные места проживания без достаточных средств к существованию, а организации, имевшие зарубежное финансирование, могли предложить свои «медвежьи» услуги. Они финансировали приобретение строений под религиозные школы, восстанавливали мечети, присылали своих эмиссаров для обучения крымско-татарской молодежи и организовывали программы по обучению будущего духовенства в своих странах. Таким образом, различные правительственные и неправительственные организации и фонды из Турции, Саудовской Аравии, Кувейта и других мусульманских стран проникали внутрь крымско-татарского этноса через религиозную сферу, подчиняя её себе. Например, в Крыму активно действовали эмиссары фонда «Азиз Махмуд ХудайВакуфы» (Турция), «Ар-Райд» вместе с кувейтским шейхом Абдаллахом аль-Мубараком ас-Субаха [1; 5, с. 61-63].

Несмотря на наличие религиозно-экстремистского элемента в Крыму, исключительная первоочередность исследований в этой области вызывает некоторые сомнения. Основные религиозно-экстремистские организации здесь представлены слабо. Это организация «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» (Партия возрождения ислама) [11], объединение «Ар-Райд» неофициально спонсируемое организацией «Аль-Ихван аль-Муслимун» («Братья мусульмане») и некоторое количество ваххабитов, осевших на территории полуострова со времен второй Чеченской войны. Помимо этих арабоориентированных структур, есть пантюркистские – «Нурджулар» [18], «Бозкурт» («Серые волки») [2; 19] и «Сулейманджи» [7].

Три протурецкие организации здесь представлены небезосновательно, достоверно известно и никогда не скрывалось, что Турция проявляет особое внимание к крымским татарам как к части турецкого народа, особенно в 1990х годах. Нередко крымских татар называют крымскими турками, а духовные лидеры мусульман Крыма практически поголовно обучались в Турции, где вместе с основами ислама впитывали пантюркистские идеи.

На первый взгляд может показаться, что в Крыму немалое количество экстремистских организаций для сравнительно небольшого населения полуострова, однако самих сторонников у них немного – это можно объяснить особенностями ментальности крымских татар, из которых почти полностью состоит умма Крыма. Они сунниты ханафитского мазхаба, и скорее продолжатели идей джадидизма – обновленного светского ислама, чем исламского салафизма, отвергающего всё новое. В основном в соблюдении религиозных

требований достаточно снисходительны, и не являются фанатичными ревнителями ислама. На противоположных (салафистских) основном населению позициях стояли большинство религиозно-экстремистских организаций Крыма.

Джадидизм – это общественно-политическое и интеллектуальное движение среди мусульманских (преимущественно тюркских) народов в Российской империи конца XIX – начала XX века. Джадиды действовали путём воспитания и просвещения, пытаясь показать муллам и всем верующим преимущества современной цивилизации. В последнее время он оценивается как движение по формированию нации «нациестроительство», в нем выделяются два течения – реформаторское и реформаторско-просветительское. В результате джадидизм предстает как более «широкое» движение, чем реформаторство и просветительство. Основными идеологами движения выступали Шигабутдин Марджани, Хусаин Фаизханов, Исмаил Гаспринский [22].

Говоря о деятельности радикалов в Крыму, нужно отметить, что в «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» и другие подобные организации часто вступали бедные слои населения, которым их новые «братья» помогали финансово и физически. Здесь наглядно прослеживалась проблема мусульманских неофитов – новообращённых приверженцев веры. Многие граждане, желавшие принять исламское вероучение, вводились в заблуждение представителями радикальных организаций и бессознательно пополняли их ряды, особенно ярко это проявлялось в украинский период истории Крыма. Будучи духовно неграмотными, неофиты нередко оказывались не в силах отличить традиционные для Крыма мусульманские структуры от пришлых, якобы исламских организаций. В 2014 г. после референдума организации «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» и «Ар-Райд» оказались под запретом, и им стало сложнее влиять на «новоуверовавших». Первые ушли от публичной деятельности, а вторые сменили бренд и стали называться «Созидание» [3]. Ассоциация «Созидание» ликвидирована решением суда от 20 июля 2017 г. [14]. Однако уже 19 октября того же года, бывший президент «Созидания» Дервишев М. зарегистрировал в Москве ассоциацию «Созидательность» [15]. Более того, организации-учредители ликвидированного «Созидания» – «Эмель», «Нур», «Творчество» и «Рассвет» продолжают свою деятельность на момент написания статьи.

Для оценки деятельности протурецких структур, отмечается недостаток информации в открытом доступе. Однако в проведённых нами весной 2019 года интервью с религиозными деятелями ислама в Симферополе и Севастополе можно утверждать, что, например, влияние структуры сулейманджитов было значительным. В севастопольской мечети они активно работали с подрастающей молодёжью, всячески демонстрируя своё невмешательство в политические и внутриисламские дела. В качестве цели своей работы они обозначали желание обучить будущих богословов правильному чтению и толкованию Корана. С приходом российского правового поля эти представители предпочли уехать из Крыма, хотя не исключено, что их идеи остались здесь в умах учеников.

Ещё одной причиной, слабой восприимчивости крымских татар к идеям фундаментализма – это способ их самоидентификации. Социологические исследования показывают, что на первое место они ставят этническую принадлежность – «я крымский татарин», и только потом религиозную – «я мусульманин» [12, с. 65]. Соответственно, не менее актуальной сферой исследований представляется этническая, в особенности степень её радикализации через крымско-татарский фактор.

В пользу этого подхода также говорит процесс формирования идеологии, которая объединила крымско-татарское население после репатриации. Нужно признать, что, когда крымские татары вернулись в Крым, влияние России было сведено к минимуму, в отличие от влияния СБУ, Турции, стран Арабского Востока и западных спецслужб. В результате крымским татарам была навязана и предложена идеология, выгодная противникам России, были созданы и возведены в статус сакральных различные мифы, усиливающие разрыв с русским миром и сближающие татар с Украиной, Турцией и Западом [10]. В её основу легли националистические, сепаратистские положения, проводником которых стал «Меджлис

крымско-татарского народа». И за всё это время мы не предложили достойной альтернативы, которая бы не противоречила желаниям простых крымских татар, и гармонично вписала их в российское полиэтническое общество.

В религиозной сфере одним из препятствий к выработке эффективных решений может стать существующее на сегодняшний день разделение мусульманской уммы на два крупных лагеря: Духовное управление мусульман Крыма и города Севастополя (ДУМКС) и Центральное духовное управление мусульман – Таврический муфтият (ЦДУМ-ТМ). Возглавляют их Аблаев Э. и Саитвалиев Р. соответственно. Обе структуры считают себя проводниками «правильного ислама» в регионе, однако, если более влиятельный ДУМК Аблаева Э. не хочет, чтобы наравне с ним функционировал ещё один муфтият, то Таврический муфтият, во главе с Саитвалиевым Р., придерживается более гибкой позиции и согласен на своеобразный плюрализм, ради регистрации, которую он до сих пор не может получить [8; 9; 16].

Во время украинской власти в Крыму русские и крымские татары противопоставлялись друг другу, и за это время успело вырасти поколение молодежи, воспитанной в русофобском ключе. Крайне важным видится постоянный мониторинг настроений в национальных анклавах крымских татар со стороны государства, что позволит оперативно предотвращать обострения и вырабатывать своевременные решения возникающих задач.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Религиозный экстремизм продолжает оставаться серьёзной вызовом современного мира, вместе с ним не менее важную роль начинает играть радикализация этнических сообществ. Оба негативных явления должны контролироваться со стороны силовых структур Российской Федерации. Исследования в области этнического и религиозного экстремизма должны сформировать методологическую базу для выработки государственными службами решений этих проблем.

1) Крымский полуостров неоднороден как в религиозной, так и в этнической сфере. Преобладание разобщенных и рассеянных неисламских народов в случае развития негативного сценария может столкнуться с более жесткой общностью мусульман. Отчасти, на поддержание некоторой напряженности продолжает работать запрещенный в РФ Меджлис через свои старые каналы связи. На это необходимо обратить внимание соответствующим органам, ведь большинство лидеров местных меджлисов остались после 2014 г. и продолжают поддерживать связи с центром.

2) Также в религиозной сфере следует выработать эффективные меры для решения проблемы мусульманских неофитов, поскольку именно они более всего уязвимы для влияния радикальных структур. Своевременное повышение уровня религиозной грамотности населения Крыма позволит существенно повысить иммунитет к экстремистским идеям. В этих мероприятиях должны участвовать как государственные силы, так и общественные, нельзя недооценивать роль «сарафанного радио», особенно среди главных мусульман Крыма – крымских татар.

3) Таким образом, наряду с усиленным контролем над религиозной сферой, государству следует проводить решительную и сильную политику в области этнической безопасности. В частности, недооценён опыт межкультурных мероприятий, посвящённых изучению культуры всех народов Крыма, вне образовательных учреждений и без разделения на возрастные группы.

Список литературы:

1. «Крымский сценарий»: заказчик – Вашингтон, исполнитель – Киев [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2014. 30 июля. – URL: <https://ria.ru/20140730/1018112962.html> (дата обращения: 24.04.2019).
2. «Серые волки» опять в Крыму // Милли Фирка. 2009. 26 октября. [Электронный ресурс] – URL: <https://goo.gl/jPAXqw> (дата обращения: 19.04.2019).
3. Баранов А.В. Региональные политические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. – 236 с.

4. Бальбек: в Крыму действует сеть экстремистской организации [Электронный ресурс] // РИА Крым. 2018. 20 апреля. – URL: <https://crimea.ria.ru/incidents/20180420/1114280827> (дата обращения: 19.03.2019).
5. Булатов А. Ислам в Крыму: от трагического прошлого к проблемам современности // «Ислам в СНГ» М.– Н. Новгород, 2011 г. – № 4 (5). – С. 51-75.
6. Вакулова Т.В., Гарас Л.Н., Маковская Д.В. Особенности религиозной идентичности крымчан в контексте национальной безопасности России // Теория и практика общественного развития, 2014. – № 14. – С. 61-65.
7. Деятельность в России Сулейманджи [Электронный ресурс] // И-нет представительство Сальского р-на. 2014. 14 августа. – URL: http://www.salsk.org/index.php?option=com_content&view=article&id=2076:deyatelnost-sulejmandzhi (дата обращения: 19.04.2019).
8. Достим Э. Кому понадобилось создание еще одного муфтията в Крыму? [Электронный ресурс] // Крым. Реалии. 2014. 22 августа. – URL: <https://ru.krymr.com/a/26545650.html> (дата обращения: 27.03.2019).
9. ДУМК: создание в Крыму «Таврического муфтията» – попытка расколоть мусульман полуострова [Электронный ресурс] // ИА Центр журналистских расследований, 2014. 23 августа. – URL: <https://investigator.org.ua/news/135400/> (дата обращения: 27.03.2019).
10. Киселев С. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность [Электронный ресурс] // Русская народная линия интернет изд. 2006. 11 декабря. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2006/11/13/krymskaya_russkaya_identichnost_kak_e_tnopoliticheskaya_real_nost/ (дата обращения: 19.03.2019).
11. Крым в сетях международной религиозно-экстремистской организации «Хизбут-Тахрир» [Электронный ресурс] // Ворота Крыма. 2013. 20 августа. Обновлено: 2017. 30 октября. – URL: <http://janko.org.ua/krym-setyah-hizb-ut-tahrir/> (дата обращения: 23.03.2019).
12. Мукомель В. Хайкин С. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 3. – С. 51-68.
13. Муратова Э.С. Ислам и крымские татары после 2014 года. Ислам в современном мире. – 2017. – Т. 13. № 1. – С. 133-144.
14. Организация Ассоциация СРСКП в Республике Крым «Созидание» [Электронный ресурс] // List-Org. – URL: <http://www.list-org.com/company/8156721> (дата обращения: 27.04.2019).
15. Организация Ассоциация «Созидательность» [Электронный ресурс] // List-Org. – URL: <http://www.list-org.com/company/11558349> (дата обращения: 27.04.2019).
16. Силантьев: Политику в отношении Таврического муфтията надо срочно менять [Электронный ресурс] // ИА EADaily. 2018. 20 ноября. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/20/silantev-politiku-v-otnoshenii-tavrisheskogo-muftiyata-nado-srochno-menyat> (дата обращения: 27.03.2019).
17. Теракт на Шри-Ланке: первые похороны погибших [Электронный ресурс] // BBC. 2019. 23 апреля. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-48031554> (дата обращения: 24.04.2019).
18. Турецкая секта «Нурджулар» развивает свое влияние в Крыму уже при новых властях? [Электронный ресурс] // Новоросс.Info. – URL: <http://www.novoross.info/politiks/26745-tureckaya-sekta-nurdzhular-razvivaet-svoe-vliyanie-v-krymu-uzhe-pri-novyh-vlastyah.html> (дата обращения: 25.04.2019).
19. Турецкие волки вышли на охоту за Крымом [Электронный ресурс] // Крымский новостной портал INFORMER. 2015. 14 декабря. – URL: <https://ruinform.com/page/tureckie-volki-vyshli-na-ohotu-za-krymom> (дата обращения: 19.04.2019).
20. Форманчук А. А. Крымская власть (от Багрова к Аксёнову). Том 1 / ред. В.М. Басыров. – Симферополь: ООО «Издательство «Доля», 2017. – 640 с.

21. Что известно о нападении на мечети в Новой Зеландии [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. 2019. 15 марта. – URL: <https://tass.ru/opinions/6224374> (дата обращения: 24.04.2019).

22. Юзеев А. Место джадидизма в татарской общественной мысли конца XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс] // Гасырларавазы – Эхо веков. 1999. – URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1999_1_2/08/08_1/&searched=1 (дата обращения: 27.04.2019).

УДК 321.02

КАКОВЫ ИСТИННЫЕ ПРИЧИНЫ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ?

Бичаков Сергей Александрович

аспирант

Чемшит Александр Александрович

научный руководитель

WHAT ARE THE TRUE CAUSES OF THE ARAB SPRING?

Sergey Bichakov

graduate student

Alexander Chemshit

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье дается краткая характеристика главным причинам событий арабской весны 2010-2011 гг. Несмотря на то, что прошло уже довольно достаточно времени с момента начала арабского пробуждения, до сих пор в научной среде остаются спорными вопросы, связанные с истинными причинами арабских волнений. Для того, чтобы определить факторы, приведшие к арабским протестам, необходимо дать характеристику социально-политическим противоречиям, имевшим место в арабском обществе в конце первого десятилетия XXI века. Наиболее подробно в статье рассмотрены внутренние причины арабской весны: политический застой в арабских странах, экономическая нестабильность и безработица. Автор приходит к выводу о том, что внутренние факторы волнений имели наиболее важное значение в событиях арабской весны, нежели участие внерегиональных, иностранных (западных) сил в «возгорании» арабских волнений. Кроме этого, в статье была дана характеристика роли религиозного фактора в арабском пробуждении. Автор определяет значение исламистских сил на начальном этапе арабских протестов, а также проанализированы их политические установки и методы прихода к власти в ряде арабских государств Северной Африки.

Ключевые слова: Арабская весна; арабское пробуждение; Ближний Восток; арабские революции.

ABSTRACT. The article gives a brief description of the main reasons for the events of the Arab spring of 2010-2011. Despite the fact that quite a lot of time has passed since the start of the Arab awakening, there are still controversial issues in the scientific community related to the true causes of the Arab unrest. In order to determine the factors that led to the Arab protests, it is necessary to characterize the socio-political contradictions that took place in Arab society at the end of the first decade of the 21st century. The article describes in more detail the internal causes of the Arab spring: political stagnation in Arab countries, economic instability and unemployment. The author comes to the conclusion that the internal factors of unrest were most important in the events of the Arab spring, rather than the participation of extra-regional, foreign (western) forces in the “ignition” of the Arab unrest. In addition, the article described the role of the religious factor in the Arab revival. The author defines the significance of the Islamist forces at the initial stage of the Arab protests, and also analyzes their political attitudes and methods of coming to power in a number of Arab states in North Africa.

Keywords: Arab spring; Arab awakening; Middle East; Arab revolutions.

ВВЕДЕНИЕ. В конце первого десятилетия XXI века произошли события, повлекшие за собой социально-политические трансформации в арабском мире, оказавшие дестабилизирующий эффект в отношениях между обществом и государством в странах Северной Африки и Ближнего Востока. К концу 2010 года в результате слияния демократических идей и нараставших социально-политических противоречий, в условиях технологической и информационной революции в сфере общественных коммуникаций, произошла вспышка народных антиправительственных восстаний, сметавших дискредитированные политические режимы арабского Востока.

Арабская весна (или «арабское пробуждение») оказалась неожиданным явлением для мировой общественности и для большинства арабских государств. Социальный протест общества носил масштабный характер, а его очаги были многочисленны и динамичны. Арабское пробуждение началось в странах Магриба, в первую очередь в стране, имевшей репутацию одной из самых стабильных в арабском мире – Тунисе. Поводом к протестам стал частный эпизод самосожжения 17 декабря 2010 года мелкого розничного торговца Мохаммеда Буазизи.

Тунисские события, благодаря быстрому распространению информации и эффекту «интерактивности» электронных СМИ и социальных сетей, дали старт быстрому распространению волнений на другие арабские государства. В итоге, в различных масштабах протестные движения охватили больше двадцати арабских государств – от Марокко на западе – до Ирака на востоке.

События арабской весны продолжают оставаться актуальными и сегодня. Последствия этих событий дали толчок изменению социально-политического и международного климата в регионах Ближнего Востока и Северной Африки. Причины происходящего в наши дни «политического коллапса» на Ближнем Востоке кроются в событиях 2010-2011 гг. В научной среде не утихают споры о причинах и истоках арабских протестов, о первичности внутренних факторов над внешними, кроющихся в социально-политическом развитии арабских обществ; о роли международных игроков и их влиянии на происходившие события. Таким образом, ряд спорных вопросов о причинах «арабского пробуждения» требуют детального рассмотрения и анализа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Ввиду того, что тематика арабской весны продолжает оставаться актуальной и по сей день, историография арабского пробуждения является многочисленной, охватывающей основные моменты событий 2010-2011 гг. В настоящей статье использованы работы российских востоковедов и политологов. Благодаря использованной историографии, удалось проанализировать основные аспекты арабского пробуждения: социально-политические и экономические причины арабских протестов, демографический аспект волнений, роль религиозного фактора в арабском пробуждении.

Методология настоящего исследования представляет собой совокупность теоретико-методологических принципов и научных методов. Определяющими являются принципы историзма, объективности и системности познания, которые дали возможность провести анализ причин событий арабской весны.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

1. Внутренние факторы массовых выступлений в арабских государствах

События арабской весны продемонстрировали высокие показатели мобилизации многочисленного населения арабских государств. Волнения из одного города быстро подхватывались в других городах, и далее происходил «эффект домино», при котором очаги массовых протестов переходили уже в другие арабские страны. В первую очередь такая консолидация общества была достигнута за счет СМИ и электронных сетей, позволявших быстро обмениваться информацией. Однако если бы не весомые причины общественного недовольства внутренней ситуацией в арабском мире, события 2010-2011 гг. ограничились

бы рядом протестных выступлений в отдельных арабских государствах, а не свержением или заменой правительств.

Что же являлось катализаторам социально-политических протестов в североафриканских и ближневосточных странах? Несмотря на различия в социальном, экономическом и политическом развитии арабских государств, затронутых арабской весной, внутренние причины конфликта общества и власти являлись схожими для большинства стран.

Отдаленной причиной социально-экономических проблем в арабских странах являлся мировой финансовый кризис 2009 г., который довольно больно ударил по экономикам государств Северной Африки и Ближнего Востока, приведший к резкому сокращению экспорта и сокращению покупательной способности, а также кризису в туристическом секторе [8, с. 302].

Кроме этого, для арабских правительств, павших под напором массовых волнений был характерен «социально-политический застой», приведший к одному из главных «раздражителей» для арабского населения. Дело в том, что в ряде государств, практически бессменно находились пережившие свою эпоху т.н. «сильные личности» – Бен Али в Тунисе, М. Каддафи в Ливии, Х. Мубарак в Египте, Али Абдалла Салех в Йемене, Б. Асад – наследник своего отца Хафеза Асада в Сирии [4, с. 79-80]. В результате правления одних и тех же лиц целыми десятилетиями происходила монополизация власти между наиболее приближенными к несменяемому правителю государства, что в свою очередь порождало главные внутренние социально-политические причины арабских волнений – коррупцию и безработицу.

Так, к концу 2010 г., коррупция, в выше названных странах, стала носить системный характер. Усугублялись в обществе социальные и имущественные диспропорции. Как известно, именно из-за взяточничества, произошло самосожжение мелкого уличного торговца М. Буазизи, явившееся искрой, разжегшей пожар народного возмущения во многих арабских странах. Из-за несменяемости элит, коррупция пронизывала все слои управленческого аппарата, являясь следствием клановости.

Проводимая политика «старых» элит в экономическом секторе, оказывалась несостоятельной и выгодной лишь для правящего класса. Негативные последствия экономических реформ, привели лишь к росту социального неравенства. Ведь десятилетия нахождения сконцентрированной власти в руках небольшого круга людей не могли оставить отпечатка на экономике государства. Несправедливое распределение национального богатства увеличивало разрыв между бедными и богатыми [5, с. 70]. Подавляющая часть населения ряда арабских стран жили на несколько долларов в день, а правящая элита строила для себя гигантские апартаменты на берегу Средиземного моря [2, с. 11].

Наряду с повсеместной коррупцией, на ухудшение социально-экономической ситуации в арабском обществе, сказывалась проблема безработицы. Данный фактор оказал влияние на многочисленность и организованность протестующих. Несмотря на то, что по общим процентным показателям безработица в арабских странах не превышала даже средние показатели. Например, в Северной Африке в 2010 г. уровень безработицы колебался на уровне 9 - 13 %. Но все же безработица была губительна для арабского общества. Ведь из всего количества безработных Северной Африки, около 50 % составляла молодежь в возрасте до 25 лет [12, с. 103].

В своей совокупности арабский мир молод. Молодежь в возрасте до 20 лет в арабском мире составляет половину населения. Лица от 15 до 24 лет составляют четверть населения, а средний возраст в арабском мире составляет 25 лет [3, с. 9]. Для арабского мира экономическое благополучие зависело от наличия многочисленного и динамичного молодого поколения в составе населения. Но фактически, к началу событий арабской весны, в большинстве североафриканских и ближневосточных стран, правительства не имели ресурсов для вовлечения молодежи в активную экономическую жизнь страны. А нехватка мест занятости вела к социальным напряжениям. Поэтому, в большинстве арабских

государств в конце первого десятилетия XXI века первостепенную роль во взглядах молодежи играли не столько идеалистические мотивы, сколько безработица и нищета, сказывающиеся на реальном положении молодых людей в обществе.

Также характерной чертой безработицы в арабских странах являлось то, что значительную прослойку безработных составляли люди с высшим образованием. Так, например, в Египте накануне революции из всей массы египетских безработных, относящихся к возрастной группе до 25 лет – 43 % безработных имели высшее образование [ссылка 3, с. 301]. Получение образования воспринималось большинством арабов как гарантия получения занятости в государственной службе. К тому же обучение уменьшало социальную дистанцию, и наоборот – вносило свой вклад в создание предпосылок к преодолению социального неравенства [3, с. 10].

Однако на деле оказалось, что наличие образования не гарантировало рабочее место, которое могло бы компенсировать материальные затраты на обучение. В тоже время без образования не представлялось хоть какой-либо возможности реализовать себя в жизни, но и наличие этого самого образования не давало молодому человеку шансов, вызывая еще большее озлобление сложившейся ситуацией. По сути, на политические взгляды молодых людей большое влияние оказывала невозможность реализовать то, что высшее образование обещало в отношении социального статуса.

2. Роль внешних акторов (западных государств) в развитии событий арабской весны

Одним из наиболее остро стоящих вопросов в российской общественной и научной среде в 2011 г. был вопрос о причастности к арабским событиям других внерегиональных игроков, в лице коллективного Запада, в первую очередь США. Для ряда российских исследователей, начинавшиеся события арабской весны напоминали сюжеты «цветных революций», происходивших на постсоветском пространстве [10]. В связи с этим, все чаще в российском истеблишменте стали озвучивать мнения, связанные с концепцией «управляемого хаоса», реализуемой Соединенными Штатами и ее союзниками на Ближнем Востоке и в Северной Африке [6]. Стоит отметить, что подобные высказывания, были частыми явлениями в федеральных СМИ, а также в высших эшелонах российской власти. В тоже время подобные суждения были связаны с международными отношениями и ухудшением отношений Российской Федерации с западными государствами, что в свою очередь оставило след на восприятии различных международных событий в мире.

Конечно, прямого участия западных государств в начале арабских протестов не наблюдалось. Арабская весна для США и ее западных союзников была противоречивым явлением. С одной стороны, протестные акции, происходившие сначала в североафриканских странах, а затем распространившиеся на ближневосточные государства оказались неожиданными для самих Соединенных Штатов и западноевропейских государств. Так, например, по словам Грегори Гауса, профессора Вермонтского университета, большинство американских специалистов по арабским странам были застигнуты врасплох событиями 2010-2011 гг. [13, с. 81]. С другой стороны, конечно, в Вашингтоне знали о растущей социально-политической напряженности в арабских государствах. Американское правительство также понимало необходимость демократических реформ в союзе с западными государствами, проведенными постепенно и «сверху», а не как получилось – «снизу» и в ряде случаев радикальными партиями, негативно настроенными к западным ценностям [1, с. 614].

В итоге, США были гораздо больше заинтересованы в сохранении относительной стабильности в регионах, так как режимы Зин аль-Абидина Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте, Али Абдаллы Салеха в Йемене были лояльными к США [13, с. 83]. Практически все лидеры этих стран старались соблюдать предложенные им «правила игры», прежде всего, в плане поддержки антииранской кампании США, их политики в отношении урегулирования палестино-израильского конфликта и поставок нефти и газа на мировые (главным образом, европейские и американские) рынки.

Причем ряд известных российских политологов и историков разделяли подобное мнение. Как отмечал известный российский политик, дипломат, арабист Е.М. Примаков: «Арабская весна не была организована извне. США и их союзников устраивали режимы, во всяком случае, в Тунисе, Египте, Йемене и на Бахрейне. Эти режимы, в частности, проводили политику, направленную против исламистов-экстремистов, боролись с террористическими организациями, тесно сотрудничали с Соединенными Штатами» [11, с. 380]. К тому же, арабские волнения, до Ливийских событий 2011 г. не являлись аналогами «цветных революций», так как модель, разработанная западными политологами для свержения режимов на постсоветском пространстве и в Восточной Европе, не была «рабочей» в условиях клановой, традиционной структуры арабских обществ [9, с. 148].

Однако если на начальном этапе, западные государства не предпринимали каких-либо активных действий в отношении разворачивавшегося «арабского пробуждения» (кроме поддержки протестующих в СМИ), то события 2011-2012 гг. явно продемонстрировали прямую вовлеченность США и их союзников в ликвидации двух «неудобных» режимов для Запада в Северной Африке и на Ближнем Востоке – Ливии и Сирии. В итоге получилось, что западные государства воспользовались событиями арабской весны и преследуя экономические, политические и геополитические цели попытались уничтожить ливийскую (что в конечном счете удалось) и сирийскую государственность, устранив правящие режимы военным путем.

3. Значение религиозного фактора в арабской весне

На начальном этапе антиправительственных волнений был сформирован неустойчивый баланс интересов и сил между различными фракциями, но не исключающие противоречий в социально-политических взглядах. На политическую арену из общества вышли новые силы, позиционирующие себя как религиозные (исламские), радикально настроенные на изменение политического строя.

Во всех протестных событиях, происходящих в Северной Африке и на Ближнем Востоке в конце 2010 - 2011 гг. была одна важная особенность, связанная с религиозным фактором: на начальном этапе в уличных манифестациях не было замечено участие исламских экстремистов (как консолидированной силы), кроме того, даже не озвучивались требования об отмене светского правления и радикального изменения общественной жизни в сторону религиозного образа жизни.

Свержение Бен Али, М. Каддафи, Х. Мубарака, Али Абдаллы Салеха, создало предпосылки возвращения на политическую сцену исламистских партий, так как именно сверженные правящие режимы сдерживали политические амбиции радикальных исламистов. При отсутствии сдерживающих факторов, у радикалов появилась возможность использовать демократические институты и на волне протестов взять государственное правление в свои руки, и легально, через каналы государственной власти навязывать арабскому населению свое понимание ислама и его ценностей [7, с. 44].

Также маргинализация мусульманского населения сопровождалась ростом недовольства ситуацией в арабских странах, связанных с коррупционными скандалами и обнищанием населения, что в конечном счете способствовало распространению идей радикального ислама, особенно среди молодежи. Кроме этого, из-за кризиса «светских идеологий», в мусульманском обществе подогревался интерес к религиозным ценностям.

Вместе со смещением традиционных лидеров в арабских странах, последовала смена элит, в результате которой образовался вакуум политической власти. Этот вакуум попытались заполнить исламистские (нередко радикальные и запрещенные) партии. Также стоит отметить, усилению позиций фундаменталистских сообществ в немалой степени помогло широкое распространение новых информационных технологий и расширение международной транспортной инфраструктуры. Радикалы широко использовали возможности передачи информации посредством интернет-ресурсов, особенно используя социальные сети, для ведения информационно-пропагандистской работы, вербовки и подготовки новых единомышленников, в том числе потенциальных террористов [9, с. 44].

Не прошел стороной арабские волнения другой «эффект глобализации». В арабском обществе (особенно в молодежной среде) активно выдвигались лозунги «демократизации» арабских государств, расширения демократических свобод для населения. Благодаря подобным идеям появилась возможность осуществить сценарий возникновения демократических республик, переходящих от светского типа к исламскому [4, с. 78].

Действительно, в некоторых арабских странах в 2011 - 2012 гг. к власти пришли радикальные исламистские партии. Так, в Тунисе политический хаос, возникший после бегства из страны президента Бен-Али, завершился первыми после январских событий многопартийными выборами в Национальный учредительный совет. На них уверенно победила исламская партия «Ан-Нахда». Исламистам достались ключевые посты в правительстве. В Египте во время выборов в Народное собрание, светские партии проиграли исламистам. Две трети депутатских мандатов получили движения во главе с «Братьями-мусульманами» (запрещенной в РФ) [7, с. 44]. Кроме этого, на более позднем этапе событий арабской весны, ряд нестабильных, охваченных революциями арабских государств превратились в убежища для террористов, стремившихся расширить свое влияние в регионах (как это случилось в Ливии, Сирии и Йемене).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, проанализировав три наиболее спорных момента причин арабской весны, в первую очередь стоит отметить первичность внутренних факторов арабских волнений над внешними. Социально-экономические проблемы арабского общества являлись главными катализаторами общественного недовольства. Особенно острыми проблемами являлись – коррупция и безработица. Влияние внешних (западных) сил на начальном этапе арабского пробуждения замечено не было. Процессы глобализации и мировой экономической кризис, зародившийся на Западе, являлись отдаленными факторами, приведшими к событиям арабской весны. Однако по мере развития революционных процессов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, США и ее союзники воспользовались арабскими волнениями для достижения собственных целей по устранению «неудобных» режимов. Если проанализировать роль религиозного фактора в арабском пробуждении, то необходимо отметить, что за счет ухудшения социально-политической обстановки в арабских государствах и исторических связей общества и ислама, ряд идей о создании религиозного государства вновь обрели актуальность, но в тоже время арабские революции несли дестабилизирующий эффект для всего арабского мира.

Настоящее исследование определяет главные причины арабской весны 2010-2011 гг. и будет полезно для исследователей политических процессов, происходящих в настоящее время на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Используемый в статье материал позволяет определить причинно-следственную связь в арабских революциях.

Список литературы:

1. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке – Москва: Центрполиграф, 2018. – 670 с.
2. Васильев А. М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. – 2011 – № 3. – С. 2-18.
3. Желтов В.В., Желтов М.В. Арабская весна: демографические аспекты // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – № 4. – С. 7-16.
4. Кива А.В. Арабский узел: кто выиграл, кто проиграл от «арабской весны» // Россия и современный мир. – 2014. – № 1 (82). – С. 76-92.
5. Комар Ю.И. «Арабская весна»: причины и политические, и геополитические последствия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – 2013. – Сер. 9. – С. 66-82.
6. Комлева Н.А. «Арабская весна»: геополитический аспект // Известия Уральского федерального университета. – 2013. – № 2 (115). – С. 160-169.
7. Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 4 (31). – С. 43-51.

8. Курбанов М.А. Арабская весна: возвращение к истокам? // Вестник НГУЭУ. – 2013. – № 4. – С. 300-309.
9. Малышева Д.Б. «Арабская весна» глазами российских ученых // Россия и мусульманский мир. – 2013. – С. 145-152.
10. Манойло А.В. Глобальная нестабильность на пороге новой большой войны // Центр анализа террористических угроз [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://catu.su/analytics/340-globalnaya-nestabilnost-na-poroge-novoi-bolshoi-voyny> (дата обращения: 30.11.2019).
11. Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами – Москва: Центрполиграф, 2016. – 384 с.
12. Онучин С.В. Переход от стабильности к нестабильности в развитии социально-экономических систем (на примере «арабской весны») // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 1 (53). – С. 102-107.
13. Gause F.G. Why Middle East Studies Missed the Arab Spring / F.G. Gause // Foreign Affairs. – 2011. – Vol. 90. № 4. – P. 81-90.

УДК 1751

**ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ МОРФОЛОГИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Вахитова Замире Зекериевна
магистр 2 курса
Фаттахова Наиля Нурыйхановна
научный руководитель

**FORMATION OF LANGUAGE COMPETENCE
AT THE LESSONS OF RUSSIAN MORPHOLOGY**

Zamire Vakhitova
2nd year master student
Nailya Fattakhova
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье ставится проблема научно-методического развития языковой компетенции в современных условиях. Характеристика методического аспекта проблемы предваряется соотнесением существующих психолого-педагогических трактовок компетенции и компетентности, дифференциацией их содержания и структуры. В результате рассмотрения отдельных положений современных методических исследований языковая компетенция раскрывается как синтетическое понятие, соединяющее в себе более простые составляющие: лингвистическую, коммуникативно-речевую, выделение которых способствует более полному решению образовательных задач. Обращением к истории методики дополнительно аргументируется необходимость учета взаимообусловленности указанных составляющих языковой компетенции. Анализ планируемых во ФГОС результатов обучения русскому языку применительно к морфологии, сопровождается методической оценкой учебной литературы. В связи с этим определяются дальнейшие направления научно-методического поиска по реализации компетентного подхода к среднему образованию, одним из которых должно стать пересечение компетентного и системно-деятельностного подходов.

Ключевые слова: языковая компетенция; морфология; морфологический анализ; компетенции; русский язык.

ABSTRACT. The article raises the problem of scientific and methodological development of language competence in modern conditions. The characteristic of the methodological aspect of the

problem is preceded by the correlation of existing psycho-pedagogical interpretations of competence and competence, differentiation of their content and structure. As a result of the consideration of certain provisions of modern methodological studies, language competence is revealed as a synthetic concept that combines simpler components: linguistic, communicative-speech, the allocation of which contributes to the more complete solution of educational tasks. Turning to the history of the methodology, the need to take into account the mutual conditions of the specified components of language competence is further argued. The analysis of the planned results of Russian language training in GEF in relation to morphology is accompanied by a methodological assessment of the educational literature. In this regard, further directions of scientific and methodological search on implementation of the competent approach to secondary education are defined, one of which should be the intersection of the competent and system-activity approaches.

Keywords: language competence; morphology; morphological analysis; competence; Russian language.

ВВЕДЕНИЕ. Путь формирования различного рода компетенций начинается с самого рождения. Они начинают перерастать в умения далее по очереди и поддерживаются образовательным процессом. Для формирования и развития данной компетенции появляются различные технологии и методики.

Начнём с того, что под компетенцией в современной методике понимается совокупность знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения русскому языку и которые обеспечивают овладение им и в конечном счете служат развитию личности школьника [3].

Морфология как наука изучает части речи и их роль в языке. Языковая компетенция и морфология взаимосвязаны «на почве языка». Что это значит? Морфология, как известно, включает себя морфологический состав слова, то есть роль той или иной части речи в предложении, который входит в состав текста. И это является одной из частей языковой компетенции.

В методике преподавании русского языка появляются актуальные новые подходы, соответствующие нормам ФГОС и направленные на формирование языковой, лингвистической, коммуникативной и культуроведческой компетенции учащихся [4].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Американский лингвист Л.Ф. Бахман определил структуру языковой компетенции: 1) организационная, состоящая из грамматической и текстуальной, и 2) прагматическая, состоящая из иллокутивной и социолингвистической [1, с. 108].

С.А. Хавронина, профессор Российского университета дружбы народов, считает, что изучение грамматики имеет практическую направленность: учащиеся должны научиться понимать и употреблять формы и конструкции, которыми пользуются носители русского языка для выражения обобщенных значений, таких, как наличие, отсутствие чего-либо, количество и качество предметов; место, время, цель, причина, условие действия; объект и адресат действия и другие. Один из главных принципов работы – преподавание морфологии на синтаксической основе: все единицы и категории языка вводятся и отрабатываются в предложении – минимальной единице речи [5, с. 31-33].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Теоретико-методологическую основу статьи составили принцип коммуникативного партнерства и сотрудничества в учебной группе (О.Ю Афанасьева), принцип индивидуализации Инге Унт и системно-деятельностный подход (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, П.Я. Гальперин) [3].

Стратегия реализации методической системы формирования языковой компетенции учащихся состоит в отборе дидактических средств, в постановке заданий с учетом трудностей усвоения языковых понятий учащимися, сложностей самостоятельного их применения в нестандартных ситуациях; использование заданий на дифференциацию внешне сходных явлений, на классификацию изученного.

Реализация системы формирования языковой компетенции учащихся направлена на формирование умений мобилизовать знания, управлять своей деятельностью, осваивать новые способы действия с учебным материалом и на этой основе приобретать знания. Критериями сформированности языковой компетенции учащихся являются умения опознавать языковую единицу, сопоставлять ее с внешне сходными единицами, овладевать способами действия и на этой основе приобретать новые знания.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. На основе анализа соответствующей методической литературы и изучения опыта преподавания русского языка была установлена необходимость поиска оптимальных условий языкового развития учащихся. Это актуализировало проблему формирования языковой компетентности учащихся и потребовало разрешения ряда объективных противоречий между: необходимостью осуществления компетентностного подхода к обучению русскому языку и недостаточной подготовленностью учителя-практика к преподаванию учебного предмета в условиях нового подхода к обучению; разработанностью в педагогической литературе теоретических основ компетентностного обучения и недостаточным использованием их в лингводидактике и в школе; растущими требованиями к языковой подготовке учащихся и качеством учебно-воспитательного процесса, не всегда отвечающего этим требованиям.

Практическая значимость исследования состоит в направленности его результатов на совершенствование подготовки учащихся по русскому языку: в определении дополнительных возможностей овладения учащимися определенным набором способов учебной деятельности, направленных на формирование их компетентностных умений, предполагающих использование полученных знаний в различных ситуациях решения языковых задач. Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования обеспечивается опорой на достижения лингвистической, психолого-педагогической и методической наук; совокупностью использованных методов; осуществлением исследования на теоретическом и практическом уровнях; данными опытного обучения и его результатов.

В последнее время в способах преподавания языков все больше появляются идеи специализации. Заметна необходимость внятно квалифицировать те направления, в которых проводится более напряженная методическая работа и которые оформляют некоторую инфраструктуру прогрессивной работы. К ним относятся изучение межкультурного общения, изучение русского языка в профессиональных целях, информационные технологии в обучении языку.

Методика морфологии – методика преподавания, изучающий процессы усвоения учениками грамматических понятий и закономерностей при исследовании частей речи, методы выработки практических умений и способностей в потреблении частей речи, образовании и потреблении форм склонения, спряжения и т.д., образующиеся при данном обычных проблемы, их частоту, предпосылки и пути их уничтожения.

Познавательной целью изучения морфологии является усвоение основных морфологических понятий. Практические цели изучения морфологии заключаются в формировании морфологических умений и навыков, главное из которых – различать части речи и производить морфологический разбор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Из специфичности морфологии выливаются надлежащие основы ее исследования: лексико-грамматический – сравнение лексического смысла определенного текста и совместного общего смыслового смысла текста как части речи, (например, беготня: лексическое смысл «быстрые движения людей на ногах в различных направлениях» и сплошное смысловое смысл «действие в форме существительного»); парадигматический – сравнение косвенных форм и начальной формы слова; морфолого-синтаксический – сравнение текста как члена предложения и части речи.

Морфологические упражнения закрепляют приобретенные обучающимися знания морфологии, и работают почвой для формирования языковой компетенции. С данной целью применяются надлежащие упражнения:

- морфологический анализ;

- абсолютный или же выборочный морфологический анализ слова;
- формообразование текстов, постановка текста в обозначенной форме;
- конструирование словосочетаний и услуг с конкретной частью речи;
- нахождение части речи в предложении, в тексте;
- словообразование частей речи;
- опознание части речи, такого или же другого разряда данной части речи;
- подбор текстов что или же другой части речи, такого или же другого разряда части речи;
- объединение текстов по частям речи, их разрядам;
- формирование парадигмы слова;
- разграничение омонимичных текстов, имеющих отношение к различным частям речи;
- формирование таблиц и наполнение готовых таблиц данными примерами;
- исследования за текстообразующей функцией частей речи;
- исследования за функционированием частей речи в текстах различных стилей;
- исследования за синтаксическими взаимосвязями между частями речи в структуре предложения.

Ключевое условие овладения языком как средством общения – это соизучение языка и культуры. Без фоновых познаний о мире изучаемого языка деятельно воспользоваться языком нельзя. Перевод текста обманчив, вследствие того собственно, что делает иллюзию эквивалентности текстов и эквивалентности миров. Как раз вследствие этого исследуемый язык и пользующийся им как средством общения обязан владеть им, куда ведет тропа смысла текста.

В процессе экспериментального исследования мы выяснили, что уровень морфологической компетенции будет высоким, если на уроках русского языка комплексно использовать такие эффективные методы обучения, как: метод языкового анализа; метод конструирования; наглядный метод; метод упражнений.

БЛАГОДАРНОСТИ. Выражаю благодарность своему научному руководителю Фаттаховой Наиле Нурыйхановне за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

Список литературы:

1. Песина С. А., Николаева К. В. Языковая компетенция современного специалиста // Инновационные технологии в науке и образовании. – 2015. – №. 3. – С. 108-109.
2. Файловый архив студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://studfile.net/preview/2455298/> (дата обращения: 11.12.19).
3. Файловый архив студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://studfile.net/preview/5919146/> (дата обращения: 11.12.19).
4. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 11.12.19).
5. Хавронина С. А. Начальный этап: задачи и содержание обучения. Формирование языковой компетенции // Русский язык за рубежом. – 2005. – №. 1-2. – С. 30-33.

УДК 81'42:004.738.5

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КОММЕНТАРИЕВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вульфович Борис Григорьевич
аспирант 2 курса

Катермина Вероника Викторовна
научный руководитель

PECULIARITIES OF STUDYING USERS' COMMENTARIES IN A POLITICAL INTERNET-DISOURSE: LINGUOPRAGMATIC ASPECT

Boris Vulfovich

2nd year post-graduate student

Veronika Katermina

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются лингвопрагматические особенности изучения комментариев интернет-пользователей в сфере политического интернет-дискурса. Принцип исследования заключается в смене объекта рассмотрения: в то время как большая часть исследований по данной тематике изучают преимущественно дискурс самих политиков (их посты в социальных сетях, выступления, презентации и прочий материал), мы акцентируем внимание на комментариях, которые сами пользователи – непосредственные участники политического Интернет-дискурса – оставляют под написанными постами политиков. Данный подход позволил раскрыть скрытый лингвопрагматический потенциал политического Интернет-дискурса, а именно его имплицитное содержание, выраженное в отношении электората к тому или иному политику, тем самым показав его «народный и публичный» образ. В основе метода исследования лежат определённые стратегии (персонная, текстовая и их объединение) и тактики (ассоциативности, домысливания, эмоциональности, копиальности содержания, копиальности формы и ключевых слов) текстопождения.

Ключевые слова: политический дискурс; Интернет-дискурс; лингвопрагматика; анализ; политик; комментатор; стратегия; тактика.

ABSTRACT. The article deals with linguopragmatic peculiarities of studying Internet-users' commentaries in the area of a political Internet-discourse. The key feature of the research is in the object changing: whereas the majority of works on this topic study the politicians' discourse (their posts in social networks, their public speeches, presentations and so on), we pay attention to commentaries left by users themselves for politicians' posts. This has let us reveal the hidden linguopragmatic potential of the political Internet-discourse, i.e. the voters' attitude towards a politician as to show their "public" image. This method is based on certain strategies of text creating (such as personal, textual and their combination) and tactics (associativity, speculation, emotionality, keywords, copying content and form).

Keywords: political discourse; Internet-discourse; linguopragmatics; analyses; politician; commentator; strategy; tactic.

ВВЕДЕНИЕ. Сегодняшний мир сложно представить без Интернета. Последние достижения НТР привели человечество к этапу глобальной «цифровизации»: практически каждая сфера жизнедеятельности человека оставила свой след во всемирной паутине. Фактически, современный человек живёт и существует в двух плоскостях: реальной и виртуальной. Каждая область имеет свои характерные черты и свойства; однако первая, в силу того, что она появилась раньше и существовала со времён возникновения человечества, заложила условия для второй. В то же время, виртуальная сфера жизнедеятельности человека в силу различия каналов связи не скопировала в точности особенности реальной жизни, а внесла некоторые коррективы в свою структуру: «Интернет как средство массовой информации имеет ряд особенностей, отличающих его от традиционных СМИ и переводящих взаимодействие с аудиторией в формат массовой коммуникации. Так, в интернете есть возможность комментировать видеоролики, статьи и другой контент, что обеспечивает «обратную связь» и позволяет автору понять, что именно вызывает положительные или отрицательные эмоции в его произведении» [9, с. 37].

Таким образом, появился смысл в рассмотрении различных аспектов, существующих непосредственно в мире Интернета. Основной целью данной статьи является попытка охарактеризовать теоретические основы анализа лингвопрагматического потенциала

политического Интернет-дискурса путём рассмотрения непосредственно комментариев пользователей в социальной сети “Twitter” к постам политических деятелей.

Выбор данной социальной сети обусловлен её высоким уровнем распространения в политике: «...в последние годы большой популярностью в среде виртуального общения стала пользоваться сеть Twitter... это система микроблогов, в которых пользователи публикуют короткие сообщения (не более 140 символов). Послания тут же появляются на странице у всех подписанных на неё читателей... Естественно, что возможности и популярность сети “Twitter” быстро нашли своё применение в политической жизни особенно для проведения политических дискуссий» [1, с. 87]. Более того, «данный ресурс, как объект изучения, прежде всего, интересен тем, что имеет самую разнообразную аудиторию пользователей: от простых людей (представителей разных профессий и социальных кругов), до влиятельных политиков и общественных деятелей» [15, с. 524].

Инновационной чертой данной статьи является акцентирование внимания непосредственно на комментариях, в то время как большая часть работ посвящена самим постам политиков: «Интернет-комментарий составляется эмоциональными людьми, равнодушными к происходящим вокруг них событиям» [7, с. 24], следовательно, в самих комментариях уже заложена основа для лингвопрагматического анализа. Более того, «анализ индивидуальных предпочтений в области текстопостроения, образующих индивидуальный почерк творческой личности, или его идиостиль, может свидетельствовать об особенностях авторского мироощущения» [12, с. 6].

Так, ограничение объёма сообщений, разнообразие аудитории и всеобщая популярность данной социальной сети в политической среде делают её самой оптимальной платформой для анализа и выявления лингвопрагматического потенциала политического интернет-дискурса, рассматриваемого нами на примере Интернет-комментариев к постам политического содержания в данной социальной сети.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основным методом статьи является описательный метод, поскольку необходимо представить теоретические основы анализа данного вида политического Интернет-дискурса. Непосредственно объектом исследования являются комментарии к постам политиков в социальной сети “Twitter”, предмет исследования – их лингвопрагматический потенциал.

Отметим, что в силу анонимности комментариев и невозможности в большинстве случаев определения личности их авторов, на исследование налагаются определённые рамки: «Очень сложно систематизировать и объяснить часто окказиональные факторы, связанные с мотивацией и обусловленностью использования языка. При анализе необходимо учитывать возраст, пол, социальную и этническую принадлежность. Но в условиях полной анонимности мы должны полностью полагаться на ту личную информацию, которую пользователи размещают в Сети. Именно поэтому представляется проблематичной выработка критериев интерпретации полученных данных, тем более что порой нельзя быть уверенным даже в базовых критериях анализа, например, пол и национальная принадлежность трудно угадываются. В этом случае лингвист должен обладать достаточно прочными знаниями в области психологии, владеть рядом разработанных профессиональных методик определения реальной личности, которая скрывается за личностью виртуальной» [3, с. 24].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Не менее важной тенденцией в современных лингвистических исследованиях является смена парадигм. Так, на сегодняшний день внимание сосредоточено на антропоцентрической парадигме в языкознании, в которой человеку принадлежит главенствующая роль, поскольку дальнейшее исследование не может быть реализовано без непосредственного «производителя» материала для него – то есть, разного рода видов речевых актов.

В основу работы положены труды учёных, изучающих специфику виртуальной среды политической Интернет-коммуникации. Вопросами медиа- и политической лингвистики занимаются такие учёные как А.Г. Алтунян [2], Е.И. Горошко [5], А.А. Каширин [8],

М.Н. Володина [4] и др. Социальные сети с позиции политического интернет-дискурса рассматриваются А.П. Чудиновым [16], Н.А. Ахреновой [3], С.Ж. Ергалиевой [6], Д.С. Шипиловой [18] и др. Стилистические аспекты Интернет-лингвистики изучаются У Анной [13], Фу Хэчженем [14], О.П. Шевченко (Малышевой) [17], а также Н.А. Рябченко, В.В. Катерминой, А.А. Гнедаш, Б.Г. Вульфович [11] и др.

Данные работы репрезентируют последние на сегодняшний день достижения в исследованиях по данной проблематике. Как правило, большее внимание уделяется непосредственно политическому Интернет-дискурсу, выраженному непосредственно в речевых актах самих политиков, однако встречаются и работы, посвящённые анализу и разбору предмета нашего исследования – самих Интернет-комментариев.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Имеющийся Интернет-комментарий может быть рассмотрен с двух сторон: прагматической (анализ применения комментаторами стратегий и тактик при создании комментария) и семантической (использование стилистических средств на всех уровнях языка для придания комментарию определённой эмоциональной окраски).

Основные тактики и стратегии, которыми мы будем пользоваться в данном исследовании, представлены в работе С.Ж. Ергалиевой [6]. По нашему мнению, они наиболее полно отражают характерные особенности Интернет-комментариев.

Согласно классификации, приведённой учёным, существует три стратегии текstopорождения: персонная, текстовая и их объединение.

При использовании персонной стратегии автор комментария практически не опирается на текст исходного поста, который он комментирует; акцент делается непосредственно на личное его мнение касательно рассматриваемого вопроса, поэтому такой комментарий можно считать лишённым объективности. Наблюдается преобладание подобных комментариев, потому что зачастую люди в первую очередь показывают какую-либо ответную реакцию на полученную информацию, а уже за тем приходят к тому или иному логическому или объективному заключению.

Приверженцы текстовой стратегии, наоборот, опираются на исходный текст. Такие комментарии, как правило, всегда объективны и не содержат лишней или ненужной информации. Они состоят из рационально мыслящими людьми, которые не ставят задачей каким-либо образом спровоцировать своим комментарием дальнейшую дискуссию или же просто выразить своё мнение. Однако таких комментариев встречается немного, поскольку, несмотря на их объективность, они чаще всего просто пересказывают содержание исходного поста или рассуждают о его логических последствиях.

Наиболее продуктивными с точки зрения подачи читателю являются комментарии, в которых происходит объединение этих двух стратегий, поскольку в них личное мнение автора «накладывается» на структуру исходного текста, в результате чего мы получаем не только объективный комментарий, но и можем понять личностную позицию комментатора. Данный вид комментариев является наиболее интересным как для дальнейшего анализа, так и для чтения, поскольку несёт в себе самое большое количество имплицитной информации по сравнению с двумя другими рассмотренными стратегиями.

В то время как стратегии текstopорождения являются своего рода «точками опоры» при составлении комментария, тактики, используемые при их создании, уже в большей степени позволяют раскрыть позицию комментатора. С.Ж. Ергалиева выделяет следующие виды тактик: ассоциативности, домысливания, эмоциональности, копиальности содержания, копиальности формы и ключевых слов [6].

Тактика ассоциативности применяется при возникновении у автора комментария каких-либо аллюзий на те или иные события или факты, или же на конкретных людей. К примеру, описанное какое-либо политическое событие уже могло иметь аналог в истории данной страны или мира, следовательно, комментатор мог указать на непосредственную связь с ним путём внедрения тактики ассоциативности. Данная тактика может быть использована как объективное средство выражения позиции автора, так и как субъективное: всё зависит от правильности выбранной ассоциации.

Тактика домысливания зачастую ведёт к потере объективности, поскольку автор комментария начинает «домысливать» содержание исходного поста, в результате чего суть комментария реализуется в выражении собственных домыслов автора относительно рассматриваемого вопроса, однако без каких-либо вещественных деталей. Как правило, авторы, использующие подобную тактику, могут высказать свой прогноз по поводу дальнейшего развития описываемой ситуации или же предпринять попытку описания дальнейших действий в ней. Чаще всего такие комментарии имеют высокую степень субъективности и в большинстве случаев не имеют ничего общего с объективной действительностью.

Тактика эмоциональности непосредственно связана со стилистикой: применяя её, автор использует различные экспрессивные стилистические средства, например, эпитеты, метафоры, ярко окрашенные слова и др. Задача, которую ставит комментатор, – максимально ярко выразить своё отношение к вопросу, привлекая как можно больше внимания к своему комментарию.

Тактики копиальности содержания и копиальности формы похожи по своему выражению, но различны по содержанию: при использовании тактики копиальности содержания автор преимущественно сохраняет само содержание исходного поста, немного изменяя текст; при тактике копиальности формы автор может сохранить форму исходного поста (графический облик), однако содержание может быть полностью изменено. Очевидно, что первая тактика будет представлять собой большую объективность, чем вторая.

Тактика ключевых слов также представляет интерес, поскольку автор комментария «цепляется» за определённые слова в исходном посте и далее использует их в своём тексте. Данная тактика может характеризоваться как объективностью, так и её отсутствием: это зависит от того, насколько правильно и точно автор прокомментирует отобранные ключевые слова, поскольку они, так или иначе, будут «вырваны» из контекста.

Все описанные стратегии и тактики могут быть использованы при составлении комментариев. Отметим, что комментатор, безусловно, использует их подсознательно, однако цель, преследуемая им, реализуется в них непосредственно. Также допускается объединение нескольких тактик и/или стратегий (См. [10; 7]).

Отдельное место при анализе комментариев уделяется их стилистике, поскольку именно стилистические приёмы позволяют автору достичь желаемого результата: “In short, when the linguistic tools are consciously used in somebody’s speech to cause some emotional reaction, to impose a certain point of view or to attract the audience (for his own future benefits), we are definitely talking about speech manipulation” [19, с. 52].

Так, сознательное использование стилистических приёмов позволяет конкретным образом привлечь внимание аудитории, вызвав у неё желаемую эмоциональную реакцию: «Как известно, слово помогает человеку выражать своё отношение к миру, внутреннее намерение действовать в соответствии с экстралингвистическими факторами. Посредством речи можно продемонстрировать окружающим свою готовность к деятельности, реализовать свои мыслительные процессы и предупредить окружающих о принятии решения» [17, с. 46].

Более того, “Language is essential to politics as politics exercises its power of making decisions and influencing citizens through language” [19, с. 17], следовательно, язык со всем своим потенциалом экспрессии в политическом дискурсе является мощным средством выражения идей и мыслей.

Как считает Н.А. Ахренова, «сегодня уже можно выделить ряд направлений исследований в интернет-лингвистике: интернет-синтаксис, интернет-семантика, интернет-морфология, анализ интернет-дискурса, способов передачи (фонологический, графологический, мультимедийный), психолингвистическое, социолингвистическое направления в исследовании интернета и т.д. в проекции и по аналогии с традиционной лингвистикой [3, с. 22].

Таким образом, производить анализ стилистических приёмов, используемых в интернет-комментариях, необходимо по уровням: *фонетический* (звукоподражание,

аллитерация, рифма, ритм, ассонанс, анафора, эпифора, анаграмма, паронимическая аттракция, палиндром), *графический* (тире, парцелляция, капитализация, отсутствие знаков препинания, кавычки, курсив, многоточие), *морфологический* (стилистическое использование категорий времени, неформальных глагольных форм, категории модальности, личных местоимений, степеней сравнения прилагательных и пассивных конструкций), *лексический* (метафора, метонимия, синекдоха, ирония, сарказм, полисемия, играслов, зевгма, каламбур, междометие, эпитет, оксюморон, антономазия, сравнение, аллегория, перифраз, эвфемизм, гипербола, литота, олицетворение, клише, пословицы и поговорки, цитата, аллюзия, архаизмы, историзмы, барбаризмы), *синтаксический* (инверсия, обособление, транспозиция, бессоюзие, повторы, полисиндетон, риторический вопрос, эллипсис, восклицательные предложение, вопросительное предложение).

Более того, в работе «Доминанты современной интернет-лингвистики» [3] Н.А. Ахренова также выделяет отличительные особенности языка Интернета. Среди них наблюдаются следующие: аббревиатуры, сокращения, акронимы, типографские символы; употребление жаргона и сленга; пропуск букв; сознательное манипулирование правилами орфографии; агграматизм – отклонение от пунктуационных стандартов; использование хештегов, вопросительных и восклицательных знаков, а также других символов; применение смайликов и эмодзи. Сообщения, в которых присутствует тот или иной хештег, становятся «маркированными» и дают возможность интернет-пользователям найти тематическую информацию с помощью инструмента поиска» [10, с. 143].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Итак, нами были проанализированы характерные черты и свойства Интернет-комментариев. Обладая данным набором свойств и характеристик, можно провести достаточно полный и подробный анализ комментариев любого рода. Комплексный анализ массива комментариев по заданной тематике позволит нам в полной степени выявить лингвопрагматический потенциал, заложенный в политическом интернет-дискурсе.

Проведение такого вида работы предусматривает взаимодействие со всеми видами стратегий (персонная, текстовая и их объединение) и тактик (ассоциативности, домысливания, эмоциональности, ключевых слов, копияльности содержания и формы). Комментарий может как включать в себя несколько видов стратегий и тактик, так и быть примером использования какой-либо одной. Усиление данных тактик происходит благодаря использованию стилистических средств и приёмов, которые могут быть реализованы на основных уровнях языка: фонетический, графический, морфологический, лексический и синтаксический.

Результаты таких исследований могут быть использованы вразного рода социальных исследованиях и экспериментах, в которых одной из основных задач стоит установление общественного мнения по тому или иному вопросу в сетевом сообществе на основе Интернет-комментариев.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 18-011-00910 «Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды» (2018-2020 гг., рук. Н. А. Рябченко).

Список литературы:

1. Акопов Г.Л. Политика и Интернет: монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 202 с.
2. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: Учебное пособие. – М. : Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
3. Ахренова Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 10 (28). – С. 22-26.
4. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. – М.Н. Володиной. – М. : Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.

5. Горошко Е.И. Новые тенденции в развитии интернет-лингвистики: общение от клавиатуры (звука) к экрану (звуку) // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 148-153.
6. Ергалиева С.Ж. Политический дискурс в текстодеживатологическом аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов): дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2018. – 274 с.
7. Катермина В.В., Вульфович Б.Г. Лингвопрагматический потенциал политического Интернет-дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Научный журнал. Владикавказ: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова». – 2019. – №2. – С.19-26.
8. Каширин А.А. Индивидуальный медиадискурс как отражение идиостиля журналиста-ведущего авторской телевизионной программы: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2019. – 207 с.
9. Кудимова О.С. Риторические стратегии воздействия на массовую аудиторию в политическом блогинге: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2019. – 202 с.
10. Рябченко Н.А. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика / В.В. Катермина, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – Т. 19. – № 3. – С. 139-162.
11. Рябченко Н.А. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ / Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Вульфович Б.Г. // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 114-131.
12. Семёнова Т.В. Особенности языковой репрезентации индивидуально-авторской картины мира в поэтическом дискурсе (на материале свободного стиха У.Х. Одена): дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2019. – 190 с.
13. У Анна. Стилистические и лингво-прагматические характеристики публичной речи политических лидеров России конца XX и начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2019. – 202 с.
14. Фу Хэжэнь. Политическая медиалингвистика: референциальные и аксиологические аспекты новостных статей современной российской прессы: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2019. – 265 с.
15. Чижик А.В. Политический дискурс в русскоязычном Twitter и образ политика через призму интернет-дискурса // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2015. – С. 523-532.
16. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / – М.: «Флинта», «Наука». 2006. – 254 с.
17. Шевченко (Малышева) О.П. Лингво-дискурсивные особенности публичных выступлений (на материале речей политических лидеров США и Великобритании XX-XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 208 с.
18. Шипилова Д.С. Лингвистические средства реализации коммуникативных стратегий в формировании виртуального имиджа американского политика (на материале предвыборного дискурса в социальной сети «Твиттер»): дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2018. – 186 с.
19. Bodoc Alice. Linguistic instruments employed in political discourses. Manipulation tools or expressions of human universal behaviour? // Bulletin of the Transilvania University of Braşov Series IV: Philology and Cultural Studies. – 2018. – Vol. 11 (60). – No. 2. – P. 49-70.

УДК 371.71

ПРИЕМЫ МЕДИТАТИВНЫХ УПРАЖНЕНИЙ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Герасимова Алина Александровна
студент 4 курса

Комуцци Людмила Владимировна
научный руководитель

USING MEDITATIVE EXERCISES IN THE ENGLISH CLASSROOM

Alina Gerasimova
4th year student
Lyudmila Komutstsi
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. Одной из важнейших задач современного педагога является внедрение здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс, который становится все более стрессогенным. Очевидно, что оптимальное планирование уроков, предусматривающее использование здоровьесберегающих технологий, положительно влияет на качество и длительность умственной деятельности обучающихся, позволяет предупреждать и снимать утомление. Однако, напряженный ритм современного образовательного процесса в школах и в высших учебных заведениях не позволяет преподавателям уделять этой проблеме достаточного внимания. В статье предлагается краткий анализ зарубежной и отечественной практики медитативных упражнений с элементами йоги и дыхательной гимнастики и опыт автора по их использованию на уроках английского языка с учащимися 11 класса.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии; медитативные упражнения; йога; дыхательные упражнения; уроки английского языка.

ABSTRACT. Introducing healthsaving technologies into educational process, which has been producing ever more stress in the last decades, has become a serious issue for teachers to deal with. It is quite evident that sound lesson planning that provides for healthsaving technologies makes a positive effect on the quality and duration of the students' mental activity allowing for preventing and taking off their tiredness. The rush of contemporary school and university life, however, does not grant the teachers with a lot of opportunity to consider this problem with due attention. This article suggests a brief literature review on possibilities of implementing meditative exercises, particularly those of yoga, and breath gymnastics, as well as the author's personal experience of using them in the English classroom with 11th-graders.

Keywords: health saving technologies; meditative exercises; yoga; breath exercises; English classroom.

ВВЕДЕНИЕ. Здоровье обучающихся ухудшается с каждым новым поколением, и немаловажную роль в этом играет образовательная организация, в которой они проводят большую часть времени [2]. Состояние здоровья подрастающего поколения – важнейший фактор будущего страны, и не случайно «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека» обозначены в ряду приоритетных принципов государственной политики в Федеральном Законе об образовании в Российской Федерации [8].

Гиподинамия, регулярное эмоциональное, умственное напряжение и длительные статические нагрузки являются характерными чертами современных общеобразовательных учреждений. Правильно организованный урок влияет не только на длительность умственной работоспособности, но и на возможность своевременного предотвращения утомления обучающихся. Чтобы помочь обучающимся справиться со стресс и негативными эмоциями, педагог должен использовать в процессе обучения гармоничное сочетание умственных

нагрузок и медитативных упражнений. В своей повседневной практике, однако, учителя не уделяют этой проблеме достаточного внимания. Основательных методических разработок, в которых бы давался системный комплекс медитативных упражнений для уроков английского языка, в России практически нет. Это тема, которую активно осваивают в США, Австралии и Китае. В основном корпусе статьи мы дадим обзор методических разработок, сделанных зарубежными исследователями, и покажем некоторые результаты апробации приемов медитативных и дыхательных упражнений на уроках английского языка у учащихся 11 класса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Наше исследование включает несколько этапов, предполагающих соответствующие методы. На первом этапе мы делаем обзор литературы и анализируем релевантные работы с целью использования их результатов для практической части. Второй этап предполагает систематизацию теоретического материала и его обработку для выделения функций медитации и наиболее эффективных приемов использования медитативной практики и дыхательной гимнастики в обучающих целях. Третий этап предполагает разработку системы медитативных и дыхательных упражнений для рационального включения их в планы уроков английского языка в школе. Сейчас исследование находится на втором этапе, но мы параллельно приступили к разработке пробных планов уроков и анализу учебника английского языка для 11 класса [1] с целью определения возможностей, предоставляемых содержанием учебника, для оптимального введения в уроки медитативных упражнений. Во время педагогической практики в общеобразовательной школе № 16 г. Балашова Саратовской области мы провели первую апробацию плана урока с элементами медитативной практики. Разработанную модель таких уроков мы собираемся апробировать в школе на конечном этапе исследования.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Термин «медитация» означает практику фокусирования внимания на конкретном элементе, будь то мысль или внешний объект, и погружение в состояние глубокой концентрации и рефлексии [7]. Во время сосредоточения на дыхании, размышлении, разглядывании объекта, наше сознание полностью освобождается от многочисленных проблем и сосредотачивается на конкретном моменте, происходящем в настоящий период времени. Техники медитации, способствующие полному физическому и психологическому расслаблению, помогают справляться со стрессом, негативными эмоциями, депрессией, бессонницей, усталостью и другими проблемами, связанными с эмоциональным напряжением. Кроме того, медитативные упражнения являются эффективным способом достижения самопонимания, осознания собственных ценностей и целей, раскрытия собственного потенциала, объективного оценивания реальности.

В России медитативные технологии на уроках английского языка фактически не применяются, потому что нет соответствующих методических разработок. Зато есть разработка лечебной дыхательной гимнастики известной певицы А. Н. Стрельниковой, которую активно популяризирует М. Н. Щетинин [9].

В США, Австралии, Китае и других странах медитативные упражнения привлекают намного больше внимания со стороны педагогов, лингвистов и нейрофизиологов. В школах этих стран всё чаще появляются комнаты для медитации школьников. Например, в одной из начальных школ Балтимора для недисциплинированных учеников используют необычный метод перевоспитания. Вместо наказания им предлагают заняться медитацией, йогой или попрактиковать осознанность [4]. Есть интересные работы, раскрывающие практику применения управляемой медитации на уроках для лучшего усвоения лексики [6]. Австралийские исследователи в области образования и обучения в сотрудничестве, Кэрол Купер и Джули Бойд, ввели в научную практику метод осознанного обучения (mindful learning) через медитацию осознанности, способствующую расширению сознания обучающихся. Их исследования показали, что этот метод способствует раскрытию таких способностей, как осознанное восприятие и понимание информации [12, с. 143]. Вместе с китайским лингвистом и преподавателем английского языка Гуань Юй Лю, американским ученым-физиком и исследователем нефизических реальностей Томом Кэмпбеллом, Кэрол

Купер и Джули Бойд, которые изучали методику медитативного рисования, медитацию внимательности, медитацию совместного обучения и медитативное письмо. Лю удалось объединить все эти стратегии вместе с управляемой медитацией. Обучающиеся занимались медитацией до занятий либо в процессе обучения один раз в неделю, а когда школьники освоили медитативные упражнения, Гуань Юй Лю увеличил их продолжительность [12, с. 145]. Его исследования показали, что у обучающихся повысились мотивация, эмоциональный настрой и концентрация внимания, что привело к повышению результатов освоения английского языка [12, с. 146]. Этот исследователь-практик и его ученики утверждают, что смогли укрепить взаимоуважение друг к другу. Благодаря сложившемуся гармоничному обучению у них повысилась мотивация, сосредоточенность на учебной деятельности, желание посещать уроки английского языка [12, с. 152].

РЕЗУЛЬТАТЫ. Анализ литературы по медитации [5, 6, 7] позволил нам выделить основные функции этой практики, которые могут быть использованы для гармонизации состояния обучающихся на уроках английского языка:

1) *Увеличение концентрации внимания.* Изучение иностранного языка требующего особого внимания, системного подхода и сосредоточения, на первый взгляд может показаться слишком неинтересным и сложным занятием. Целесообразно использование медитативного подхода в процессе обучения, если обучающиеся не способны сфокусироваться на выполнении заданий. Медитация – это эффективный способ увеличения концентрации и поддержания внимания.

2) *Развитие памяти.* Память – один из главных компонентов при изучении иностранного языка, так как обучающимся необходимо изучать новые слова и грамматические правила. Медитация может помочь обучающимся облегчить процесс изучения английского языка, сделав память более восприимчивой к новой информации и улучшить её. Главным преимуществом применения медитативных упражнений является развитие кратковременной и долговременной памяти.

3) *Качественное улучшение состояния мозга.* Занятия медитацией усиливают выработку количества серого вещества в мозге человека, преимущественно во время выполнения заданий, связанных с обучением, памятью и контролем эмоций. Благодаря регулярной практике медитации обучающиеся становятся физически более восприимчивыми к приобретению, сохранению новой информации, навыков и способностей.

4) *Совершенствование функций обработки информации и принятия решений.* Медитация помогает ускорить обработку информации и принять оптимальные решения в процессе изучения любого иностранного языка, требующего анализа и сортировки большого количества информации.

5) *Увеличение стрессоустойчивости.* Внешний стресс – это психологическое состояние у школьников, которое делает осмысленное изучение практически невозможным. Медитация улучшает работоспособность и увеличивает производительность даже в самых стрессовых ситуациях.

6) *Восстановление памяти.* Медитация, способствующая быстрому восстановлению памяти, будет давать положительный результат при изучении новых слов и грамматических правил для формирования устной и письменной речи.

Изучение литературы по медитативным техникам, созданным для устранения негативных проявлений эмоционального напряжения [7; 8; 9], позволила нам выделить наиболее простые и плодотворные из них:

1) техника, сочетающая поочередное расслабление и напряжение мышц, увеличивает стрессоустойчивость;

2) визуализирующая техника предназначена для представления в уме образов тех мест, в которых можно ощутить полное умиротворение, с их запахами и ощущениями;

3) аутотренинг – это применение специальных фраз – аффирмаций, которые направлены на развитие уверенности в себе.

Медитация – это часть йоги, а йога – эффективный метод борьбы со стрессом [7]. Йога – это система методов и практик работы с телом и сознанием. Основными методами йоги считаются созерцание, сосредоточение сознания и психофизические упражнения, которые связаны с конкретными позами и регулированием дыхания. Йога состоит из множества физических поз, называемых асанами. Данные позы проводятся в различные периоды времени в комплексе с техникой дыхания (пранаяма) и медитацией (дьяна), которые способствуют успокоению, релаксации и усилению концентрации внимания обучающихся в процессе изучения иностранного языка [7].

Применение правильной музыки во время медитативных упражнений играет немаловажную роль в процессе обучения иностранному языку [6]. Ее следует включать во время упражнений глубокого дыхания. Правильно подобранная медитативная музыка позволяет расслабиться, ощутить внутреннюю свободу, повысить настроение и пробудить собственные фантазии. Спокойная, медленная музыка без резких звуков используется для релаксации и концентрации. Безошибочным решением могут стать мелодии, которые исполнены на суре, флейте, гитаре, или звуки природы – шум моря, дождя или леса, пение птиц.

На уроке английского языка мы апробировали интересную практику медитации с применением гонга, используемом, как правило, для занятий кундалини-йоги. Звон колокола или гонга выступает в качестве средства, которое позволяет собраться с мыслями, настроиться на обучение и оставить переживания за пределами класса. Данный метод можно применять в начале, середине или в конце урока. Звучание гонга называют звуковым массажем, помогающим избавить разум от ментального мусора и устранить привычку держать все контролем. Сознание обучающихся освобождается от стереотипов, а беспорядочное мышление упорядочивается. Биоэнерготерапевт, психолог, мастер медитаций и руководитель школы Каула-йоги Илья Дунаевский объясняет это так: «Удар гонга или звук поющей чаши создает в пространстве звуковую вибрацию, которая рефлексивно вызывает у человека успокоение» [7].

Выполнение дыхательных упражнений приводит к изменениям функционального состояния организма. Ритмичное спокойное дыхание с удлиненным выдохом оказывает на организм успокаивающее воздействие, а энергичные дыхательные упражнения с укороченным форсированным выдохом, наоборот, помогают побороть сонливость, возбудить и активизировать умственную активность [9, с. 115].

Пранаяма – это техника дыхания, применяемая во время занятий йогой, а также контроль над тонкой энергией. Обучение правильному дыханию и развитие дыхательной мускулатуры напрямую связано с изучением языков, как родного языка, так и иностранных. На уроках английского языка в российских школах этот вид йоги может эффективно заменяться системой дыхательных и медитативных упражнений, разработанной А.Н. Стрельниковой.

ОБСУЖДЕНИЕ. Мы проанализировали УМК «Английский в фокусе» (“Spotlight”) для 11 класса, который пользуется наибольшей популярностью в последние годы, и оценили возможности, предоставляемые его содержанием, для включения в планы предусмотренных им уроков медитативных упражнений [1]. В данном УМК нашли отражение традиционные и современные тенденции российской и зарубежных методик обучения иностранному языку. Вся линейка включена в Федеральный перечень Министерства образования и науки РФ и одобрена для применения в средних учебных заведениях. В Таблице 1 мы приводим план урока английского языка, составленного по одной из тем данного методического комплекса, в который включили элементы медитативных упражнений.

Тема:	“Where there’s a will, there’s a way”.
Цель:	гармонизация эмоционального и физического состояния обучающихся для формирования лексических и речевых навыков по теме “Stress”.

Задачи:	1) общеобразовательные: – активизировать лексические единицы (ЛЕ) по теме «Стресс» в устной и письменной речи; – развивать навыки монологической и диалогической речи; 2) развивающие: – развивать умение использовать ЛЕ в мини-высказываниях; – высказывать предположения, прогнозировать; опровергать утверждения или соглашаться с ними. 3) воспитательные: – развивать у обучающихся самостоятельное мышление; – развивать память и внимание обучающихся; – повышать общее эмоциональное состояние и мотивацию к изучению английского языка.
Тип урока:	комбинированный.
Методы обучения:	интерактивный, объяснительно-иллюстративный, элементы медитации и дыхательной гимнастики.
Формы организации:	фронтальная, индивидуальная, групповая.
Организационно-мотивационный момент – 2 минуты	Приветствие. Показ коротких видео, в которых рассказывается о влиянии стрессовых ситуаций на здоровье человека. Обучающиеся сами определяют тему урока по ним.
Гонг. Актуализация знаний и умений – 3 минуты	1) Учитель ударяет в гонг, на уроке создается тишина. Гонг выступает далее как сигнал для переключения видов работы. 2) Слайд с картинками, лексикой и упражнением на соотнесение английских слов и фраз (tense, rationally, sigh, be sick and tired of, lose one's temper, feel the strain of) с их значением.
Гонг. Фонетическая зарядка под медитативную музыку – 7 минут	1) Дыхательная гимнастика «Ушки» по методике А.Н. Стрельниковой. Stand up, legs slightly narrower than your shoulder width. Tilt your head slightly to the right, the right ear goes to the right shoulder – a noisy, short breath. Now tilt your head slightly to the left, the ear goes to the left shoulder – another breath. 2) Чтение стихотворения “Stress” p. 28. Сначала чтение хором с аудиозаписью стихотворения, затем – самостоятельно, учитель проходит по рядам и производит мониторинг.
Гонг. Применение знаний и умений в новой ситуации – 10 минут	Ex. 2a, p. 28 – read the text. Fill in the gaps in the text on p. 29 and compare with a partner; ex. 2b, p. 28 – listen and read again. What is the purpose of the text? Ex. 3, p. 28 – match the underlined words / phrases in the text with their meanings;
Обобщение и систематизация знаний – 10 минут	Ex. 4, p. 28 – prepare a two-minute talk on stress; ex. 5, p. 28 – choose the correct word. Check in the Word List; ex. 6, p. 28-29 – fill in words. Explain the phrases in bold.
Гонг. Медитация – 3 минуты	Выполнение дыхательного упражнения пранаяма: Sit in a comfortable position, raise your left hand facing you and rest your right arm in your lap. Taking a deep breath, exhale entirely closing your left nostril with your left thumb. Inhale through your left nostril slowly, then make a pause. Release your left nostril, simultaneously closing your right nostril with the ring finger. Exhale and inhale through your left nostril. Release your right nostril and close your left nostril. Exhale through your right nostril.

	Keep doing the exercise until you are relaxed.
Рефлексия, подведение итогов занятия – 5 минут	Обучающиеся участвуют в коллективном обсуждении. Оценивают свою работу.
Информация о домашнем задании и оценках – 5 минут	Ex. 7, p 29 – fill in the words and check in the Word List. Ex. 8, p. 29 – match the phrases. What are these phrases in your language?

Таблица 1. План урока английского языка с элементами медитативных упражнений

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Не требующая особых усилий медитация – одна из наиболее результативных здоровьесберегающих технологий, позволяющая восстанавливать здоровье, умеренно распределять нагрузку на все органы мышц. Кроме того, внедрение в образовательный процесс медитативных упражнений с элементами йоги и дыхательной гимнастики позволяют обучающимся обрести спокойствие, справиться с мыслями, когда это необходимо, и способствуют активной релаксации.

Преподавание английского языка с помощью элементов медитации может занимать не только несколько секунд, минут от урока, но и охватывать весь процесс обучения. Данное решение принимает учитель в соответствии с учебной программой. Если учебная программа не позволяет использование метода йоги на уроке, то можно применить мини-действия, которые также могут быть полезны. Мини-действия заключаются в следующем: учитель звонит в колокол или гонг и просит обучающихся организовать тишину на уроке. К тому же если применение йоги на уроке иностранного языка заинтересовало обучающихся, то проводить уроки с элементами йоги можно длительный период времени.

Применение на уроке элементов йоги полезны в любой промежуток времени. Например, с утра, когда обучающиеся еще сонливы, уместно использовать динамические позы, которые оживляют и стимулируют тело и разум обучающихся. Йога также хороша для применения в конце учебного дня, когда обучающиеся устали или нуждаются в освобождении от накопленной за целый день энергии.

Список литературы:

1. Афанасьева О.В. Английский язык 11 класс: учеб. Для общеобразоват. учреждений / О. В. Афанасьева, Дж. Джули, И. В. Михеева и др. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ExpressPublishing: Просвещение, 2009. – 244 с.
2. Брянцева Л.В. Здоровье современных школьников: проблемы, опыт работы // Открытый урок. Первое сентября. – 13.06.2012 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/618059/> (дата обращения: 27.11.19).
3. Лю Г. Ю. Секреты китайской медитации [Электронный ресурс]. – URL: http://www2.e-reading.club/bookreader.php/91989/Yuii_-_Sekrety_kitaiiskoi_meditacii.html (дата обращения: 27.11.19).
4. Медитация вместо наказания: новый подход в школах приносит удивительные результаты [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.epochtimes.com.ua/ru/krasota-i-zdorove/meditaciya-vmesto-nakazaniya-novyuy-podhod-v-shkolah-prinosit-udivitelnye-rezultaty-126702> (дата обращения: 27.11.19).
5. Медитация как инструмент к изучению языка [Электронный ресурс]. – URL: http://alltranslations.ru/index.php?route=news/article&news_id=66 (дата обращения: 27.11.19).
6. Платонова Т.В. Медитация как один из способов здорового образа жизни // Вестник психотерапии. – 2007. – № 23. – С. 103-106.
7. Различные статьи о болезнях и их лечении человека [Электронный ресурс]. – URL: <https://deltarecycling.ru/stress/meditatsiya-ot-stressa-i-vnezapnogo-shoka/> (дата обращения: 27.11.19).

8. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-29122012-n-273-fz-ob/> (дата обращения: 27.11.19).

9. Щетинин М.Н. Дыхательная гимнастика А.Н. Стрельниковой/ М.Н. Щетинин. – СПб: Изд-во Метафора, 2004. – 126 с.

10. Cooper C. & Boyd, J. (1996). Mindful learning. Launceston Tasmania, Australia: Global Learning Communities.– 1996. – 186 p.

11. Selva J. Mindfulness Meditation Videos, Exercises, Books and Courses [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://positivepsychology.com/mindfulness-meditation/> (дата обращения: 27.11.19).

12. Yang W., Chao L. Cultivate Mindfulness: A Case Study of Mindful Learning in English as a Foreign Language Classroom: University of Finance and Economics / W.Yang, L. Chao. – China. – 2016. – 155 p.

УДК 37.062.3

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Дворникова Ангелина Федоровна

студент 1 курса

Гаврилова Лада Сергеевна

студент 1 курса

Гришук Артём Валерьевич

научный руководитель

PROBLEMS OF THE EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Angelina Dvornikova

1st year student

Lada Gavrilova

1st year student

Artyom Grishchuk

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается понятие образования, его цели и функции, а именно экономическая, социальная и культурная. С учётом различных контекстов и обстоятельств, связанных с проблемными ситуациями, которые возникают в первую очередь между учениками, предлагаются положения, обязательные к выполнению для преподавателей (достоверность и актуальность необходимых знаний; наставничество; стимулирование к получению новых знаний, оказание индивидуальной психологической поддержки). Также в статье детально описываются причины, по которым традиционная методика обучения стала меньше подходить к сегодняшним реалиям (получение одинаковых знаний; отсутствие коммуникаций; отсутствие обработки и анализа материала; незаинтересованность в процессе обучения). Как один из основных путей решения проблем, рассматривается совокупность реформ, способная модернизировать уже существующую программу обучения, которая включает в себя обучение, переподготовку высококвалифицированных кадров; повышение степени коммуникативности педагогов и учеников; изменение традиционных подходов к воплощению образовательной программы. Дается понятие и краткая характеристика методов обучения: активный, интерактивный и пассивный. Также представлены факторы, препятствующие скорейшему созданию плана для требуемого образовательного процесса.

Ключевые слова: образовательный процесс; информационные технологии; профессиональное развитие; современные методы образования; эвристические качества личности.

ABSTRACT. The article discusses the concept of education, its goals and functions, namely: economic, social and cultural. Taking into account the various contexts and circumstances associated with problematic situations that arise primarily between students, we propose mandatory provisions for teachers (the reliability and relevance of the necessary knowledge; mentoring; stimulation of the acquisition of new knowledge and the provision of individual psychological support). The article also describes in detail the reasons why the traditional teaching methodology has become less suitable for today's realities (obtaining the same knowledge; lack of communication; lack of processing and analysis of the material; disinterest in the learning process). As one of the main ways to solve the problems, we consider a set of reforms that can modernize an existing training program, which includes the training, and retraining of highly qualified personnel; increasing the communication intensity between teachers and students; changing traditional approaches to the implementation of the educational program. The concept and a brief description of teaching methods are given: active, interactive and passive. The paper also provides the factors that impede developing the plan for the required educational process are also presented.

Keywords: educational process; information technology; professional development; modern methods of education; heuristic qualities of personality.

ВВЕДЕНИЕ. За последние несколько лет образовательная система Российской Федерации претерпела множество изменений, направленных на улучшение качества преподавания, глобализацию знаний, общую заинтересованность подрастающего поколения в необходимости обучения и его социально-экономической, информационной значимости в современном мире. Однако до сих пор ведутся споры по поводу самого процесса обучения и необходимости некоторых реформ.

Таким образом, цель данной статьи – рассмотреть проблемы развития современного образования и выявить пути их решения.

Данной целью определяется ряд задач:

- 1) рассмотреть содержание понятия «образование» и его функции;
- 2) изучить образовательные методики;
- 3) выделить положения, необходимые для реализации в преподавательской деятельности.
- 4) выделить факторы, которые необходимо улучшить для успешного дальнейшего развития образовательного процесса;
- 5) обозначить пути решения проблем образования.

Существенный вклад в разработку данной проблемы внесли: В.И. Загвязинский [3]; В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина [4]; И.В. Островский [7]; А.Р. Фонарев [10]; В.И. Шкатулла [12].

В данном вопросе стоит отталкиваться от самого значения образования, его цели и функций. В обыденном смысле образование подразумевает под собой процесс получения, анализа, обобщения и дальнейшего применения знаний в жизни и профессиональной деятельности. Однако не стоит забывать о том, что оно в первую очередь должно воспитывать, социализировать, приобщать к культуре детей и подростков. К функциям образования относятся:

- экономическая, призванная улучшать результативность труда путем подготовки и обеспечения квалифицированности рабочей силы;
- социальная, позволяющая индивиду успешно функционировать в современном обществе;
- культурная, необходимая для выработки новых знаний, сохранения, накопления и продвижения в массы культурного опыта и общечеловеческих ценностей [4, с. 35].

Данная совокупность функций воплощается в деятельности дошкольных, школьных и высших учебных заведений, точнее, работающих там преподавателей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Статья содержит материалы о проблемах развития системы образования. Авторы изучают, теоретический и практический анализ методической литературы по теме исследования, проводят анализ других исследователей, используют общенаучные принципы, позволяющие получить общее заключение о проблемах развития системы образования и возможных путях их решения [7; 10]. Также они предлагают принципы, необходимые для реализации в преподавательской деятельности, описывают современную образовательную методику, а также анализируют факторы, которые следует улучшить для развития образовательной системы.

Изучая проблемы развития системы образования, а также причины её недостатков, представляется необходимым применить междисциплинарный подход с использованием принципов и методов различных предметов: психология, философия, социология, педагогика [4; 6; 12]. Так, методологической основой данной статьи являются научно-педагогические и методические труды, а также учебники, в которых описываются педагогические проблемы и возможные пути их решения.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Существует множество образовательных методик и в каждой можно выделить свои характерные черты.

Активные методы обучения – система методов, гарантирующая динамичность и многосторонность умственной, практической деятельности. Такие способы обучения используются для развития мотивации и интереса учащегося к объекту познания. К подобным методам относятся: лекции, семинары, коллективные работы, конференции.

Интерактивные методы обучения – система методов, базирующаяся на организации творческого взаимодействия между участниками педагогического процесса. Отличительной чертой таких методов обучения считается то, что общение и работа осуществляется не только между учителями и обучающимися, что характерно для традиционных методов, но и между самими обучающимися. Примером служит работа в парах, споры, тренинг-методы и так далее. Интерактивное обучение социализирует, способствует созданию хорошей обстановки для плодотворной работы.

Пассивный метод обучения – система методов, основным действующим субъектом которой ученик выступает в качестве приёмника. Такая методика реализуется посредством проведения тестов, контрольных, опросов и проверочных работ. Представленная практика весьма неэффективна, правда, благодаря такому традиционному подходу появилась возможность передать относительно большой объем знаний в ограниченных временных границах урока или пары. Такой метод периодически применяется в высших и средних учебных заведениях [3, с. 162].

На сегодняшний день не существует единой системы стандартизации образовательного процесса. Это оправданно большим разнообразием учебных заведений, специально созданных для разностороннего развития молодежи. Университеты, колледжи, училища предоставляют возможность узконаправленного обучения, не ограничивая выбор абитуриентов, чего нельзя сказать о школах.

Обычно место обучения своих детей выбирают родители, ориентируясь на свои личные предпочтения и мнения знакомых. Они вверяют ребят в руки педагогов, надеясь на их компетентность. К сожалению, известно множество примеров конфликтов между учителями, школьниками и родителями, которые свидетельствуют об образовательном кризисе в нашей стране. Проблемные ситуации возникают в первую очередь между учениками, что напрямую связано с их несформировавшимся мировоззрением и характером. Родители далеко не всегда могут самостоятельно заложить подрастающему поколению принципы нравственности морали и этики. Эта ноша ложиться на плечи педагогов.

В связи с этим можно выделить несколько положений, необходимых для реализации в преподавательской деятельности:

1. Предоставлять достоверные, актуальные, необходимые знания и уметь их доносить до учеников.
2. Быть духовными наставниками: обеспечить формирование объективного видения действительности, дать представление о современных ценностях и их важности.
3. Стимулировать желание и готовность ученика к получению и усвоению новых знаний.
4. В случае необходимости оказать индивидуальную психологическую поддержку [10, с. 237].

Данный список является неполным, но даже в нём выполняются не все пункты. Корнем многих проблем является общая деградация педагогической профессии, то есть профессиональная несостоятельность преподавателей, невысокий уровень подготовки специалистов в ВУЗах на фоне общего упадка качества, престижа и необходимости общего образования. Решением столь актуальной проблемы может быть только комплекс реформ, направленных на изменение самой методики педагогической деятельности.

В эпоху информационных технологий, когда наука стремительно движется вперёд, достаточно трудно выстроить систему, способную быть как устойчивой, так и подвижной. Её устойчивость должна заключаться в постоянстве действия и прозрачности структуры, подвижность же характеризуется возможностью включать в себя новые веяния науки и способностью подстраиваться под уровень развитости общества в целом. На этот момент распространена традиционная методика обучения.

Несмотря на свою проработанность, она имеет некоторые недостатки по ряду причин:

1. Все обучающиеся получают одинаковые знания, независимо от личных навыков и потенциала.
2. Отсутствие коммуникаций между обучающимися или их шаблонность, ограниченность.
3. По большей части ориентировано на запоминание и воспроизведение материала без его отработки или анализа.
4. Программа обучения отстаёт от развития технологий и науки, из-за чего предоставляет устаревшую, а от того не точную, информацию.
5. Учащиеся, преимущественно школьники, не заинтересованы в процессе обучения, чему служит однородность материала, его регулярное повторение без применения на практических задачах, связанных с реальными жизненными ситуациями [7, с. 78].

Следствием из совокупности представленных недостатков можно назвать часто встречающиеся у учеников психологические проблемы, среди которых типичность и «сухость» мышления, небольшой кругозор, нежелание познавать окружающий мир, лень и пассивность разума, нравственную деградацию, низкую работоспособность, периодическую усталость. В результате падает популярность образования, как процесса, который открывает новые возможности к познанию мира.

Возникают логичные вопросы: как это исправить, что для этого нужно сделать, какие ресурсы потребуются и в каком объеме. Должна быть создана новая, универсальная система образования, однако такая амбициозная цель видится мало достижимой.

Важно понимать, что создать идеальную структуру невозможно, однако её изменение и регулярное обновление может приблизить к намеченной цели. Таким изменением является совокупность реформ, способная модернизировать уже существующую программу обучения.

Одним из самых главных этапов является создание, обучение и переподготовка высококвалифицированных кадров. В данном пункте за основную задачу взято внедрение в учебный процесс информационных технологий, которыми должны владеть как педагоги, так и учащиеся, чтобы облегчить процесс взаимодействия. Для этого требуются общедоступные ресурсы со всеми вспомогательными функциями для процесса обучения.

Вторым, не менее важным, является улучшение взаимодействия педагога и ученика, в основе чего является общение и понимание. Не малую роль играет психологическая подготовка учителей, так как именно она позволяет наилучшим образом наладить контакт с

обучающимися. А в условиях постоянной реорганизации общества базовые знания человеческой, в особенности детской, психологии крайне целесообразны.

Третьим, самым важным методом, является изменение традиционных подходов к преподаванию образовательной программы, а также донесения и объяснения учебного материала, что является результатом продуктивности полученных знаний [6].

Современная методика организации учебного процесса должна состоять из наилучших особенностей различных методов обучения, гармонично соединяя и дополняя, их друг другом. Естественно, нужны новые преподавательские кадры со свежим взглядом и инициативой, вдобавок, они должны руководствоваться в своей деятельности уже накопленным ранее педагогическим опытом. Помимо всего прочего нельзя забывать о нравственном воспитании и об этике.

Проблема актуальных ценностей стоит как всегда остро. Последствия Великой Отечественной Войны, Железного Занавеса, Перестройки и кризиса 90-х годов отражены в расслоенности общества, которые оказывают непосредственное влияние на молодежь. Подростки часто ищут помощи со стороны, а помощниками для них должны быть в первую очередь преподаватели и родственники.

ОБСУЖДЕНИЕ. К сожалению, практика показывает обратное, подтверждая не совершенность образовательной системы в социально-общественном плане. Поэтому требуется индивидуальная работа с учениками и их родителями, опекунами, а такое мероприятие провести довольно-таки трудно самостоятельно, из-за чего возникает нужда в определенных органах, имеющих некоторые компетенции в подобных проблемах [7, с. 89].

Далее следует обратить внимание на ряд факторов, которые необходимо улучшить для успешного дальнейшего развития образовательного процесса:

1. Нужны преподаватели, профессионально знающие свои дисциплины, умело сочетающие их с педагогическими навыками.
2. Важность и необходимость сохранения историзма в науке об образовании.
3. Трудность в овладении деятельным подходом к образованию.
4. Недостаточная теоретическая и практическая подготовка преподавателей.
5. Не развитые практические навыки.
6. Не до конца сформированное миропонимание и мироощущение молодых педагогов, их личная не состоятельность, проявляющаяся во время занятий.
7. Использование старых методик обучения и недостаточное применение современных методов образования
8. Большие различия в учебных школьных программах по регионам, отличный друг от друга методический материал.
9. Устаревшая материальная база и недостаточное финансирование
10. Разный уровень преподавания одних и тех же дисциплин связанный со способом преподавания каждого педагога в отдельности [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Подытоживая все вышесказанное, стоит сделать вывод о том, что основные и необходимые результаты могут быть достигнуты только при добровольном сотрудничестве обеих сторон, то есть ученика и учителя. Научить слушать, искать, отделять верные сведения от ложных, запоминать, перерабатывать, анализировать и воспроизводить полученную информацию обязанность каждого преподавателя в независимости предмета, который он преподаёт. Для этого следует пользоваться новыми методами обучения, основывающимися на интерактивном подходе, творческой деятельности, групповой работе и социализации.

Решение существующих проблем возможно путем разработки и реализации образовательной стратегии, которая характеризуется: современностью, научностью, воспроизводимостью, повторяемостью, адаптированностью, интенсивностью, эффективностью, коммуникативностью и перспективностью. Образовательная стратегия решает следующие задачи:

1. Определить методологическое основание образования на конкретном уровне. Определить ценности, т.е. смысл, образования через процесс гуманизации и гуманитаризации образования, через усиление роли педагога, который активизирует дух обучающихся.
2. Формировать содержание образования как процесс учебной, научной, творческой, исследовательской деятельности, направленной на создание качественно новых ценностей, важных для приобретения знаний, умений и навыков.
3. Построить педагогические системы и их подсистемы.
4. Моделировать педагогические системы и подсистемы, осуществлять подобное моделирование с помощью срезового, задачного, дифференцированного, индивидуального, творческого, информационного, креативного и других подходов для формирования профессиональной направленности личности, т.к. профессиональная роль аккумулирует знания, навыки, опыт и поведение, творческий потенциал личности.
5. Развивать личность через непрерывность образования.
6. Формировать профессиональную направленность личности.
7. Развивать творческий потенциал личности, что предполагает уход от стереотипов и применение знаний для решения творческих задач, а также способность решить их по-новому.

Список литературы:

1. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь / Б.М. Бим-Бад. – М., 2014. – 352 с.
2. Гаврилова Д.В., Геталова Ю.Л., Литвинова А.А., Кузнецова А.Я. Педагогические проблемы и возможные пути их решения // Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы теории и практики образования». – 1989 – С. 77-80.
3. Загвязинский В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: учеб. пособие для студентов высших пед. учеб. заведений / В.И. Загвязинский, Р.Н. Атаханов. М.: Академия – 2015. – 208 с.
4. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология педагогического образования: учеб. пособие – М.: Проспект, 2008. – 106 с.
5. Новая российская энциклопедия: в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов [и др.]. – М.: Энциклопедия: ИНФРА–М, 2014. – Т. 12: Нитра-Орлеан. – 336 с.
6. Образовательный процесс // [Электронный ресурс]. – URL: <https://center-yf.ru/data/stat/obrazovatelniy-process.php> (дата обращения: 23.11.2019).
7. Островский И. В. Психология и педагогика : учеб.пособие / И. В. Островский ; под ред. Э. В. Островского. – М.: Вуз.учебник : ИНФРА–М, 2014. – 180 с.
8. Профессиональное образование: ключевые понятия, термины, актуальная лексика: словарь / под ред. С. М. Вишнякова. – М.: НМЦСПО, 1999. – 130 с.
9. Современные методы обучения // [Электронный ресурс]. – URL: <https://studfile.net/preview/2381170/page:27/> (дата обращения: 23.11.2019).
10. Фонарев А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала: монография / А.Р. Фонарев. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2015. – 560 с.
11. Шкатулла В.И. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: науч.- практ. коммент. / В. И. Шкатулла. – М., 2014. – 192 с. – Гл. 1-6. – (Б-ка РГ ; вып. 21).
12. Шкатулла В.И. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: науч.-практ. коммент. / В. И. Шкатулла. – М., 2014. – 192 с. – Гл. 7-15. – (Б-ка РГ ; вып. 22).

УДК 327.3

**ПРОГРАММА ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ И ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЫ**

Калинкина Юлия Викторовна

магистрант 2 курса

Канах Аммар Махмуд Аль-Мутлак

научный руководитель

**PROGRAM OF DERADICALIZATION AND PREVENTING EXTREMISM IN
THE RUSSIAN FEDERATION AND EUROPEAN COUNTRIES**

Yuliya Kalinkina

2nd year undergraduate

Qanah Ammar Mahmud Al'-Mutlak

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается одна из главных проблем современного мира, а именно возрастающая опасность экстремизма, представляющего собой угрозу национальной безопасности России и всего мирового сообщества. Страны Европы и Россия ведут активную деятельность по дерадикализации среди своих граждан и эмигрантов, в связи с неконтролируемым и быстро набирающим темпы потоком мигрантов из стран Ближнего Востока и Азии. В данном исследовании автор изучает пути противодействия экстремизму и его радикальным проявлениям, а также рассматривает причины роста проявлений экстремизма, в частности религиозного экстремизма, в России и странах Европы. Наиболее распространенным способом дерадикализации и профилактики экстремизма, по мнению автора, выступает пропаганда; отмечается, что особенно активно ее применяют, как ключевой элемент в работе с молодежью. Данное исследование, в ходе которого изучены действующие программы по дерадикализации в России и странах Европы, позволяет выявить сильные стороны этих программ по борьбе с экстремистскими действиями, определить наиболее удачный вариант для решения изучаемой проблемы и составить рекомендации по программе дерадикализации и улучшению качества профилактики экстремизма среди населения России.

Ключевые слова: дерадикализация; профилактика; пропаганда; «чувствительная зона»; борьба с радикализмом; экстремизм; Российская Федерация; страны Европы.

ABSTRACT. The article considers one of the main problems of the modern world, namely the growing danger of extremism, which is a threat to the national security of Russia and the entire world community. The countries of Europe and Russia are conducting an active program to deradicalize their citizens due to the uncontrolled and rapidly growing pace of the flow of migrants from the countries of the Middle East and Asia. In this study the author explores ways to prevent extremism and its radical impacts, and the researcher analyzes the causes of the extremism growth, especially of the religious extremism, in Russia and European countries. The most common way of deradicalization and prevention of extremism is propaganda. It is noted that propaganda is actively used for working with youth. This study, which examined the common deradicalization programs widely used in Russia and Europe, allows us to identify their advantages in order to combine the most successful options to solve the problem under consideration and make recommendations on the deradicalization program and improve the prevention of extremism among the population in Russia.

Keywords: deradicalization; prevention; propaganda; “sensitive zone”; fight against radicalism; extremism; the Russian Federation; Europe.

ВВЕДЕНИЕ. В XXI веке мир столкнулся с серьезной угрозой под названием терроризм и его наиболее частым проявлением – религиозным экстремизмом. Рассматривая

вопрос религиозного экстремизма, необходимо отметить, что это явление начало набирать обороты на рубеже конца XX – начала XXI веков. В настоящее время экстремизм в различных формах его проявления представляет реальную угрозу безопасности личности, общества и государства. В данном контексте под «экстремизмом» подразумевается форма отчуждения от общечеловеческих, общекультурных ценностей; создание «ценностей», которые идут вразрез с общепринятыми нормами морали. Также экстремизм можно характеризовать как, крайнюю форму интолерантности, соединенную с агрессией и насилием, как методами выражения нетерпимости к другим [14]. Рост количества и численности террористических организаций и их тщательно подготовленные террористические акты стали новым вызовом структурам безопасности государств всего мира. Комплексный и качественный мониторинг ведомственных структур и профилактика экстремизма, несомненно, помогают уменьшить вред, а порой и предотвратить, проявления агрессии и террора экстремистов.

Рассматривая действующие программы дерадикализации и профилактики экстремизма в странах Европы, следует отметить актуальность этого вопроса для создания универсального и практичного комплекса мер в Российской Федерации. Основная цель исследования заключается в изучении состава и основных критериев выбора программного решения, какие действия активных программ можно считать удачными, а какие нет. Объектом исследования выступают действующие программы дерадикализации и профилактики экстремизма в странах Европы, в частности Германии, Великобритании и Франции, а также программы Российской Федерации по оказанию противодействия экстремизму и терроризму. Предметом исследования выступает содержание каждой программы, особенно контента российской программы дерадикализации и профилактики по средствам участия СМИ.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для изучения программы дерадикализации в странах Европы и России используется сравнительно-описательный метод, что позволяет наиболее точно изучить основные составляющие программы, ее суть, а также выявить ее сильные и слабые стороны для составления рекомендаций по улучшению действующей программы в Европе и перенять лучшие решения с целью их внедрения в России. Основными источниками исследования послужил мониторинг глобальных и региональных инспекций по программам дерадикализации в Европе, а также российская законодательная база и применяемые цифровые технологии.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Рассмотрим каждую программу в общей системе программ по предотвращению радикализации, применяемых в разных странах Европы. В 2011 г. Европейский Союз (далее ЕС) в рамках Стратегии по борьбе с радикализацией и вербовкой в террористические организации создал Сообщество осведомленности о радикализации (на английском языке RadicalisationAwarenessNetwork), сокращенно RAN, которое объединило разных специалистов и исследователей в данной области. В 2016 г. Сообщество выдвинуло предложение ЕС внедрить разработанную организацией программу дерадикализации общества со следующими основными компонентами:

- 1) профессиональная подготовка сотрудников, которые будут работать с людьми из группы риска;
- 2) проведение в образовательных учреждениях открытых лекций по темам: религиозной и политической, этнической толерантности; разработка ряда образовательных программ о демократических ценностях, вреде насилия и экстремизма;
- 3) создание отдельной программы «выхода» по дерадикализации бывших экстремистов и их реинтегрирования в общество после отказа от агрессии.
- 4) рост влияния сообществ, где имеются люди из групп риска, посредством помощи в решении их проблем, а также оказание психологической поддержки;
- 5) поддержка семей из группы риска;
- 6) доведение до целевой аудитории информации и нарративов альтернативной программы экстремистов [17].

К лицам «чувствительной зоны» зачастую относят выходцев из стран Афганистана, Ближнего Востока и Северной Африки, переехавших в Европу, мигрантов, компактно проживающих в этнических районах, а также лиц, которые в первом и последующем поколении проживают на территории Европы, но являются выходцами из иных стран.

Процесс дерадикализации осуществляется как индивидуально, так и коллективно. Выбор метода обуславливается конкретным местом и ситуацией. Вмешательство может быть материальным в виде предоставления жилья, помощи в поиске работы или получения образования. А также нематериальным – предоставление психологической помощи, анализ поведения и т.д.

Особую роль в программе RAN занимает взаимодействие с этноконфессиональными сообществами: формирование лидеров среди молодежных сообществ (повышение навыков в лидерских качествах, программы наставников), открытие дискуссионных форумов и платформ, программа обучения религиозных деятелей общению с прихожанами на темы общественной жизни, улучшение процесса контакта между сообществами и государственными и общественными институтами.

Работа с семьями экстремистов происходит на нескольких стадиях дерадикализации. На ранних стадиях семья помогает экстремисту, вызывая у него эмоции, переживания, выслушивает и предлагает альтернативные варианты поведения, пытается создать теплую семейную атмосферу. Как только экстремист переступает черту и оказывается в тюремном заключении, его семья помогает ему вернуться к нормальному существованию в обществе. Но так бывает не всегда. Порой именно семья выступает стартовой точкой развития экстремистских умыслов у человека, и уменьшение влияния и общения с ней способствует дерадикализации личности. Поэтому работа в чувствительных группах очень важна и требует тщательного контроля.

Помимо RAN, в некоторых странах существуют свои отдельные программы по дерадикализации. В Германии в апреле 2015 г. был принят пакет антитеррористических законов, призванных помешать немецким джихадистам отправляться в зону боевых действий на Ближний Восток [27]. Так поездка и попытка поехать в Сирию или Ирак с целью организации террористического акта или подготовки к нему, может привести к лишению свободы на срок до десяти лет. Был принят закон, позволяющий отбирать паспорта у агрессивно настроенных исламистов на срок до трех лет. На это время им будет выдаваться документ, удостоверяющий личность, но не позволяющий его обладателю выехать за пределы Германии.

В качестве примеров успешных практик борьбы с радикализацией можно привести такие инициативы как учебная программа «Анди», практика «Инициатива «ВЫХОД», стратегия «Contest», которые далее мы предлагаем рассмотреть детально.

Относительно учебной программы «Анди», Министерство внутренних дел в сотрудничестве с Министерством образования с 2006 г. публикует юмористическую серию комиксов «Анди», которые помогают учителям проиллюстрировать к каким жутким последствиям могут привести экстремистские идеи. Серия рассчитана на учеников от 12 до 18 лет. Она основана на повседневной жизни и описывает примеры экстремизма в среднестатистической немецкой средней школе.

В «Инициативе ВЫХОД» внимание уделяется разработке и внедрению практик, направленных на поддержку молодых людей, которые хотят выйти из экстремистской среды. Она финансируется частными фондами, ее активисты выявляют и общаются с членами экстремистских групп, пока те не будут готовы к «выходу». В некоторых случаях группа ВЫХОД организует переезд, помогает с поиском работы, и даже с изменением личных данных, наподобие программы защиты свидетелей. За последние десять лет более чем 300 человек в Германии воспользовались помощью программы «ВЫХОД».

Британцы свою стратегию, под названием «Contest» запустили еще в 2005 г. Первоначально она состояла из 4 составляющих и называлась четыре «Р» («П»): *Prevent* – предотвращение терроризма через исключение факторов радикализации; *Pursue* –

преследование террористов и их спонсоров; *Prepare* – готовность ликвидировать последствия террора; *Protect* – защита британцев и страны [28]. Однако с 2011 г. эта программа получила ряд нововведений, где особую роль отвели предотвращению террора. Эта программа включает слаженное взаимодействие между полицией, местными органами власти и неправительственными организациями в борьбе с радикальным исламом, проповедниками экстремизма и поддерживающими их лицами.

В программе «Contest», первоначально был сделан акцент на борьбу с насильственным экстремизмом, поэтому британское правительство взаимодействовало с разными салафитскими организациями и «Братьями-мусульманами», однако впоследствии начали дистанцироваться от них.

Терракты 2015-2016 гг. во Франции показали слабые стороны действующей программы по дерадикализации. Франция долгое время не уделяла существенного внимания проблематике этноконфессиональной особенности районов, где густо заселены мусульманами, хотя впоследствии многие выходцы из этой «чувствительной зоны» стали сторонниками ИГИЛ. В программу дерадикализации была включена особая роль школьного образовательного процесса, обусловленного формированием идентичности через воспитание общих ценностей и толерантности [6].

Рассматривая российскую программу дерадикализации, следует отметить, что открытой программы нет, она тесно переплетается с профилактикой терроризма. В противовес программам ЕС, где основной уклон идет на решение материальных проблем лиц из «чувствительной зоны», РФ выбрала другой путь противодействия, концентрируя усилия на профилактике появления идеологии экстремизма. Наиболее частым источником роста уровня экстремизма в РФ в последние годы стала исламская идеология — свод радикальных суждений, совмещенный с некоторыми мусульманскими принципами и традициями. Для противодействия этой исламской экстремистской идеологии пропаганда направлена на:

1) контр-нарративы, которые уделяют внимание салафитско-джихадистским основам в исламистской идеологии;

2) прописывается правило запрета государства на недопущение некорректного или оскорбительного изречения в адрес мусульманских ценностей или в отношении самих мусульман;

3) важную роль играет союз государственных и негосударственных организаций для противодействия экстремизму;

4) активная работа по пропаганде включает в себя работу в онлайн режиме и вне интернета (особенно в школах и университетах, на публичных мероприятиях и т.д.) [6].

Контр-нарративы имеют большое значение для пропаганды, но начнем с определения, что такое контр-нарратив антирадикального характера. Под ним понимают послания, которые предлагают позитивную альтернативу экстремистской пропаганде и направлены на разгром суждений и выявление ложного в экстремистских нарративах. Различают несколько видов нарративов. К первым относят факты из достоверных источников, такие как бывшие экстремисты или вернувшиеся и раскрывшиеся бывшие боевики, изменяющие своими рассказами взгляд на искаженную идеологию экстремистских посланий. Ко вторым можно отнести позитивные истории и послания от представителей определенной уважаемой аудитории, такие как духовные лидеры, старейшины, почитаемые общественные деятели.

Контр-нарративы могут иметь совершенно разный вид, например: текстовые материалы, видео, аудио, постеры с изображениями реальных событий, направленные на развенчивание у молодых людей образа бунтарства, а для девушек, видящих в этом романтику, кадрами безжалостного бытия среди экстремистов.

Для выбора метода донесения информации используется возрастное деление. Современной молодёжи удобнее воспринимать информацию путем визуализации. Ролики в социальных сетях, статьи на просторах Интернет-сети и медиа площадки Youtube позволяют быстрее донести информацию об опасности экстремизма, чем если эта информация передавалась бы в печатном формате, например в листовках или бюллетенях. Также активно

используются мессенджеры, такие как Твитер, телеграм-каналы. Однако, для людей зрелого возраста, чрезмерная экранизация не привлекательна, и активнее используются печатные варианты информации. Таким образом, можно сделать вывод, что одну и ту же информацию логичнее и правильнее распространять сразу в нескольких форматах и в различных стилях в зависимости от целевой аудитории.

В течение последних лет РФ активно развивала свою программу дерадикализации. Основу пропаганды составляет доступность информации о борьбе с экстремизмом, вред и последствия этого явления для общества. Здесь большую роль играют текстовые и видео материалы такие как: книги, брошюры, социальные видео ролики, журналистские расследования, свидетельства бывших боевиков и жертв экстремистов. Активно привлекаются ресурсы СМИ, интернет-сайты и социальные сети. Так, с 2015 по 2016 гг. Общественная палата РФ издала информационные брошюры «Страшная сказка ИГИЛ», а также «ИГИЛ – угроза человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм», хотя назвать эти действия эффективными сложно, они поспособствовали дальнейшему развитию процесса информирования общественности. В борьбу с экстремизмом активно включены и образовательные организации. В 2015-2016 гг. кафедрой теологии Уральского университета совместно с Духовным управлением мусульман Свердловской области была разработана методическая брошюра «ИГИЛ – это не ислам!», в которую вошёл сборник материалов для помощи имамам и государственным служащим для противостояния проявлениям радикального ислама и памятку «Как понять, что тебя вербуют в ИГИЛ». В сборнике указывались контакты правоохранительных органов; представлены практические рекомендации для обычных мусульман. В дополнение к брошюрам были сняты два видеоролика: «Чужие идеи» и «Группа риска», где подробно рассказывалось как не быть завербованным в ИГИЛ. В ролике «Группа риска» сюжет специально выполнен в формате беседы студентов и психолога, в ходе разговора с которым они рассказывают о своих проблемах, таких как одиночество; трудности в общении со сверстниками, родителями, о депрессии и т.д. В конце выясняется, что «психолог» представляет вербовщика ИГИЛ [26]. Ролик посмотрели большое количество людей, зафиксировано около 4,5 тыс. просмотров, что позволяет говорить о высокой заинтересованности населения данным вопросом.

В марте 2017 г. студентами Саратовского Университета был создан социальный видеоролик против терроризма, который собрал на платформе Youtube более 37 тыс. просмотров и стал популярным за счет повторных репостов участниками социальных сетей [12]. В июле 2017 г. в Ялте был снят видеоролик под названием «Дети против терроризма», который наглядно демонстрирует внезапность и опасность этого явления [16]. Несмотря на небольшое количество просмотров данного видео, подкаст стал хорошей идеей для выпуска последующих видео материалов с целью освещения актуальной проблемы терроризма.

Почти все ведущие телекомпании России в целях пропаганды угрозы терроризма выпустили документальные фильмы и провели ряд глобальных журналистских расследований и спецпроектов. Проблему радикализации населения и распространения экстремистских идей рассмотрели корреспонденты Russia Today (RT) в апреле 2018 г. Они побывали в исправительной колонии в Татарстане, где отбывают наказание осуждённые за терроризм, и пообщались с некоторыми из них. Заключённые рассказали, почему хотели примкнуть к экстремистам, и как проходит процесс реабилитации. Также на телеканале RT было проведено ряд журналистских расследований о действиях террористических группировок. Например, в 2013 г. вышел видео репортаж «Как вербуют террористов», журналисты RT побывали в сирийской тюрьме для джихадистов, где смогли пообщаться с осужденными за терроризм и узнать их историю присоединения к террористическим группировкам и наглядно продемонстрировали исход такого выбора [19].

Телеканал Россия-24 выпустил сразу несколько громких специальных проектов. «Невеста для террориста» автора Анны Афанасьевой, который просмотрели более 600 тыс. человек [21]. Основной идеей в проекте является опасность неправильного выбора и трагичность ошибки выбора экстремистского спутника, даже не имея никакого интереса к

экстремистским идеологиям. Проект «Пленники джихада» Александра Рогаткина (190 тыс. просмотров) продолжает начатую тему Анны Афанасьевой и рассказывает про женскую, детскую и мужскую вовлеченность в ряды террористической группировки, про сложность выхода из нее и, особенно, про детское участие в экстремизме [29]. Стоит отметить, что озадаченность властей проблемой женского участия в террористической деятельности сказалось и на процессе пропаганды.

За последние два года вышло множество выпусков про вовлечение женщин в качестве жен для террористов. Спецпроект «Невеста для террориста» с 2015 г. на канале НТВ нашел свое продолжение в документальном фильме «Замуж за ИГИЛ» (100 тыс. просмотров), который позволил подробно рассказать об опасности общения в социальных сетях и новых способах вовлечения молодых девушек в ряды террористов, например, использование романтических отношений [19]. Множественные истории девушек, сумевших в результате спастись, подробно рассказывают об искалеченных жизнях и реалиях экстремистской жизни.

Канал Вести и русская служба BBC акцентировали внимание на мужском вопросе и в своих репортажах демонстрировали безысходность от неправильного выбора. Основным психологическим приёмом в передачах «Путевка в Халифат» [22] и «Сирия – билет в один конец» являются живые рассказы бывших террористов, членов их семей или жертв, что наглядно демонстрирует весь вред и беду экстремизма [25]. Высокие рейтинги, 1,5 млн. просмотров и активные комментарии на интернет площадках приводят к открытым дискуссиям среди молодежи. Последний шаг, в телевизионном формате пропаганды, стал сериал канала Россия 1 «На краю», который вызвал множество противоречивых отзывов и обсуждений. Сериал получил высокие рейтинги за реалистичную съемку истории про трех девушек, которые поневоле попали в Халифат из-за своей наивности и доверчивости. Сериал затронул психологию обработки и методы вовлечения молодых девушек [18].

Следует отметить и значимость создания условий для существования межкультурных, межнациональных и межконфессиональных диалогов, например, Казанский международный форум и множество научно-практических конференций по всей России, что позволяет вести обмен мнениями и решать часть возникших разногласий мирным путем [6].

Программа дерадикализации в России включает в себя уголовную ответственность за совершение и призыв к радикальным экстремистским действиям. В местах лишения свободы по статьям о призывах к терроризму, обучение и участие в террористических организациях и захват заложников осуждено около 450 человек за первую половину 2019 г.

28 декабря 2018 г. президент РФ Владимир Путин подписал закон об изолированном содержании террористов в тюрьмах [28]. В отдельной камере будут отбывать срок осужденные за совершение теракта, содействие террористам, публичные призывы к терактам или пропаганду терроризма и захват заложников. Это связано в первую очередь с тем, что огромное количество экстремистов пришли к радикальным идеям именно в следственных изоляторах.

ОБСУЖДЕНИЕ. Несомненно, сама программа дерадикализации в ЕС имела бы больший успех и значимость, если бы всецело соблюдалась. Отточенная работа структур безопасности демонстрирует слаженность, однако нередкие террористические акты показывают изъяны этой системы. К таким изъянам можно отнести недостаточную работу с самыми частыми участниками – молодежью, выходцами из неблагополучных районов. Работа с психологами имеет положительный эффект, однако она не способна полностью решить все проблемы с радикальным вовлечением, так как корнем проблемы может стать любой фактор: от прямого контакта с радикально настроенным носителем экстремисткой идеологии до финансовых проблем вербуемого.

Активная просветительская работа в рамках образовательного процесса не только с молодежью, но и с учащимися в школах, позволит снизить уровень численности вовлекаемых в ряды экстремизма. Существует потребность в создании научного пособия для работы в образовательных учреждениях для педагогов и проведение мастер-классов и открытых бесед с представителями правоохранительных органов и научного сообщества, это

позволит расширить знания среди молодежи в области информирования об угрозе радикальной исламской идеологии. Для улучшения восприятия поступающей информации и готовности нести психологический ответ на попытки вовлечения в ряды экстремистов существует потребность в подготовке курсов по критическому мышлению в учебной программе образовательных учреждений, а также создание центров религиозного просвещения. Исламскому духовенству необходимо разработать методические рекомендации по объяснению и донесению прихожанам дискуссионных решений светской власти.

Для полного решения рассмотренных в данной статье вопросов необходим государственный контроль за миграционной политикой, близким окружением радикально настроенных граждан и распространением запрещенных источников радикальной информации. Еще одним пунктом в программе дерадикализации молодежи стоит отменить необходимость в получении доступного образования и, впоследствии, создание рабочих мест для устройства человека в обществе, мониторинг изучаемой литературы в сети Интернет и закрытых групп в социальных сетях. Также необходимы процесс расформирования этноконфессиональных анклавов и борьба с радикальными и националистическими настроениями в обществе.

Безусловно, опыт Европы имеет важное значение для работы по дерадикализации в РФ, несмотря на различия в стратегиях, цель их одна – борьба с экстремизмом. Обмен опытом позволяет уйти от возможных схожих ошибок и помочь в урегулировании конфликтов.

В концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. для осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности предлагается разработать базовые (обязательные) программы психологической коррекции личности для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений и дальнейшей интеграции в общество [8]. Уже сейчас с осужденными, изучающими, пропагандирующими, исповедующими или распространяющими экстремистскую идеологию, в учреждениях проводится индивидуальная работа: они ставятся на профилактический учет, за ними закрепляются наиболее опытные сотрудники воспитательных служб. Но таким образом, проводится только работа на личностном уровне, а необходимо внедрение в практику работы исправительных учреждений РФ комплексной программы по дерадикализации заключенных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что на сегодняшний день не существует единой и универсальной стратегии, которая могла бы решить все проблемы в борьбе с радикализмом. Но собирая по крупицам удачный опыт разных стран и оценивая сильные и слабые стороны различных стратегий, возможна продуктивная комбинация действий для создания качественной программы дерадикализации и профилактики экстремизма. Активная работа в вопросах дерадикализации и профилактики экстремизма позволяет уменьшить приток людей в ряды экстремистов. Благодаря сотрудничеству со СМИ, большая часть населения, особенно молодежь, информируется об угрозах вовлечения, узнает о том, что экстремистские группировки видоизменяют догматику ислама и искажают в свою пользу. Множество видеоматериала наглядно демонстрируют всю опасность идей экстремизма и радикализма, показывая печальные последствия необдуманных поступков. Большинство проектов СМИ – это посыл для людей, в котором четко прослеживается весь груз ответственности за радикальные идеи.

Мир не стоит на месте, а значит и уровень изошённости в создании новых технологий будет развиваться, следовательно, программа дерадикализации и профилактики должна внимательно следить за всеми этими изменениями, и также адаптироваться под требования современного мирового сообщества. Только тотальный мониторинг за всеми тенденциями позволит давать быстрый и качественный ответ экстремизму.

Список литературы:

1. Аминов Д. И. Молодежный экстремизм / Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян; под науч. ред. Р. А. Адель-ханяна. – М.: Триада ЛТД, 2005. – 194 с.
2. Антонян Ю. М. Экстремизм и его причины. М.: Логос, 2011. – 288 с.
3. Афанасьев Р. М. Социокультурные аспекты противодействия экстремизму в молодежной среде // Власть. – 2007. – № 5. – С. 51-55.
4. Бахтеева А. Р. Политический терроризм как социальное явление современности: дис. канд. социолог. наук. – М., 2010. – 115 с.
5. Боташева А. К. Современный терроризм: проблемы классификации видов // Право и политика. – 2008. – № 10. – С. 2311-2319.
6. Вызовы религиозного экстремизма в глобализующемся мире: коллективная монография. – Казань: Фолиант, 2017. – 232 с.
7. Галицкий В. Государственная идеология в борьбе с экстремизмом и терроризмом: дис. канд. политич. наук. – Ставрополь, 2012. – 195 с.
8. Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 461 с.
9. Группа риска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL https://www.youtube.com/watch?v=TViMEP0pa_o&t=1s (дата обращения: 19.11.2019).
10. Гулеев М.С. Некоторые аспекты использования интернет- ресурсов для пропаганды терроризма и привлечения молодежи к экстремистской идеологии в странах центральной Азии // Вестник Кыргызско- Российского славянского университета. – 2017. – № 11. – С. 190-193.
11. Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно правовой и криминологический аспекты: дис. канд. юрид. наук. М., 2001. – С. 47.
12. Дети против терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL https://www.youtube.com/watch?v=_frfCWdxFDI (дата обращения: 22.11.2019).
13. Добаев И.П., Садчиков В. Н. Исламистское движение на Северном Кавказе: тенденции, перспективы развития, векторы противодействия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2006. №1-2.
14. Желтов, В.В. Исламский терроризм: радикализация, рекрутирование, индоктринация: монография/ В.В. Желтов, М.В. Желтов. — 2-е изд., испр. и перераб. — Москва: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2019. – 110 с.
15. Зауторова Э.В. вопросу о психолого-педагогическом воздействии на осужденных, имеющих религиозные экстремистские убеждения // Вестник института: преступление, наказание, исправление, 2014. № 2 26 – С. 52-56.
16. Как вербуют террориста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL <https://www.youtube.com/watch?v=byrwb4kDvBc> (дата обращения: 22.11.2019).
17. Мухаметзарипов И.А. Программы дерадикализации в странах Европы: основные направления и проблемы (глава в монографии) // Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире. – Казань: Фолиант, 2017. – С. 169-176.
18. На краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Россия 1. URL https://russia.tv/video/show/brand_id/63806/ (дата обращения: 15.11.2019).
19. Невеста для террориста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL <https://www.youtube.com/watch?v=NKnwXP-trD0&t=32s> (дата обращения: 19.11.2019).
20. Пашенко И.В. Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // Отечественная юриспруденция. 2016. №12 (14).
21. Пленники Джихада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL <https://www.youtube.com/watch?v=FFSnHVFyy3c&t=13s> (дата обращения: 20.11.2019).
22. Путевка в Халифат: Игил вербуют новобранцев даже в СИЗО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL <https://www.youtube.com/watch?v=wYq2jj9dC84> (дата обращения: 20.11.2019).

23. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772–р ред. от 23.09.2015 // Собрание законодательства РФ. № 43, 2010. Ст. 5544.

24. Селезнев И. А. Феномен радикального политического ислама в деликвентной среде в современных странах Европы и России. // Вестник экономической безопасности, 2015. – № 6. – С. 43-45.

25. Сирия – билет в один конец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL <https://www.youtube.com/watch?v=UvEMFhBBLGQ&t=2s> (дата обращения: 21.11.2019).

26. Социальный видеоролик против терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL <https://www.youtube.com/watch?v=S3JAFmGg8wI&t=132s> (дата обращения: 20.11.2019).

27. Сысоев А. М. Подходы к пенитенциарной дерадикализации осужденных за проявления религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока и Азии. // Вестник института: преступление, наказание, исправление, 2014. № 1. – С. 83-85.

28. Хайнц Р., Бюринг О. Молодежь в центре внимания // Per Concordiam. Борьба с Насильственным Экстремизмом. Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла. Том 4, № 1, – С. 29-33.

29. ЧП. Замуж за ИГИЛ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: YouTube. URL <https://www.youtube.com/watch?v=UvEMFhBBLGQ&t=2s> (дата обращения: 20.11.2019).

УДК 327.3

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ЕГО РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Калинкина Юлия Викторовна

магистрант 2 курса

Канан Аммар Махмуд Аль-Мутлак

научный руководитель

APPROACHES TO THE DEFINITION OF EXTREMISM AND ITS RELIGIOUS COMPONENT

Yuliya Kalinkina

2nd year undergraduate

Qanah Ammar Mahmud Al'-Mutlak

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются разные подходы к определению понятия экстремизма как фактора угрозы государственной и общественной безопасности. Автор изучает термин «экстремизм» с учетом широкого спектра его трактовок в современном научном дискурсе, представленные разными экспертами, и выделяет основные характеристики рассматриваемого понятия, а также раскрывает его классификацию. Развитие радикальных идеологий привели мир к появлению религиозного, политического, национального экстремизма, однако, особое внимание в исследовании уделено описанию религиозного экстремизма. Комплексное изучение религиозного экстремизма выявляет сильные и слабые стороны этого феномена и может служить практическим применением для построения программы борьбы с его проявлением.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; радикализм; религиозный экстремизм.

ABSTRACT. The article discusses different approaches to the definition of the term “extremism” as a threat to state and public security. The author studies the term of “extremism”, taking into account the wide range of its interpretations in modern scientific discourse, presented by various experts; and the researcher determines the main characteristics of the definition under

consideration, and also highlights its main classification. The development of radical ideologies led the world to the rise of religious, political, national extremism. But this study focuses on the description of religious extremism. Comprehensive study of religious extremism reveals the strengths and weaknesses of this phenomenon and can serve as a practical application for building a program to preventing the threat of violent extremist expansion.

Keywords: extremism; terrorism; radicalism; religious extremism.

ВВЕДЕНИЕ. В конце XX – начале XXI века современное мировое сообщество столкнулось с возросшей опасностью экстремизма, оказавшись совершенно не подготовленным к этому ни с позиции практического противоборства с данным социальным феноменом, ни с позиции теоретического осмысления. На сегодняшний день экстремизм в различных формах своего проявления предстает как угроза безопасности человека, общества, и государства в целом. И особо опасным в этом отношении является религиозный экстремизм.

В отечественных научных кругах политологов и востоковедов понятие «экстремизм» совсем не новое. Несмотря на то, что большая часть исследователей считают необходимым выработать единый подход к определению данного понятия, в настоящее время согласованной дефиниции не существует.

Экстремизм, как явление имеет довольно долгую историю, это понятие связано с нарушением политической деятельности государства и выявление соотношений этого понятия, позволяет выделить схожие и отличительные качества социально–политического явления [11]. Изучение различных подходов к определению понятия «экстремизм» и изучение его характеристик, включая классификацию, позволит составить улучшенную программу дерадикализации населения с учетом всех особенностей его проявления. На сегодняшний день самой сложной реализуемой программой, ввиду роста религиозных экстремистских организаций, является религиозный экстремизм. Именно его изучение стало одним из основных направлений для борьбы с радикализмом и его проявлениями – экстремизмом и терроризмом. Основной целью данной работы заключается не только в рассмотрении различными авторами понятия «экстремизм», но и в оценке сущности его проявления в религиозном обосновании радикальными группировками. Объектом исследования стали работы ведущих специалистов в области политологии и востоковедения, исламоведения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В действительности экстремизм представляет собой сложное и неоднозначное явление, а для изучения этого понятия и его характеристик следует применить эмпирический метод, который позволяет глубоко изучить происхождение рассматриваемого термина. Основными источниками исследования выступили научные труды ведущих юристов, политологов и востоковедов, исламоведов отечественной школы (такие как Добаев И.П., Игнатенко А.А., Галицкий В.П. и другие), а также научные труды зарубежных авторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Дискуссии по проблеме экстремизма и особенно религиозного экстремизма не прекращаются. Рассматривая понятие «экстремизм» можно выделить два основных подхода: определения представителей юридической политологической школ. Рассмотрим мнения авторов относительно характеристики понятия «экстремизм», раскрываемые представителями юридической школы.

К.О. Никонов, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России, определяет экстремизм, как «проявление активности и деятельности, что выходит за рамки дозволенного и имеет связь с применением насилия и пропагандой агрессии» [16]. Главными признаками в определении понятия стала активная деятельность в форме насилия.

Другой исследователь данного направления И.Н. Сенин, юрист, доцент Омского государственного университета под экстремизмом понимает «экстремизм» как одну из форм индивидуального или группового нигилистического отрицания явлений существующей

действительности с целью дестабилизации или разрушения, на основе отношения к крайним идеям и действиям, характеризующиеся насилием, отсутствием толерантности [20].

Следующими определениями понятия «экстремизм» будут рассмотрены понятия ведущих политологов и востоковедом, исламоведов отечественной школы:

Для Игнатенко А.А., советского и российского исламоведа, доктора философских наук, профессора, члена Общественной палаты РФ, экстремизм определяется под термином заблуждения понятия «обновлять» (джаддада, обновление – таджид, новый – джадид).

По мнению Добаева И.П., видного российского политолога-исламоведа, эксперта по радикальному исламу, понятие «экстремизм» предстает как ультра-радикализм, отличающийся от радикализма не амбивалентностью, имеющий плохой смысл и характеризующийся использованием методов войны с выходящими за рамки закона действиями [2].

Именно экстремизм, по мнению Добаева И. П., является самым сложным феноменом в триаде «радикализм – экстремизм – терроризм». Поэтому сводить понятие «радикализм» к более узким явлениям – «экстремизму» и «терроризму» нельзя. Именно игнорирование этого требования в теории может привести к появлению знака равенства между ними, их идеологиями и практикой. Тем не менее, радикализм, терроризм и экстремизм проявляются в качестве идеологических доктрин и являются основанными на них социальными и политическими направлениями деятельности. А сами идеологические доктрины опираются на разнообразные теоретические конструкты. Главной задачей радикальных и ультрарадикальных идеологий стало оправдание практической деятельности у каждого из радикалов, экстремистов и террористов, а также социальная и политическая мобилизация своих сторонников для участия в своей борьбе [2].

Следовательно, исходя из выше указанных определений экстремизма, его можно охарактеризовать как отрицание явлений, которые связаны с крайними идеями и действиями. Выделяя основные признаки понятия «экстремизм», можно сказать, что это социальное явление, крайняя форма проявления которого есть нарушение общественных отношений.

В Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» дается следующее определение экстремизма: «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [23]. Таким образом, экстремизм на международном уровне представляется как насильственный захват власти, насильственное удержание власти, изменение конституционного строя.

Изучая определения понятий экстремизма, особое значение необходимо уделить иностранным исследователям в этой области таким как А. Бартоли из Института анализа и разрешения конфликтов университета Д. Мэйсона, а также П. Коулман из Международного центра по сотрудничеству и разрешению конфликтов Колумбийского университета, где определяют экстремизм как вид деятельности, который отличаются от общепринятых [24]. Таким образом, предполагается, что экстремизм имеет определенные взгляды и готовность к действию.

Для характеристики определения экстремизма в зарубежных исследованиях особое отношение уделяют психологическому изучению самого феномена экстремизма. Здесь следует отметить мнение представителей неопрейдистов, которые являются сторонниками концепций американских авторов психологических школ Э. Фромма и М. Кляйна, которые характеризуют экстремистов как принимающих сознательный выбор в пользу насилия. Для объяснения причин появления экстремизма чаще всего используется теория социальной депривации, которая характеризуется утверждением, что экстремизм появляется в низких социальных и неустойчивых слоях населения. Иногда эта теория кажется обоснованной, однако стоит помнить, что лидеры экстремистских организаций и главные активисты не

относятся к бедным и неимущим. Американский исследователь Тед Роберт Гарр предлагает теорию «относительной депривации», по которой проявление недовольства и склонность к агрессии и насилию появляется при выявлении разнице ожидаемых ценностей с нереализованными возможностями [6]. Он выделяет три модели относительной депривации:

- 1) ценностные ожидания стабильны, а возможности уменьшаются;
- 2) ценностные ожидания увеличиваются, а возможности стабильны;
- 3) ценностные ожидания увеличиваются, а возможности уменьшаются.

Эта теория также развивалась в работах американских философов таких как И. Фейерабенда, Д. Дэвиса и Б. Несволда. Пытаясь объяснить на макросоциальном уровне значительное количество случаев, теория оказалась не способной к характеристике и анализу руководства экстремистских организаций.

Сейчас наиболее применяемая теоретико-методологическая база для микросоциологического исследования экстремистских проявлений выступает теория социальных сетей, разработанная профессором социологии в Школе гуманитарных и естественных наук Стэнфордского университета М. Грановеттером. Также продолжением стала теория социального капитала французского социолога П. Бурдьё и американского политолога Р. Патнэма. Под социальной сетью принимается группа индивидуальных агентов, разделяющие неформальные нормы или ценности, а социальный капитал гарантирует участникам блага через участие в сетях и других социальных структурах. К благам могут относиться, как материальные ценности, так социальные и духовные.

Доктор политической социологии из Пеннсильванского университета М. Сейджмен, работающий в 1986-1989 г. сотрудником дипломатической службы США в Исламабаде, провел в 2000-х гг. сетевой анализ «Аль-Кайды». Анализ касался биографии террористов и привел М. Сейджмена к выводу, что глобальный салафитский джихад — это скорее самоорганизующуюся сетевая структура с присущей ей стойкостью и гибкостью, нежели структура, созданная лидером исламистской террористической организацией Усамой бен Ладеном. Главными предстают социальные связи, нежели идеология [19]. Сетевой анализ не имеет строгий количественный характер и обычные математические процедуры построения выборки невозможны из-за нехватки точных данных о генеральной совокупности, например, о количестве экстремистов.

Различные подходы к определению экстремизма и его сущности, позволяют посмотреть на истоки экстремизма с разных сторон. Именно комплексный анализ дает наиболее полное представление о самом феномене экстремизма и его распространение.

Изучив мнения различных экспертов относительно понятия экстремизма, следует уделить особое внимание видам экстремизма, с целью определения истоков и потребностей в его проявлении. Анализ научной литературы позволяет выделить определенные формы экстремизма. Чаще всего исследователи говорят о трех основных видах проявления экстремизма: политический, национальный и религиозный экстремизм. В многоконфессиональных и многонациональных государствах особую опасность представляют национальный и религиозный экстремизм и его разновидности.

Под религиозным экстремизмом понимается нетерпимость к представителям других религий или в случае религиозного конфликта к инакомыслящим в своей религии. Социальную базу религиозного экстремизма, как правило, составляют маргинальные слои общества. Экстремизм направлен на уничтожение существующих в обществе определенных отношений и ликвидацию многонационального государства, что в определенном ключе имеет связь с сепаратизмом. Религиозный экстремизм можно характеризовать приверженностью к крайним толкованиям вероучений и методов деяний по распространению своих взглядов на пути к своей цели. Отличительной чертой религиозного экстремизма можно считать крайнюю форму нетерпимости к инакомыслию, проповедь своей исключительности и превосходства над окружающими, что, представляет опасность для стабильного существования государства [2].

По мнению Б.К. Мартыненко, кандидата юридических наук Ростовского юридического института, религиозный экстремизм выступает как проявление нетерпимости к людям другой веры и суждений, либо жестокое поведение в случае религиозного конфликта [14].

В научном мире существует два основных взгляда относительно характеристики религиозного экстремизма. Мнение одних исследователей складывается из суждения, что религиозный экстремизм есть один из видов экстремизма в целом. Оппоненты выступают с отрицанием экстремизма в принципе.

Для определения сущности религиозного экстремизма, прежде всего, необходимо выявить четкие критерии, позволяющий отличить его от различных проявлений религиозной жизни, которые характерны для своей сферы и не представляют общественной опасности. Так же стоит отличать разнообразные действия, совершаемые в мире политики, но имеющие религиозную мотивацию или религиозный камуфляж. Зачастую преследуя, политические, экономические, военные интересы, религию используют, как маскировку и прикрытие, создавая иллюзию благого дела для ислама. Если рассмотреть психологию религиозного человека, то можно увидеть ряд особенностей необходимых принимать во внимание. Религиозное сознание определяется как одна из форм общественного сознания, в которой находит отражение религиозная жизнь общества. Последователи религиозного учения зачастую придают своей вере особое значение, сверхценное, а, следовательно, они видят свой долг в приобщении к ней других людей. Именно поэтому, так часто можно наблюдать достаточно навязчивую и даже агрессивную пропаганду религиозных идей.

Идеология религиозного экстремизма объясняется чаще всего интересами религии в применении радикальных, насильственных средств и способствует достижению своих политических целей. Например, идеология и мировоззрение джихадизма, где действия самоубийцы верующего-мусульманина оправдываются внушениями, что после совершенного террористического акта во имя Аллаха, он погибает на пути джихада и попадает в рай. Это и будет конкретным проявлением одного из видов исламского экстремизма. Идеологическая составляющая выражается в мотивации деятельности верующего, и позволяет совершать ему устрашающие акции, на которые не пойдут экстремисты, не имеющие религиозной мотивации. Но при этом благодаря ей личности оказывают без лишних раздумий жестокие действия и идут на самопожертвование в таких акциях. При этом самопожертвование предстает в виде служения Аллаху и становится реальной возможностью приобретения лучшей жизни в другом мире.

Основываясь на данных религиозной экстремистской литературы, можно отметить, что исламский экстремизм вытекает из особенностей исламской религии. Приверженцы радикального толка ислама рассматривают современную западную культуру как абсолютно несовместимое с нравственными и духовными ценностями общества и личности, порождая при этом экстремистскую религиозную практику. Например, по мнению политолога С. Пичугина: «Исламские террористы берут свою идеологию из религии ислама, а кадры – из мусульманской среды». Считая, что большая часть мусульман — это люди вполне мирные и неагрессивные, он предполагает, что сделать мирной религией сам ислам можно только «пацифировав» его. Ислам по своей природе ничто иное как, толерантная религиозная система мира и добра. Поэтому, главной задачей исламского общества является не политическая целесообразность реформирования ислама, а создание для ислама и верующих мусульман всего необходимого из условий гармоничного развития и бесконфликтного существования [17].

Рассматривая примеры действия религиозного экстремизма, можно охарактеризовать ряд базовых элементов исламского вероучения, используемого часто представителями экстремистских организаций:

- 1) исламское мировоззрение относительно построения исламского государства;
- 2) отношение человека к видимому современному западному миру;
- 3) отношение человека к загробному миру.

Традиционная исламская идеология представляет мир как результат творения Аллаха, создавшего совершенный мир. Экстремизм, выступающий от имени ислама, расставляет акценты на негативные и отрицательные действия. Смысл жизни человека заключается в спасении за счет внутреннего духовного самосовершенствования. Представители экстремистских течений разделяют людей на правоверных и неправовверных, которые достойны и недостойны спасения, тех, кто нуждается в исправлении ради их собственного спасения. В исламе человек – связующее звено человеческого с загробным миром. Следовательно, человек принимает мир и должен беречь его, ведь Всевышний его таким создал и не должен пытаться переделать его. Идеология исламского экстремизма строится на теории, что правоверные не должны мириться с испорченным миром и такими же людьми и обязаны искоренить всех, кто его губит. Основным путем в совершенствовании идеологии может стать общение с создателем через систему религиозных культовых действий, и важно сохранить покорность и любовь. Представители экстремистских течений считают, что, любовь Всевышнего мусульманин может получить только за счет искоренения, испорченного духовного состояния в самом себе, в других личностях и мире. Комплекс религиозных чувств и их баланс у каждого мусульманина разный с его приоритетами. Но именно эта индивидуальность и отличает верующего мусульманина от мусульманина-экстремиста. Мусульманин с экстремистской ориентацией имеет высокую степень эмоционально-психологической и нравственной вовлеченности в террористическое действие. Для него теракт предстает как очередной шаг к достижению благой цели и выражает свое служение Всевышнему, для обретения личного спасения [22].

Рассматривая идеологию экстремизма, особую роль в нем играет радикализация. Под радикализацией понимают процесс, в ходе которого люди или группа людей становятся приверженцами политического, религиозного или другого экстремизма. Радикализация сама по себе не означает стать террористом: далеко не все люди, разделяющие экстремистские взгляды, решаются на насилие. Радикализм не имеет веры и национальности, ей может быть подвержен любой при определенных условиях. Термин «радикализм» берет начало от латинского слова *radix*, которое означает «корень, происхождение». Прилагательное «радикальный» также берет начало в латинском слове *radicalis*, которое означает некое действие, нацеленное на возвращение к истокам на основе ведения войны со всем существующим [7].

Можно отметить, что существует две основных группы причин, по которым человек может вступить на опасную тропу радикализма: социальные и индивидуальные. Если рассматривать социальные причины, то к ним можно отнести распространение в обществе неприязни по отношению к религии и, в частности, к исламу, непопулярную внешнюю политику, существование сетей по навязыванию искаженной идеологии в радикальных движениях. К числу индивидуальных факторов относят личные связи с радикально настроенными людьми, недовольство жизнью в сочетании сделать что-то важное и неуверенность, и сострадание по отношению к притесняемым единовверцам.

Большинство мусульман вступивших в ряд экстремистских организаций часто встречаются с феноменом «двойного разрыва». Происходит это по принципу разрыва прошлого и настоящего, речь идет о прекращении отношений с семьей и родственниками, и также национальным обществом, своими соотечественниками. На базе такого разрыва и строится некое новое представление идентичности, которое является смесью убеждений как политических, так и религиозных. Как показывает практика, подобная идентичность, приводит к актам насилия и ведется против «неверных» и всех тех, кого называют ложными мусульманами.

ОБСУЖДЕНИЕ. Религиозный экстремизм в зарубежной литературе можно разделить на две большие группы. Первая, это труды, описывающие и характеризующие исламские радикальные движения в том контексте, в котором они появились и существуют. Таковы работы американских арабистов Х. Декмеджана, Ж. Кёпеля, Э. Сивана. Вторая группа – работы, о религиозном экстремизме, которые больше посвящены исламскому

фундаменталистскому экстремизму. Политолог М. Сейджмен в своей работе «Сетевые структуры терроризма» предпринимает успешную попытку применить сетевой анализ к структуре «Аль-Кайды» [19], а исследования европейских политологов М. Юргенсмейера, Д. Корбина, К. МакКоли уделяют изучению личности террористов и террористов-самоубийц.

Автор в своих работах по изучению феномена «экстремизма» уделяет много внимания таким вопросам как политика дерадикализации, религиозного просвещения и профилактики экстремизма на примере действующих программ Европы и Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Основой изучения экстремизма является понимание его сущности, которая направлена против существующих в обществе норм, правил, принципов, обычаев и традиций. Особое значение уделяется экстремизму с использованием религиозных чувств; именно в такой форме экстремизм способен порождать жестокий террор, так как исполнителями в данном случае выступают религиозные фанатики, для которых нетерпимость к инакомыслящим приобретает сверхценное значение, придает их жизни смысл. Более того, они готовы во имя этих принципов жертвовать не только своей, но и жизнями других людей. К сожалению, в современном мире экстремизм играет весомую роль в решении многих политических и религиозных вопросов. В связи с ростом проявлений все новых идей видоизмененной идеологии, встает вопрос об более глубоком и детальном изучении этого феномена в перспективе.

Список литературы:

1. Баева Л.В. Проблемы противостояния молодежному экстремизму в современной России // Обзор. НЦПТИ. – 2015. – №5. – С. 16-21.
2. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. – 245 с.
3. Бокарев С.Н. Религиозный экстремизм в современной России: социально-философский аспект/ Проблемы противодействия экстремизму в РФ: Сборник материалов круглого стола. – 2005. – Стр. 9-13.
3. Володугева М.М. Религиозный лидер и региональный конфликт // Известия Алтайского государственного университета. – 2003. – №4 (30). – С. 17-19.
4. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: Коллективная монография. – Казань: Фолиант, 2017. – 232 с.
6. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
7. Желтов В.В., Желтов М.В. Исламский терроризм: радикализация, рекрутирования, индоктринация: Монография. – 2-е изд. М.: Вузовский учебник: ИНФРА – М, 2018. – 110 с.
8. Желтов В.В., Желтов М.В. Религия и арабская весна // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – №2 (50). – С. 91-92.
9. Игнатенко А. А. Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 1 (13).
10. Ислам на европейском Востоке: Энциклопедийский словарь. – Казань: Магариф, 2004. – 383с
11. Козырев Г.Н. Политическая конфликтология: учебное пособие. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. – 174 с.
12. Кокорев В.Г. Соотношение понятия: Терроризм и экстремизм. Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – №1 (047). – С. 239-244.
13. Макаров Н.Е. Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. канд. полит. наук. – Чита, 2006. – 161 с.
14. Мартиненко Б. К. Теоретическо-правовые вопросы политического терроризма. – Ростов-на-Дону, 1999. – 180 с.
15. Никитин А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: дис. канд. юрид. наук. Казань, 2011. – 237 с.

16. Никонов К.О. Проблема определения экстремизма // Юридический мир. 2011 – № 7. – С. 42.
17. Пичугин П.В. Исламский экстремизм: мифы и реальность // Агентство политических новостей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications//article22558.htm/> (дата обращения: 19.11.2019).
18. Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 987-988.
19. Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. – 216 с.
20. Сенин И.Н. Экстремизм: понятия и виды// Инновационное образование и экономика. – 2008. – № 2. – С. 81.
21. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: дис. канд. юрид. Наук. – Ростов н/Д., 2003. – 196 с.
22. Харрис С. Конец веры. Религия, террор и будущее разума. – М.: Эскмо, 2013. – 300 с.
23. Шанхайская конвенция обороны с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом// Собрание законодательства РФ от 13.10.2003 г., № 41. – С. 3947.
24. Coleman P.T. Addressing Extremism / P.T. Coleman, A. Bartoli. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386_WhitePaper_2_Extremism_030809.pdf (дата обращения: 19.11.2019).
25. Post J. The Radical Group in Context: 1. An Integrated Framework for the Analysis of Group Risk for Terrorism / J. Post, K. Rudy, E. Shaw // Studies in Conflict and Terrorism. – 2002. – № 25. – P. 73-100.
26. Post J. The Radical Group in Context: 2. An Identification of Critical Elements in the Analysis of Risk for Terrorism by Radical Group Type / J. Post, K. Rudy, E. Shaw // Studies in Conflict and Terrorism. – 2002. – № 25. – P. 101-126.

УДК 159.4(07)

РОЛЬ АУТЕНТИЧНЫХ МЕДИАМАТЕРИАЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ

Потапенко Екатерина Сергеевна
студент 5 курса
Дельвиг Наталья Андреевна
научный руководитель

THE ROLE OF AUTHENTIC MEDIA IN DEVELOPING SPEAKING SKILLS

Ekaterina Potapenko
undergraduate student
Natalya Delvig
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В современном мире коммуникативная компетенция важна не только для филолога, но и для любого человека, так как она определяет готовность использовать полученные навыки и знания при ведении коммуникации. В рамках ФГОС одной из важнейших целей обучения филологов в вузе является формирование их коммуникативной компетенции и ее составляющих. В статье автор отмечает, что данная цель может быть достигнута использованием различных материалов в ходе изучения иностранного языка, а именно медиаматериалов, таких как: публикации в периодических изданиях, новостные телевизионные программы; информация, размещенная в сети интернет. Основываясь на мнении как отечественных, так и зарубежных исследователей, автор утверждает, что использование медиаматериалов в полной мере способствует достижению положительного

результата в процессе обучения. Кроме того, это способствует расширению общего кругозора студентов, повышает позитивную мотивацию обучающихся, развивает их умения анализировать события, происходящие в любой сфере общественной деятельности, а также формулировать собственные суждения на иностранном языке. Таким образом, аутентичные материалы целесообразно применять на занятиях по английскому языку как со студентами, обучающимися по направлению подготовки «Перевод и переводоведение», так и по направлению «Лингвистика».

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; речевая компетенция; медиатекст; медиаматериал; профессиональная подготовка.

ABSTRACT. Nowadays the communicative competence is important not only for a philologist, but for any person, as it determines the natural wish to use the acquired skills and knowledge for conducting communication. Within the Federal Educational Standard, one of the most important goals of teaching philologists in the university is the formation of their communicative competence and its components. In the article, the author emphasizes that this goal can be achieved by using different materials in the process of studying a foreign language, namely, media materials, such as: publications in periodicals, television news programs; information posted on the Internet. In the opinion of both domestic and foreign researchers, the author claims that the use of media materials fully contributes to the achievement of a positive result during the process of study. In addition, it positively influences the expansion of the general students' knowledge, increases positive motivation of them, develops their skills to analyze events occurring in any social sphere and express their own thoughts in a foreign language. Thus, it is advisable to use authentic materials in English classes both with students studying in the training field of "Translation and Translation Studies" and "Linguistics".

Keywords: communicative competence; speech competence; media text; mediamaterial; professional training.

INTRODUCTION. Researchers have been exploring new methods and ways for teaching speaking successfully for many years [10, p.67]. One of the effective ways of improving speaking skills is using authentic videos which maintains developing English Language competency, particularly speaking skills, as a result of listening comprehension [11, p. 56-58]. In the last decade, authenticity has been highlighted as one of the most important paradigms in improving the speaking skills in English Language. According to Chekoju A. during the second language acquisition and foreign language learning, the input should be comprehensible, interesting and relevant but not strictly graded in order not to terrify the learners. Regarding those significant features of language input, using authentic mediamaterials is one of the effective ways of developing communication strategies and engaging the low-level students to the speaking classes to improve the oral skills [8, p. 89-93].

The role of the language and media is in fact needed to be focused on and analyzed in a good perspective in terms of its practicality, intelligibility, quality in terms of learning. Therefore, there is an urgent need to construct a relation between language and the media what is going to be realized in the given research.

The language teaching situation in terms of the students' speaking competence is not successful in schools. There is an urgent need for a solution. The mass media tools could be considered as a remedy as these materials have the highest potential to attract the students by being flexible, entertaining and interactive. It will be easier, faster and more effective in improving students' listening and speaking skills [4].

Television with its authentic audiovisual materials, radio with its authentic audio materials, news with its authentic everyday language and the internet facilities which has all sorts of materials will be an effective way of learning and using the language. The use of these mass media teaching materials can add zest, interest and vitality to the teaching learning situation or environment. In

addition to that, using authentic mass media teaching forces the students will be encouraged to be interactive, to learn faster and to remember. Mass media materials, devices and symbols make a subject more comprehensible and interesting. They provide learners with realistic experiences (real-life situations) which get their attention and help in understanding of the mechanics of the language [3, p. 47-54].

From a methodological point of view, T. Dobrosklonskaya writes that media materials significantly enrich and revitalize the learning process and give an opportunity to a teacher to perform immediately a wide range of tasks, such as enriching the vocabulary of students, improving communication skills in a foreign language and providing additional information that will broaden their outlook. Video and audio materials help students learn to understand English language by ear and push the student to sink into the study of a foreign language on their own [3, p. 67-79].

MATERIALS AND METHODS. A mixed-method research design (qualitative and quantitative research design) was used to find the effectiveness of authentic videos in teaching speaking skill as well as, to collect data for the current study as it was used to describe attitudes, beliefs, opinions and other types of information.

RESULTS. Technological developments and advances have changed the distribution of mass media in twentieth century radically. Today, it is integrated in nearly every corner of social life as a conflict, change, dominance, or social integration. It can also be said that the power of media has always influenced general or daily opinions, ideas and behavior of people. At present millions of people all around the globe fully rely on mass communication as the flow of information, and knowledge is unbelievably quick, fast and diverse.

In educational settings mass media enriches instruction. The enrichment may come from interesting presentation of audio visually developed/advanced movies, educational television programs, chat rooms and television series. Therefore, these materials can reach larger numbers of individuals than those used in classrooms, as they are easy to access and they have a wide publicity.

The mass media also reach students easily, who do not prefer to participate in classroom instruction, and those ones who are distant from campus, working and unable to coordinate their business life schedules with class times, or those ones dealing with taking care of their children, the handicapped and many more.

As the mass media and the communication are interconnected, it is not unreasonable to make use of mass media tools such as TV and radio programs, news, films, songs and internet in EFL (English as a foreign language) [2, p. 87-90].

Speaking has an important part in human life. People use their speaking skill in order to communicate with others. Speaking is one of four language skills that important to be completed. In EFL learning, of course, the students are not immersed in an English environment. English is learnt more as a school subject in addition to other subjects in the formal education. As a result, in non-English environment, the students have limited opportunities to practice their English outside their school [6].

Within the framework of the requirements for studying a foreign language, represented to university students, there is an urgent need for a new and more effective development methods of students' communicative skills in speaking a foreign language. It is obvious that it is quite difficult to imagine spoken language training without using up-to-date authentic listening materials among which we can use media materials. Thanks to media materials, a global communicative space is being formed in the world, borders and distances are being overcome, and information instantly comes from one country to another.

The requirements for a foreign language are not only knowledge of the vocabulary and grammar of the language, but also knowledge of the traditions and culture of the country the language is being studied. Media materials are an interesting cross-cultural material and demonstrate the latest news from the countries of the language being studied. That is why the formation of communicative competence through English-language media materials is of particular value. Listening to radio programs, reading newspaper articles and watching the news reports, students have an opportunity not only to learn new vocabulary and improve phonetic skills through

“live” English, but also to consult the lexical features of words that cause difficulties, realize the specifics of translating English text into native language and learn to understand the general meaning of the text. Media materials are full of words denoting the realities of the country of the language being studied [2, p. 167-169]. Having learned about the realities of the language and the specific vocabulary that makes the students closer to foreign culture, it will be easier for students to navigate in the information about the country’s culture and its history. Realities reflect the ideology of the speakers of the studied language, their political views on events in other countries and demonstrate their attitude to other countries. This method of speaking skills training is also useful because students have an additional motivation to learn a foreign language and interest due to the opportunity to get acquainted with the realities of the life of the language being studied.

The impact of television on learning is accepted as undeniable. Television has one of the highest potential to revolutionize education and to link learning more closely to real life. Television can attract and motivate large audience, and so address national, universal problems as no other medium can. Only television has the scope, the visual impact and the potential for persuasion and behavior change to move masses.

For the authenticity of the materials, C. Tomilnson for example of the opinion that authentic materials are valuable because they contain cultural aspects and show the students the real samples of language as used by native speakers [11, p. 43-51]. Constructed materials on the other hand, are seen less effective and less interesting since they do not introduce real world to learners. S. Bernardo highlights the idea that non-authentic materials have an ‘artificial and unvaried’ language as they only concentrate on the subject that is supposed to be taught, and ‘false-text indicators’ which are sentences formed perfectly, questions formed by grammatical structures and followed by a full answer, and structures repeated [10, p. 62]. These make the texts seem very different to the ones in the real world as the real language use reflection. Some teachers similarly hold the idea that while those authentic materials are interactive, EFL textbooks are implemental. She also insists that relying on carefully written materials for English teaching is not enough in order to supply the native-like proficiency.

Unfortunately, today some teachers avoid using media materials during foreign language classes, as they believe that such texts pose certain difficulties for students. However, many contemporary teachers, such as S. Archegova willingly use media materials and emphasize positive results in the development of speaking skills.

In the book “Teaching oral speech in foreign language lessons” S. Archegova writes that the use of media materials during English classes is a kind of necessity and argues that many teachers are afraid of using new methods of teaching a foreign language due to a lack of pedagogical literature on this topic [1, p. 430]. We believe that newspaper, radio and video materials play an important role in teaching oral speech and we should not take away the opportunity from the students to listen to “live” speech or work with the English-language press.

Media materials play an important role in the formation of linguistic competence and the development of communication skills among students. Newspaper articles and news reports on TV contain discussion issues that encourage students to express their views and help the teacher organize discussions between students. As the authors of newspaper articles often express their own attitude to events in the world, they use certain clichés and diverse ways of arguing their point of view. Thus, students will not have difficulty formulating their own statements, as they will already have an example. In addition, in the articles you can find various lexical combinations, phraseological and idiomatic expressions that the authors use in everyday life. For students, these materials can help communicate with native speakers [8, p. 36-39].

Media materials also introduce students to the culture, traditions, and history of the country of the language being studied, which contributes to the formation of sociocultural competence, as they expand the sociocultural and linguistic country study knowledge: country study knowledge of the political, economic structure of the country, geography, social life, culture and art; linguistic country study knowledge about the realities in the country of the studied language, background vocabulary. *“Background vocabulary is a vocabulary that carries information of a nationally*

cultural nature and needs linguistic country study commentary, as the concepts expressed by the words of the language being studied are absent in the students native language or their knowledge in two languages does not match” [3, p. 167]. For example, a “conservationist” is a person who advocates or acts for the protection and preservation of the environment and wildlife; “cricket” – the name of the game; “coroner” – an official who investigates violent, sudden, or suspicious deaths. Such knowledge helps students better understand the culture of the country of the language being studied.

In modern newspapers and magazines, one can also find texts devoted to current issues in society, for example, “Children upbringing”, “Home Lifestyle”, “Family Values”, etc. Moreover, these topics are part of the university curriculum. Due to these texts, students will be able to form their own opinion about the mentality and life in British and / or American society. To develop speaking skills, a teacher can start discussing of contemporary problems of society on the basis of print media, invite students to compare the main points of their culture with the culture of other countries, and try to find ways of solving various problems. Without any doubt, media materials are a source of replenishment of students’ knowledge, their life experience, impressions, sensations, and expand the global outlook of students [9, p.94-105]. Through the regular use of this kind of materials, students learn to navigate in an endless stream of information, to separate useful information from useless one, and to use the information received in their daily live. It all contributes to the development of critical thinking skills and helps to objectively evaluate information. Students have an opportunity to demonstrate their analytical abilities by comparing the flow of the same information in different countries. Thus, media materials fulfill the educational function and form the personal attitude of students.

Television broadcasting is considered to be one of the most popular means of disseminating information, thanks to which people will learn about the latest news in the world. The peculiarity of television broadcasting is that it affects both auditory and visual perception of information. According to the data presented in the book “Methods and techniques for the effective use of teaching aids in the educational process” by L.P. Pressman when a student only listens to, he remembers 15% of the information, when he watches – 25%, and when he both watches and listens to – 65% [9, p. 67-69]. It means that broadcasting is the most effective means of supplying any kind of information. Generally, news and various programs on TV have a high degree of aesthetic expressiveness, brightness of the information presentation and showmanship, which causes certain emotions and interest. Therefore, the best way to present new information is to affect our visual and auditory canals. The use of television mass media in foreign language classes makes the learning process more emotional, lively and compelling. In addition, television news programs reflect the real course of events in the country of the language being studied, which, undoubtedly, is of interest to students. Their interest leads to increased motivation, which positively impacts on the learning process. But we should not forget that television news texts are compiled by a group of educated native speakers and voiced by professional broadcasters. For students, such texts are of great benefit, as they are the best example for students in terms of grammar, phonetics and vocabulary.

DISCUSSION. Media materials also introduce students to culture, contribute to the formation of universal values and qualities, and counteract destructive and dangerous society trends. Surely, it all contributes to the formation of morality among students. On television programs and in magazines, one often promotes a certain way of life with an appropriate set of political, spiritual and moral values, which, with the right selected material, positively affects students.

For a teacher, the advantages of using information technologies are that they help diversify the presentation of new information, make it more perceived for students and immerse students into a foreign language environment.

The use of visuals in the language classroom increases students’ motivation and participation in the class was the next item in the survey. 90 percent of the teachers agreed that using authentic media materials in classrooms increases students’ motivation and it makes them take place more in classroom’s participation, but on the other hand, 10 percent was not sure with the idea that it may help student’s motivation in their classrooms.

CONCLUSION. To sum up, the use of media materials as means of teaching foreign languages allows achieving the following learning aims: practical (acquisition of communication skills), educational, developmental and providing general education. Nevertheless, we do not set the goal of analyzing a specific method of transmitting media (television, radio broadcasts, paper media), as a teacher determines the source of information transfer on the basis of the topics and a goal set in the lesson. It can be inferred that audio/visual media materials are attractive and interesting to learners and are useful in getting their attention and concentration on the lesson. Teachers may apply these materials in their in order to make classroom atmosphere more positive and in order not to have a boring lesson inside the class. It enables them to be familiar with speaking intonation and stress. Although it needs time management, they require to be adjusted to the students' level of language and their interests, so that they will be reinforced to participate in classroom interaction. Teachers need to be more passionate with students because using these materials may bring more noise and movement from the students, if it is attracting to them.

References:

1. Арчегова С. З. Обучение устной речи на уроках иностранного языка // Молодой ученый. — 2015. — №1. — С. 429-431.
2. Бубнович И. И. Актуальные проблемы организации учебного процесса в обучении иностранных граждан в высших учебных заведениях / И. И. Бубнович: сб. науч. ст. — Минск: Изд. центр БГУ, 2016. — 218 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М. : Флинта, 2008. — 203 с.
4. Дубова М. В. Компетентностный подход среди современных педагогических подходов в системе общего образования / М. В. Дубова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-sredi-sovremennyh-pedagogicheskikh-podhodov-v-sisteme-obshchego-obrazovaniya> (дата обращения: 26.11.2019).
5. Майданова Л. М., Практическая стилистика жанров СМИ: Учебное пособие. / Л. М. Майданова, С. О. Калганова. — Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2006. — 336 с.
6. Михайличенко Ю. В. Формирование англоязычной коммуникативной компетенции будущих журналистов с использованием электронных СМИ. / Ю.В. Михайличенко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2015/01/1136> (дата обращения: 26.11.2019).
7. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. // Монография. — Департамент по языковой политике, М. : МГЛУ, 2005. — 248 с.
8. Рогозина И. В. Функции и свойства медиатекста как гетерогенной когнитивной структуры. — Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. — 226 с.
9. Чокою А. М. Роль эмоционально-экспрессивных средств в современном политическом газетном тексте: автореф. диссерт. кандидата филолог. наук / А.М. Чокою. — М. : Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2007. — 134 с.
10. Berardo S. A. The use of authentic materials in the teaching of reading // The Reading Matrix. — 2003. — Vol. 6, No. 2. — P. 60-69.
11. Tomilnson C. A. The Differentiated Classroom: Responding to the Needs of All Learners / C.A. Tomilnson. — Alexandria: Association for Supervision and Curriculum Development, 2005. — 132 p.

УДК 81'42:[321.013–044.247(470.75):070(430+44)]

ОБРАЗ РОССИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ

Цепкова Анна Сергеевна

магистр 1 курса

Савина Зоя Сергеевна

магистр 1 курса

Ярмак Ольга Валерьевна

научный руководитель

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE MEDIA SPACE OF GERMANY AND FRANCE

Ann Tsepikova

1st year master student

Zoya Savina

1st year master student

Olga Yarmak

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ публикаций медиапространства Германии и Франции, в частности, интернет-версий печатных изданий, а также сообщений немецко- и франкоязычных интернет-сегментов социальных сетей. В ходе исследования был проведен сравнительный анализ сообщений информационного пространства Германии и Франции. Исследование рассматриваемых публикаций направлено на изучение оценки действий России в 5-ти летний временной период (2014-2018 гг.), что дало возможность выявить изменения конструирования медиаобраза России, россиян и русских в целом в информационной повестке двух данных европейских государств. Результаты исследования показали формирующуюся тенденцию к изменению образа России в медиапространстве Германии и Франции от негативного к нейтральному.

Ключевые слова: медиапространство; медиаобраз; средства массовой коммуникации; социальные сети; Крымская весна; Франция; Германия.

ABSTRACT. The article deals with analysis of publications in the media space of Germany and France, such as online versions of print periodical, as well as the messages from the German and French language Internet segments of social networks. The study conducts a comparative analysis of the information space messages of Germany and France. The examination of these publications focuses on the assessment of the actions of Russia in the 5-year period (2014-2018), which made it possible to identify the changes of the media image model of Russia, Russians and the citizens of Russia in the information agenda of the two European countries under consideration. The results of the study showed that the image of Russia trends to change in the media space of Germany and France from negative to neutral.

Keywords: media space; media image; mass media; social networks; Crimean Spring; France; Germany.

ВВЕДЕНИЕ. В условиях стремительного развития информационных и коммуникативных технологий формирование образа и имиджа государства происходит во многом благодаря средствам массовой коммуникации и социальным сетям. Посредством различных коммуникативных каналов формируются и транслируются представления, стереотипы и мифы о государствах, чей образ репрезентируется в СМИ и социальных медиа. Следовательно, необходим подробный анализ суждений, мнений об определенном государстве, формирующих информационные тенденции и потоки международного медиапространства. При этом важно помнить, что информационное пространство во многом

находится в зависимости от позиции авторитетных медиаструктур и их изданий, способных формировать и мобилизовать общественное мнение.

Для научного и медийного сообществ актуальными являются вопросы изучения процессов преобразования медиапространства. В цифровом обществе структура Интернета меняется за счет интенсивного использования цифровых технологий, компьютерных программ для создания множества информационных площадок, а также коммуницирования медиапользователей. Как следствие, ролевое участие акторов в производстве и распространении информации также подвергается изменениям и корректировке. XX век представлял собой период аналоговых коммуникаций, но ситуация изменилась с появлением виртуальных площадок таких, как интернет-сайт, блог, лонгрид, социальная сеть и т.д. Массовый потребитель получает привилегию выхода в медиапространство, будучи вовлеченным участником публичного дискурса по вопросам политики, социокультурного, экономического развития посредством интернет-ресурсов. Теперь каждый интернет-пользователь имеет возможность публично высказывать своё мнение, создавать свой медиапродукт, распространять его и монетизировать. Стоит признать, что социальные медиа сегодня являются феноменом эволюции медиапространства и лидирующие позиции занимают именно социальные медиа [9].

Наличие интернет площадок для государства очень важно, так как освещаются события не только самой страны, а её позиция на мировой арене. Благодаря таким площадкам могут формироваться мнения, имидж и образ страны.

Необходимо дефинировать основные категории исследования – образ и имидж страны. Определения «образ» и «имидж» имеют относительно идентичное значение, их, как правило, отождествляют, однако, на самом деле существуют некоторые различия. В частности, российский ученый Т.Э. Гринберг, с мнением которого мы считаем целесообразным согласиться, под имиджем понимает целенаправленно формируемый образ, рассчитанный для улучшения представлений аудиторий в интересах данного объекта. Под образом, как правило, подразумевается субъективное восприятие объекта, создаваемое в сознании других участников коммуникации [2].

При анализе образа России полагаем необходимым разграничить определения «образ» и «медиаобраз». Если образ складывается исторически в общественном сознании другой нации, то медиаобраз формируется в международной или региональной медиасистемах. Медиаобраз также оказывает большое влияние в развитие образа государства.

На сегодняшний день понятия «образ» и «медиаобраз» играют важную роль для имиджа страны. Как известно, Российская Федерация (далее РФ) является одним из ведущих игроков на мировой политической арене. При этом именно зарубежные СМИ выступают основным фактором формирования образа РФ у граждан других стран. Мнение о различных событиях у людей складывается на основе жизненного опыта, в то время как понимание различных зарубежных феноменов происходит благодаря иностранным журналистам, которые по собственному усмотрению отбирают данные и трактуют их сквозь призму выгодного им воззрения. В результате, мнение общественности складывается на основе материала, изложенного СМИ в медиапространстве, а именно – зарубежными СМИ о деятельности РФ.

Наш исследовательский интерес сконцентрирован на рассмотрении медиапространства европейских стран, в частности Германии и Франции. Особую роль в данном процессе играют качественные печатные издания и их электронные версии. Благодаря такой прессе формируются двусторонние отношения между странами, а не обычное транслирование оценок и фактов. В аудиторию входят образованные и влиятельные представители общества. Мнение этих людей на события, происходящие в России, можно рассматривать как ключевые, потому что речь идёт об элите, которая определяет внешнеполитический курс страны. Следовательно, образ России во французском и немецкоязычном медиапространстве оказывает непосредственное влияние на уровень двусторонних контактов, экономическое и политическое партнерство между странами.

Актуальность данного исследования обусловлена степенью конфликтности и неоднозначности информационной оценки действий России 2014 года и, как следствие, изменением интернет-образа российского государства, пространства русского мира, россиян и русских в целом. Понимание тенденций моделирования образа государства, в частности России, в международном медиапространстве Германии и Франции и информационных источников этих тенденций может позволить понять специфику формирования информационной оценки действий государства, а также определить реакцию общества на эти действия. Таким образом, можно понять, как в перспективе скорректировать образ России в информационной и политической повестке.

Целью данного исследования является анализ контентных единиц немецко- и франкоязычных интернет-сегментов за период с 2014 по 2019 год с упоминанием деятельности РФ, включая действия в отношении Крыма; выявлении изменений в информационной повестке в Германии и Франции.

Объект исследования – сообщения, посты и комментарии, касающиеся России, Русского мира, русских и россиян с 2014 по 2019 годы. Предмет исследования – интернет-образ России в сегменте социальных медиа Германии и Франции.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Большинство исследований посвящено особенностям репрезентации России в зарубежных СМИ (А. Б. Бушев, Э. А. Галумов, О. С. Драгачева, М.Р. Желтухина, Р. Царукян).

Проблемой имиджа занимались такие зарубежные авторы, как С. Бурстин, С. Анхольт, Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер, М. Кастельс и Э. Тоффлер. В их работах понятия образ и имидж не разграничиваются.

Общество сегодня становится более мобильным и поэтому социальные сети становятся более популярными. Люди не могут представить свою жизнь без всемирно известной паутины. Человечество и виртуальная реальность тесно связаны друг с другом, поэтому очень важно понять, как социальные сети влияют на формирование образа государств.

В социологии социальная сеть понимается как социальная структура, состоящая из множества агентов (индивидуальных или коллективных) и определенного на нем множества отношений (совокупности связей между агентами) [3, с. 4]. Применительно к Интернету, понятие «социальная сеть» впервые было использовано Тимом О'Рейли, основоположником концепции Web 2.0 в 2005 году [6, с. 255].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. С целью реализации поставленной задачи, которая состоит в проведении сравнительного анализа сообщений, постов и комментариев, содержащих оценочные суждения в отношении России, русских и россиян в целом в интернет-версиях печатных изданий, а также в сегменте социальных медиа Германии и Франции, было проанализировано 80 статей, 50 статей из которых за 2014г. и 30 – за 2018г.

Теоретико-методологической базой нашего исследования выступает концепция трансцендентной иллюзии, рассматривающая действительность как виртуальное либо выдуманное пространство, теория журналистского поля и журналистских очков. В рамках исследования применяется системно-деятельный подход, изучающий медиапространство как результат культурной и социальной среды; теория символического интеракционализма, рассматривающая медиапространство как производителя и хранителя символов и норм.

В современной социологии структурный подход, основанный на изучении взаимодействий междусоциальными акторами, называется анализом социальных сетей (social network analysis, SNA). В рамках данного подхода объектом исследований выступают связи между отдельными индивидами или группами, или организациями, а также отношения между национальными государствами или международными альянсами. Наиболее выдающимися сетевыми аналитиками являются: С. Берковитц, С. Вассерман, М. Грановеттер, Д.Ноук, Х. Уайт, Б. Уэллман, Л. Фриман. Современный сетевой анализ предполагает, что только при соединении отдельных индивидов, групп индивидов или организаций компьютерные сети становятся социальными.

Акторно-сетевая теория рассматривает взаимодействие и взаимовлияние технологического и социального. В соответствие с ней используется «...метод изучения социотехнических отношений в условиях сложных сетей взаимосвязи и взаимообусловленности, в которых технологические, социальные и культурные элементы рассматриваются в одной общей плоскости взаимодействия» [4, с. 45-55].

При анализе медиа-сообщений применяется метод контент-анализа, позволяющий исследовать информацию, в нашем случае – текстовые сообщения интернет-изданий и социальных сетей Германии и Франции. С помощью метода контент-анализа можно установить степень соответствия сообщений намерениям коммуникатора и специфике канала, исследовать взаимосвязи между характеристиками сообщения и установками аудитории, но кроме того ее реальным и коммуникативным поведением [6]. Одним из наиболее распространенных является определение контент-анализа, предложенное Б. Берельсоном: «Контент-анализ является объективным, систематическим и количественным описанием явного содержания коммуникации» [10, с. 15].

Контент-анализ имеет следующие составляющие единица анализа – лингвистическая единица речи или элемент содержания, служащие в тексте указателем интересующего исследователя явления, в качестве которого может выступать термин, простое предложение, суждение, проблема, социальная ситуация, сообщение в целом, но кроме того конкретное имя, факт, понятие и т.д. [5].

Мы понимаем под контент-анализом метод исследования текстовой и графической информации, переводящий приобретенные данные в статистическую структуру. Как правило, любые источники могут быть проанализированы: печатные издания, радио- и телепередачи, кинофильмы, телесериалы, рекламное объявление, публичные выступления, материалы анкет, разнообразные публикации в сети, документы, литература и так далее. Основной задачей контент-анализа считается выявление в информационном источнике значимые и интересные для изучения детали, которые можно ввести в общую характеристику источника. В некоторых случаях контент-анализ раскрывает контекст, в других – акцентирует только количественные характеристики. Благодаря контент-анализу из большого числа информации можно выделить связанные и структурированные понятия. Согласно полученным данным можно делать конкретные выводы. По количеству упоминаний, можно судить о популярности исследуемого события, сопоставляя два разных события, можно обнаружить, какое из них более освещается во СМИ или социальных сетях.

Можно сделать вывод, что контент-анализ подходит для анализа медиaprостранства, которое включает в себя различные информационные ресурсы и делятся по самым разным показателям.

РЕЗУЛЬТАТЫ. События Крымской весны 2014 года оказались обсуждаемой темой не только в немецких и французских СМИ, но и во всём мире. Немецкие и французские СМИ освещали эти события по-разному. Самыми крупными источниками в Германии являются: *Süddeutsche Zeitung, Frankfurter Allgemeine, Die Welt, Frankfurt Rundschau, Bild* и др., во Франции – *L'Internaute Magazine, Overblog, au Feminin, TF-1, Voila* и др. В одних СМИ Крым и Севастополь назывались российскими, в других, наоборот, эти города упоминались как украинская территория. В немецких СМИ из проанализированных нами 30-ти статей 15 датируются 2014 годом и 15 – 2018-м годом. Нами было проанализировано 50 статей французских интернет-изданий, в которых были упоминания Крыма и города Севастополя, Крымской весны, из них датируемых 2014 годом – 16 статей, 2018 годом – 34.

Частота упоминания контентных единиц в 2014 году в немецких СМИ значительно отличается от 2018 года. В 2014 году самыми популярным контент-единицами были «Россия» («Российская Федерация») (106 единиц), «Крым» (84 единиц), «Украина» (69 единиц) и «Путин» (51 единиц). В 2018 году тенденция сохранилась: самыми популярными контент-единицами стали «Крым» (113 единиц) и «Россия» («Российская Федерация») (97 единиц). Наблюдается снижение частоты употребления таких контентных единиц, как «Украина» (69 – в 2014 г. и 47 – в 2018 г.), «Путин» (51 и 33 единиц соответственно),

«Порошенко» (15 и 4 единиц соответственно), «Янукович» (6 – в 2014 г. и ни одной в 2018 г.). Тем временем, контентная единица «Севастополь» стала более популярной в 2018 году: 26 единиц в 2018 году по сравнению с 9 единицами в 2014 г.

Во французских СМИ контент-единицы отличались от немецких. В 2014 году наиболее популярными были «Крым» (98 единиц), «Россия» («Российская Федерация») (43 единиц), «Севастополь» (20 единиц). В 2018 году произошло изменение в международной информационной повестке, так как информационные сообщения о России и Крыме стали превалировать во французском медиапространстве. Так, в 2018 году данные контент-единицы имеют следующие показатели Крым» (132 единиц), «Россия» («Российская Федерация») (73 единиц), «Севастополь» (33 единиц). Мы заметили тенденцию увеличения употребления следующих единиц: «Киев» (16 – в 2014 г. и 18 – в 2018 г.), «Путин» (15 и 18 единиц соответственно), «Порошенко» (0 и 4 единиц соответственно), «Янукович» (4 – в 2014 г. и 1 в 2018 г.). Опираясь на то, какие слова являлись наиболее популярными во французских СМИ, приходим к выводу, что нейтральный характер сообщений о событиях Крымской весны стал превалировать в медиапространстве Франции в 2018 году по сравнению с 2014 годом.

ОБСУЖДЕНИЕ. Мы привели данные о результатах анализа материалов интернет-версий печатных изданий в медиапространстве Германии и Франции. Считаем целесообразными продолжить наше исследование сообщений интернет-пространства, а именно в немецко- и франкоязычном язычном сегментах социальных медиа. На пилотном этапе исследования нами были отобраны ключевые слова, по которым будет осуществляться поиск контентных единиц и отбираться сообщества в немецко- и франкоязычных сегментах сети. Исследование позволит изучить реакции на них немецко- и франкоязычной интернет-аудитории, формирование тенденций информационной оценки действий России и понять, каким образом можно скорректировать интернет-образ России для немецко- и франкоязычной интернет-аудитории.

В качестве ключевых слов на немецком и французском языках для осуществления поиска контентных единиц выделили: Russland/Russie, russisch/russe, Putin/Poutine, die Krim/Crimée, Annexion/annexion, Aggressorstaat/Etat agresseur, Expansionspolitik/politique expansionniste, Separatismus/séparatisme, Sanktionen/sanctions, Ukraine-Konflikt/conflict ukrainien.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. По первичному анализу сообщений социальных медиа Германии можно предположить, что в восприятии России наблюдается позитивная динамика, так как некоторые пользователи немецкоязычного сегмента социальных сетей демонстрируют нейтральное или позитивное отношение к России, Русскому миру, россиянам и русским в целом.

Пилотный анализ социальных медиа Франции позволил сделать предположение о формирующейся тенденции к изменению образа России от негативного к позитивному. Однако подтверждение данных предположений относительно процесса формирования образа России в международном медиапространстве, информационной оценки действий российского государства требует более глубокого исследовательского анализа.

В перспективе исследование позволит более четко определить тенденции к изменению образа России и таким образом, понять, как скорректировать образ России в информационной и политической повестке. Предполагается продолжить исследование в немецко- и франкоязычных сегментах социальных сетей, таких как Facebook и Youtube, поскольку они являются одними из самых популярных социальных сетей в сети Интернет.

БЛАГОДАРНОСТИ. Считаем важным выразить благодарность нашему научному руководителю Ольге Валерьевне Ярмак, а также коллективу кафедры «Социальные коммуникации» за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

Список литературы:

1. Горская М.Д. Образ России в зарубежных СМИ / М.Д. Горская – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/8192/2/20Gorskaya2.pdf> (дата обращения: 01.03.2019).
2. Гринберг, Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели / Т. Э. Гринберг // Медиаскоп. – 2008. – №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 01.03.2019).
3. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010. – 228 с.
4. Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2016. – №22(4). – С. 43–64.
5. Манаев О.Т. Контент-анализ-описание метода / О.Т. Манаев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://psyfactor.org/lib/kontent.htm> (дата обращения: 01.03.2019).
6. Мельникова М.С. Понятие «Социальная сеть» в социологических теориях и интернет-практиках / М.С. Мельникова, И.П. Яковлев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2014. – №1 – С. 254-257.
7. Назаров, М.М. Массовая коммуникация и общество / М.М. Назаров. – М.: Аванти плюс, 2004. – 427 с.
8. Павлов, Н.В. Германские СМИ: история и современность / Н.В. Павлов. – URL: <http://mgimo.ru>. (дата обращения: 01.03.2019).
9. Уразова С.Л. Социальные сети как форма общественного диалога и массовых коммуникаций / С.Л. Уразова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – № 2 (150). – С. 26-33.
10. Berelson, B. Content Analysis in Communication Research / B. Berelson. – Glencoe, IL: Free Press. 1952. – 220 p.
11. Media Perspektiven Basisdaten. Daten zur Mediensituation in Deutschland 2015. – Frankfurt am Main, 2015. – 88 p.

РАЗДЕЛ 2
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ТЕКСТА, ДИСКУРСА И ПЕРЕВОДА

УДК 811.222.1'06+ 81'255+ 81'27

«ПРАВЛЕНИЕ ИДОЛА»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА
ПЕРСИДСКОГО ТЕРМИНА «ṬĀĠŪT» НА ЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Вишнякова Ирина Андреевна
магистр 1 курса

“THE REIGN OF THE IDOL”: THE PROBLEM OF TRANSLATING
THE PERSIAN TERM “ṬĀĠŪT” INTO EUROPEAN LANGUAGES

Irina Vishnyakova
1st year master student

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена разработке новых вариантов перевода коранической лексемы «طاغوت» (*ṭāġūt*), повсеместно употребляющейся в современных иранских научных (в первую очередь, историко-философских) и публицистических текстах. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что к настоящему моменту проблема перевода персидской общественно-политической лексики коранического происхождения довольно слабо отражена как в работах европейских ориенталистов, так и в трудах иранских лингвистов и лексикографов. В рамках данной работы был произведен анализ этимологии и функционирования слова *ṭāġūt* в тексте Корана, а также проведено сравнение значений этой лексемы в классическом и современном персидском языке. Материалами для статьи, помимо аутентичных текстов общественно-политической тематики на персидском языке, послужили исторические и религиозоведческие исследования, дающие возможность сделать вывод о характере трансформаций, произошедших со значением слова *ṭāġūt* во второй половине XX в., а также толковые персидские и персидско-английские, персидско-немецкие и персидско-русские словари. Практическая значимость данного исследования заключается в том, что предлагаемые способы перевода могут быть использованы как при составлении современных словарей персидского языка, так и при работе над переводом публицистических и научных текстов.

Ключевые слова: перевод; переводоведение; лингвострановедение; политическая лингвистика; лексикология; персидский язык; Иран.

ABSTRACT. The article is devoted to the development of new versions of translating of the Qur'anic lexeme «طاغوت» (*ṭāġūt*) widely represented in the modern Iranian academic and media texts on historical, philosophical and socio-political problems. Actuality and novelty of the research are based on the fact that the problem of translation of the Persian social-political terms of Quranic origin is poorly represented in the works of Western and Iranian linguists. Within the framework of this study, an analysis of the etymology and usage of this word in the text of the Qur'an as well as a comparison of the meanings of *ṭāġūt* in the classical and modern Persian language were carried out. In addition to authentic Iranian texts on socio-political topics, historical and religious studies as well as explanatory dictionaries of the Persian language and Persian-English, Persian-German and Persian-Russian dictionaries served as materials for the article. Through analysis of the traditional ways of translations of these lexemes by Russian and Western orientalists, new variants of the translation of *ṭāġūt* were proposed. The proposed translation options may be used both in compiling modern dictionaries of the Persian language as well as for translating media and academic texts.

Keywords: translation studies; cultural linguistics; political linguistics; lexicology; Iran; the Persian language.

ВВЕДЕНИЕ. Одной из характерных проблем, с которыми сталкивается переводчик-востоковед при работе над научно-публицистическими текстами на персидском языке, является тот факт, что значительное количество общественно-политических терминов современного персидского языка представляют собой слова и выражения, заимствованные из Корана. При переводе таких лексем перед специалистом стоит двойная задача – отразить определенный историко-культурный контекст, иначе говоря, ассоциации, которые вызывает данное слово у носителей мусульманской и собственно иранской культуры, и сохранить при этом семантико-стилистическую и функционально-прагматическую адекватность текста. В подавляющем большинстве случаев переводчики отдают приоритет первой задаче, выбирая традиционный, «коранический» вариант перевода того или иного слова или выражения, не принимая во внимание совершенно иное речевое окружение лексемы и совершенно иную интенциональность текста. Ошибка эта носит не столько индивидуальный, сколько системный характер: к настоящему моменту проблема перевода общественно-политической лексики коранического происхождения довольно слабо отражена как в работах европейских ориенталистов, так и в трудах иранских лингвистов и лексикографов. Недостаточная изученность данного аспекта обуславливает собой актуальность и новизну настоящего исследования.

Целью данной работы является разработка новых вариантов перевода (а точнее, поиск функциональных аналогов) коранической лексемы «طاغوت» (*tāgūt*), широко представленной в современных иранских текстах историко-философской и общественно-политической тематики. Практическая значимость исследования заключается в том, что предлагаемые способы перевода могут быть использованы как при составлении современных словарей персидского языка, так и при работе над переводом публицистических и научных текстов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Помимо анализа функционирования лексемы *tāgūt* в общественно-политическом дискурсе современного персидского языка, мы обратились к этимологии данного слова и анализу особенностей его употребления в арабском языке, в частности в тексте Корана. Кроме того, нами было проведено сравнительное сопоставление различных способов перевода данной лексемы на русский, английский и немецкий языки.

Материалами для исследования, помимо аутентичных иранских текстов общественно-политической тематики, в том числе работ лидера Исламской революции 1978-1979 гг. аятоллы Рухоллы Хомейни (1900-1989), послужили толковые персидские и персидско-английские, персидско-немецкие и персидско-русские словари: в том числе:

а) толковые словари выдающихся иранских лингвистов и лексикографов А.А. Деххода (1879-1956), Х. Амида (1910-1979), М. Муина (1918-1971) и Х. Анвари (род. 1934);

б) персидско-арабско-английские и персидско-английские словари Дж. Ричардсона (1740/1-1795), Ф. Джонсона (ок. 1795/6-1876), Ф. Дж. Стейнгасса (1825-1903) и С. Хайима (1918-1970);

в) персидско-немецкий словарь Г. Юнкера (1889-1970) и Б. Алави (1889-1970), а также современный билингвальный персидско-немецкий словарь издательства Langenscheidt;

г) персидско-русский словарь М. А. Гаффарова (1866 – дата смерти неизвестна) и персидско-русский словарь под редакцией Ю. А. Рубинчика (1923-2012).

Отсутствие специальных исследований, посвященных этимологии и семантике данной лексемы, обусловило собой обращение к текстам исторических и исламоведческих исследований, дающих возможность сделать вывод о характере трансформаций, произошедших со значением слова *tāgūt* во второй половине XX в.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Этимология и функционирование лексемы *tāgūt* в Коране

Среди специалистов в области семитского языкознания нет единого мнения относительно происхождения лексемы *tāgūt* в арабском языке. Так, известный немецкий востоковед Т. Нёльдеке (1836-1930) в своей работе «*Neue Beiträge zur Semitischen Sprachwissenschaft*» писал о возможном заимствовании этого слова из эфиопского языка, где имеется сходное по звучанию понятие с собирательным значением «идолы» [20, с. 48]. Напротив, ряд исследователей склонен считать *tāgūt* заимствованием из арамейского языка, происходящим от корня «*t-‘-w*» (в арабском языке трансформировавшимся в «*t-ġ-w*» / «*t-ġ-y*») с общим значением «быть чрезмерным во всем, быть деспотичным» (англ. “*tobeexcessive, tobedespotic*”) [8]. От этого же корня происходит целая группа слов с общим значением «выходить за пределы нормы; быть очень высоким; переполнять; быть тираническим, мятежным, угнетающим, гордым и т.д.» (англ. “*to go beyond the measure, be very lofty, overflow, be tyrannical, rebellious, oppressive, proud, etc.*”) [Ibid.].

В тексте Корана лексема *tāgūt* (мн. *tawāgīt*) встречается восемь раз: дважды в суре 2 «Корова» («البقرة»), трижды в суре 4 «Женщины» («النساء»), а также по одному разу в сурах 5 «Трапеза» («المائدة»), 16 «Пчелы» («النحل») и 39 «Толпы» («الزمر») [13, с.1232-3]. Интересно, что в половине из этих случаев (4: 54(51), 4: 60(63), 4: 78(76) и 5: 65(60)) *tāgūt* выступает как имя собственное одно из двух идолов, которым поклонялись жители Мекки [2, с. 87, 88, 90, 109]. В оставшихся же четырех случаях (2: 257(256), 2: 259, 16: 38(36), 39: 19(17)) это слово представляет собой родовое понятие и означает «идолы, демоны или все то, чему поклоняются, за исключением Бога» (англ. “*Idols, daemons and what ever is worshipped besides God*”) [21, с. 90]. В русском переводе Корана за авторством выдающегося отечественного арабиста И. Ю. Крачковского (1883-1951) этому значению *tāgūt* соответствуют также абстрактные существительные «идолопоклонство» и «язычество»:

«...Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения...» 2: 257 (256) [2, с. 56];

«Мы отправили к каждому народу посланника: «Поклоняйтесь Аллаху и сторонитесь язычества»...» 16: 38 (36) [Там же, с. 224].

С течением времени слово *tāgūt* стало также употребляться в значении «сатана; колдун и мятежник; любая сила, противопоставляющая себя исламу» (англ. “*Satan, sorcerer and rebel, and to any power opposed to that of Islam*”) [8]. В современном арабском языке данная лексема означает «идол, фальшивое божество; совратитель, искуситель (на грех)» (англ. “*anidol, afalsegod; seducer, tempter (toerror)*”) [24, с. 561]. В схожем значении *tāgūt* и было заимствовано в персидский язык, что можно проследить на материале толковых иранских и синхронных им европейских словарей персидского языка.

2. «Классическое» значение лексемы *tāgūt* в персидском языке и варианты ее перевода на русский и западноевропейские языки

В персидско-арабско-английском словаре Дж. Ричардсона, изданном под редакцией Ф. Джонсона в 1829 г., слову *tāgūt* соответствует дефиниция «идол, демон, любой объект поклонения (кроме Всевышнего), в особенности древние идолы Мекки; предсказатель, прорицатель, гадатель; ересиарх» (англ. “*An idol, a demon, or any object worshipped (excepting Omnipotence), particularly an ancient idol at Mecca. A diviner, soothsayer, augur. Anheresiarch*”) [22, с. 961]. В опубликованном спустя несколько десятилетий фундаментальном труде Ф. Джонсона «*A Dictionary, Persian, Arabic, and English*» помимо вышеперечисленных значений приводится также вариант «обман, колдовство» (англ. “*Juggling, magic*») [11, с. 809]. Данная словарная статья практически без изменений дублируется в персидско-английском словаре Ф. Дж. Стейнгасса, вышедшем в свет в 1892 г. [23, с.806].

Автор «Персидско-русского словаря» 1914 г. М. А. Гаффаров при толковании *tāgūt* обращается к кораническому значению данной лексемы: «*Тагут, имя идола; демон, ввергающий в заблуждения*» [1, с. 493]. Сходный вариант трактовки этого слова встречается и в персидско-немецком словаре Г. Юнкера и Б. Алави, изданном в 1965 г.: «имя одного из

древних мекканских идолов; сатана; дьявол» (нем. „Name einer alten Gottheit in Mekka; der Satan; der Teufel“) [12, с. 493]. В персидско-русском словаре 1970 г. под редакцией Ю.А. Рубинчика дается более расширенная дефиниция этого слова и подчеркивается его принадлежность к устаревшей лексике персидского языка: «1) идол, кумир; 2) прорицатель, предсказатель; волшебник, колдун; 3) сатана, дьявол» [3, с. 149].

В работах иранских лексикографов круг значений данной лексемы определяется схожим образом. Так, М. Муин предлагает следующую дефиницию слову *tāgūt*: «Идол, кумир; волшебник, колдун; бесполезный, напрасный, фальшивый; тот, кто сбивает с пути последователей ислама, христианства и иудаизма, мятежный» (перс. “بت، صنم، جادوگر و ساحر. “ [19, с. 1014]. Еще большее количество синонимов, отражающих все оттенки данных значений *tāgūt*, содержится в фундаментальном труде А. А. Деххода [7, с. 13437].

не менее, уже в толковом словаре Х. Амида в качестве первого значения этой лексемы указывается не «идол» или «кумир», не «дьявол, сбивающий человека с пути истинного», но «притеснитель, угнетатель» (перс. “متعدی”). [5, с. 1390]. Данное обстоятельство косвенным образом свидетельствует о масштабных трансформациях, которые претерпевала семантика слова *tāgūt* во второй половине XX столетия, когда этот коранический термин стал все чаще и чаще употребляться в общественно-политическом дискурсе персидского языка.

3. Изменение семантики слова *tāgūt* в современном персидском языке

Ключевую роль в трансформации лексического значения *tāgūt* в современном персидском языке сыграли иранские исламские мыслители второй половины XX в., в первую очередь аятолла Рухолла Хомейни. В его работах, а также в трудах его идейных последователей данная лексема стала выступать в качестве обозначения для всех светских политических режимов, противоречащих и противопоставляющих себя божественному закону, а также тиранов, чья власть не знает пределов [15, с. 60-1; 16, с. 366].

Безусловно, Хомейни не был первым, кто стал употреблять *tāgūt* в данном значении. Впервые толковать это слово как «тиран», «деспот», «узурпатор» стали средневековые комментаторы Корана, которые в строках айата 63 (60) суры «Женщины» («и они желают обращаться за судом к тагуту, в то время как им приказано не верить в него...») [2, с. 88]) видели указание на светских правителей, присвоивших себе принадлежащую исключительно Богу власть над людьми [17, с. 176; 18, с. 42; 4, с. 103]. Эта идея нашла свое отражение и в трудах главных исламских идеологов арабского мира XX в. – Абу ал-Ала Маудуди (1903-1979) и Сейида Ибрахима Кутба (1906-1966) [17, с. 176; 9, с. 15, 28].

Тем не менее, большинство исследователей сходятся на том, что именно благодаря Хомейни термин *tāgūt* получил широкое распространение по всему исламскому миру, обозначая «любого человека, группу или правительство, которые изображаются противниками ислама и сторонниками западного материализма и нерелигиозных ценностей;... тех, кого считают агентами культурного империализма Запада и кто пытается насадить западные ценности в исламском мире» (англ. “any person, group, or government who is portrayed as being anti-Islamic and a supporter of the materialism and irreligious values of the West;...those who are seen as agents of the Western cultural imperialism and are trying to import these values into the Islamic world”) [17, с. 167].

Кроме того, в рамках иранского политического дискурса это слово стало активно употребляться по отношению к свергнутому шаху Мухаммаду Реза Пехлеви (1919-1980, во главе государства в 1941-1979 гг.), а также членам его семьи и дореволюционному политическому порядку в целом [4, с. 105]. Данный факт нашел свое отражение в «Кратком словаре персидской речи» Х. Анвари, впервые изданном в 1383 [2004/5] г. Помимо указания двух основных значений *tāgūt* («каждый, кто противится заветам Бога; каждый неверный и деспотичный монарх или правитель», перс. “آن که از فرمان خدا سرپیچی کند؛ هر پادشاه یا فرمانروای کافر “ (”ноستمگر “), в данной работе приводится также дефиниция образованного от этого слова относительного прилагательного “طاغوتی” (*tāgūtī*), функционирующего по большей части в

разговорной речи: «сторонник или приближенный правившей династии (шаха Пехлеви); монархист» (перс. “*نوسندار یا وبسته خاندان سلطنتی (شاه پهلوی) ؛ سلطنت طلب*”) [6, с. 1505].

Стоит, однако отметить, что произошедшие с лексическим значением слова *tāgūt* изменения не нашли отражения в современных европейских словарях персидского языка. Так, в персидско-немецком словаре «Langenscheidt» указана лишь одна дефиниция данной лексемы – «идол, кумир» (нем. “*der Abgott*”) [14, с.127], а в новейшем персидско-английском словаре С. Хаима и вовсе отсутствует определение данного слова [10].

ОБСУЖДЕНИЕ. Принимая во внимание изменение значения слова *tāgūt* в современном персидском языке, необходимым представляется предложить новые варианты перевода данной лексемы на русский язык:

а) «С большой гордостью и большим сожалением мы принесли в жертву тех, кто нам дорог, на пути к нашей цели – свержению **тиранического режима** и водружению славного знамени ислама» (перс. “*ما سوگمندانه و مفتخرانه عزیزی را در راه هدف که واژگونی رژیم طاغوتی*” (перс. “*نوی برپاداشتن پرچم پر افتخار اسلام است، فدا کردیم*”) [25, с. 421].

б) «При **деспотических режимах** у полиции, как и у других сил правопорядка – жандармерии и армии, в глазах народа, тех народов, которые находились под властью **тирана**, был некий образ, и образ этот был таков, что люди бежали от полиции, а полиция нападала на людей!» (перс. “*پلیس در رژیمهای طاغوتی مثل سایر قوای انتظامیه از قبیل ژاندارمری و ارتش، در نظر ملت، ملت‌هایی که در تحت سلطه طاغوت بودند، پلیس یک معنایی پیش ملت داشت که آن معنا این بود که مردم از پلیس (فرار کنند؛ و پلیس هم هجوم ببرد*”) [26, с. 138].

в) «**Политическая линия его светлости имама [Хомейни] в отношении шахской власти** и его мысль о необходимости борьбы с ней стали краеугольным камнем в основании Исламской революции» (перс. “*اندیشه و رفتار سیاسی حضرت امام در باره حاکمیت طاغوت و وجوب مبارزه با*” (перс. “*آن، مبنای شکلگیری انقلاب اسلامی ایران قرار گرفت*”) [15, с. 59].

г) «**Борьба с тираническим правлением** неизменно занимала главенствующее положение в общественно-политической деятельности его светлости имама Хомейни» (перс. “*(مبارزه علیه حاکمیت طاغوت همواره سرلوحه فعالیت‌های سیاسی – اجتماعی حضرت امام خمینی قرار داشته است*”) [Ibid., с. 60].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Рассмотрев этимологию и функционирование лексемы *tāgūt* в современном персидском языке, можно с уверенностью говорить о том, что традиционный перевод этого слова, приводимый в большинстве иранских толковых словарей и работах западных лексикографов («идол, кумир; любой объект преклонения, кроме Бога; мятежник, переступающий через границы»), неактуален для большинства текстов, созданных во второй половине XX – начале XXI вв. Напротив, для современных текстов общественно-политической тематики наиболее предпочтительными способами перевода этого коранического термина выступают варианты «тиран», «тираническое, деспотическое правление», «шах [Пехлеви], шахский режим». Таким образом, представляется очевидной необходимость проводить дальнейшие исследования в области перевода персидской общественно-политической лексики, конечной целью которых явилась бы разработка новых вариантов перевода тех или иных терминов на европейские языки и отражение их в соответствующих словарях.

БЛАГОДАРНОСТИ. Автор статьи выражает благодарность научно-педагогическому составу кафедры иранской филологии Восточного факультета СПбГУ, а также профессору кафедры истории стран Ближнего Востока И. В. Герасимову.

Список литературы:

1. Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. В 2-х т. Т. II / М.А. Гаффаров / Под ред. Ф.Е. Корша. – М: Наука, 1976. – 536 с.
2. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – 2-е изд. – М.: Наука, 1986. – 727 с.
3. Персидско-русский словарь / Ред. Ю.А. Рубинчик. – М.: Русский язык, 1970. – 1538с.
4. Arjomand S.A. The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran / S.A. Arjomand. – New York – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 283 p.

5. ‘AmīdĤ. Farhang-i ‘Amīd. In 2 vol. Vol. 2 / Ĥ.‘Amīd. – Tihṛān: Amīr-i Kabīr, 1379 [2000/1]. – 1004 p.
6. Anvarī Ĥ. Farnang-i fišurdah-yi suxan. In 2 vol. Vol. 2 / Ĥ.Anvarī – Tihṛān: Suxan, 1382 [2003/4]. – 1783 p.
7. Dihxudā‘A. A. Luġatnāmah-yi Dihxudā. In 14 vol. / ‘A.A.Dihxudā / Ed. M.Mu‘īn, J.Šahīdī. – Tihṛān: Mu’assisah-yi intišārāt va čāp-i dānišgāh-i Tihṛān, 1372 [1993]. – 21149 p.
8. Fahd, T., Stewart, F.H. Ṭāghūt // Encyclopaedia of Islam. The Second edition / Ed.: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. vanDonzel, W.P. Heinrichs [Электронный ресурс] – URL: http://proxy.library.spbu.ru:2092/10.1163/1573-3912_islam_COM_1147 (дата обращения: 10.11.2019).
9. Goldberg E. Smashing Idols and the State: The Protestant Ethic and Egyptian Sunni Radicalism // Comparative Studies in Society and History. – 1991. – Vol. 33. № 1. – P. 3-35.
10. Haim S. English-Persian & Persian-English Dictionary / S. Haim. – New Delhi: Languages of the World, 1992. – 1444 p.
11. Johnson F. Dictionary, Persian, Arabic, and English / F. Jonson. – London: W.M. Allen and Co., 1852. – 1419 p.
12. Junker H.F.J., Alavi B. Persisch-Deutsches Wörterbuch / H.F.J. Junker, B. Alavi. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1965. – 864 p.
13. Kassis H.E., Rahman F.A Concordance of the Qur’an / H.E. Kassis, F. Rahman. – Berkeley, LA: University of California Press, 1983. – 1444 p.
14. Langenscheidt Universal-Wörterbuch Persisch: Persisch-Deutsch, Deutsch-Persisch / K. Naghed, Dr. M. Naghed. – München–Wien: Langenscheidt, 2002. – 480 p.
15. Mīr‘alī M.‘A. Mubārizah bā ḥākimiyyat-i ṭāġūt dar andīšah va raftār-i siyāsī-yi Imām Xumaynī // Muṭālī‘āt-i inqilāb-i islāmī – 1396 [2017]. – Vol. 14. № 50. – P. 59-78.
16. Moadell M. Ideology as Episodic Discourse: The Case of the Iranian Revolution // American Sociological Review. – 1992. – Vol. 57. № 3. – P. 353-379.
17. Momen M. Ṭāghūt // The Oxford Encyclopedia of the Modern Islamic World. In 4 vol. Vol. 4 / Ed. J. Esposito. – New York-Oxford, 1995. – P. 176.
18. Moussavi A.K. The Establishment of the Position of Marja’iyyt-i Taqlid in the Twelver-Shi’i Community // Iranian Studies. – 1985. – Vol. 18. № 1. – P. 35-51.
19. Mu‘īn M. Farhang-i Mu‘īn / M. Mu‘īn. In 2 vol. Vol. 1 – Tihṛān: Ādinah, 1381. – 1102 p.
20. Nöldeke T. Neue Beiträge zur Semitischen Sprachwissenschaft / T. Nöldeke. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1910. – 604 p.
21. Penrice J. A Dictionary and Glossary of the Koran / J. Penrice. – Delhi: Adam, 1991. – 166 p.
22. Richardson J. Dictionary of Persian, Arabic and English / J. Richardson, C. Wilkins / Ed. F. Johnson. – London: J.L. Cox, 1829. – 1714 p.
23. Steingass F. A comprehensive Persian-English Dictionary / F.Steingass. – 5th impression. – London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1963. – 1539 p.
24. Wehr H. The Hans Wehr Dictionary of Modern Written Arabic / H. Wehr / Ed. J.M. Cowan. – Ithaca, NY: Spoken Language Services, 1976. – 1130 p.
25. Xumaynī R. Payām bah millat-i Īrān (Hadaḡ vāžġūn-i ṭāġūt va barpādāštan-i islām-ast) // Šaḥīfah-yi Imām: Majmū‘ah-yi āṭār-i imam Xumaynī. In 22 vol. Vol. 3 / R. Xumaynī. – Tihṛān: Mu’assisah-yi tanẓīm va našr-i āṭār-i imām Xumaynī, 1389 [2010/11]. – P. 421-423.
26. Xumaynī R. Suxanrānī dar jam‘-i fāriġ-at-taḥšīlān-i dānišgāh-i pulīs (Naqš-i pulīs dar riẓīm-i ṭāġūt) // Šaḥīfah-yi Imām: Majmū‘ah-yi āṭār-i imam Xumaynī. In 22 vol. Vol. 9 / R. Xumaynī. – Tihṛān: Mu’assisah-yi tanẓīm va našr-i āṭār-i imām Xumaynī, 1389 [2010/11]. – P. 138-142.

УДК 81-115

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛЕЙ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Гришук Артём Валерьевич

ассистент

EVOLUTION OF THE ROLES OF THE INTERPRETER IN THE MODERN WORLD

Artyom Grishchuk

teaching assistant

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается эволюция развития профессии устного переводчика с учетом специфики его деятельности в разные исторические эпохи. Актуальность данной работы заключается в малоизученности исследуемого вопроса, что дает нам возможность рассмотреть его комплексно, принимая во внимание особенности реализации устного перевода. Предлагается многокритериальная классификация видов перевода с учетом различных контекстов и обстоятельств переводческой деятельности, определяющих различные функции и социальные роли, выполняемые переводчиком (способ перевода; форма перевода; сфера применения; знаковая система (аудитивный, / визуальный / визуально-жестовый / аудиовизуальный перевод); направление; использование технических средств). Также в статье детально описывается языковая личность переводчика, его знания, умения, навыки и компетенции при осуществлении устного перевода в рамках межкультурной коммуникации, участником которой он является и в которой занимает активную позицию, выполняя роль посредника между представителями разных языков и культур, и даётся краткое описание аспектов деятельности современного переводчика (межъязыковой, межкультурной и межличностной). Приводится краткая характеристика ролевого репертуара переводчика: потребитель / интерпретатор; производитель; практический психолог; организатор; исследователь; адаптатор; корректор. Рассмотрены варианты поведения, которые может представлять деятельность социального переводчика (активное участие, оказание услуги, проведение культурологических переговоров, поддержка, примирение), даётся их определение и объяснение функций на примере судебного перевода.

Ключевые слова: устный перевод; классификация; посредник; ролевой репертуар; социальный переводчик, функции переводчика.

ABSTRACT. The relevance of this work lies in the fact that the earlier investigated issue of the role of a translator was not studied in sufficient detail; therefore, we approached this issue comprehensively and consider the problem taking into account all the features of its implementation. The article discusses the evolution of the development of the profession of an interpreter. A multi-criteria classification of types of translation is proposed taking into account different contexts and circumstances of translation activities that determine the various functions and social roles performed by the translator (method of translation; form of translation; area of application; sign system (auditory, / visual / visual-gestural / audiovisual translation); location of participants; direction; volume; use of technical means). The article describes in detail the linguistic identity of the translator, his knowledge, skills, and competencies when interpreting within the framework of intercultural communication, in which he is a participant and takes an active position, acting as an intermediary between representatives of different languages and cultures. Brief description of the aspects of the modern translator's activities (translingual, intercultural and interpersonal) is given. Besides, translator's repertoire characteristic is provided: consumer / interpreter; producer; practical psychologist; organizer; researcher; adapter; corrector. Variants of behavior that can be represented by the activities of a social translator (active participation, the provision of services, cultural negotiations, support, reconciliation) are presented, their definition and explanation of functions is given by the example of judicial translation.

Keywords: interpretation; classification; intermediary; role repertoire; social translator, functions of interpreter.

INTRODUCTION. Translation, being one of the oldest types of human activity, arose as a result of the human communication, divided under geographical, historical and cultural factors into different language groups, into trade, economic, political, military and cultural relations. In the modern world, interpretation is increasingly demanded in connection with the active expansion of the area of application of knowledge of a foreign language. Any communication situations of our ancestors – military, commercial, everyday – using different languages should have led to the appearance of a translator, so interpretation is rightfully considered one of the most ancient professions.

In the modern world, interpretation is increasingly demanded in connection with the active expansion of the area of application of knowledge of a foreign language. There is a mutual exchange of knowledge in the scientific, technical and working environment, which entails an increase in the requirements for a modern translator. Understanding the features of translation both from the native language into a foreign, and vice versa, is important for the fulfillment of the task assigned to the translator.

A significant contribution to the development of this problem was made by A.Yu. Alipichev [2]; J. Herbert [4]; V.N. Komissarov [7]; H. Mikkelsen [9]; R.K. Minyar-Beloruchev [12].

The scientific novelty of the work performed is that it summarizes and systematizes information of the development of the profession, taking into account the various contexts and circumstances of translation activities.

Therefore, the purpose of this article is to study the evolution of the development of the profession of an interpreter and find out what caused the changes in the role of a translator in the modern world.

MATERIALS AND METHODS. The research contains materials on the development of the profession of a translator. The author studies, theoretical and practical analysis of historical and methodical literature on the research topic, makes analysis of predecessor researchers, uses general scientific principles that allow us to obtain a general conclusion about the results of the development of the profession translator [10; 17; 22]. Also, it proposes a multi-criteria classification of types of translation and compares the translation functions in the department applicability from different types and situations of interpretation) [19, p. 28].

Studying the evolution of the profession of a translator, as well as the causes of global changes in the field of translation, taking into account the interdisciplinary position of this study, it seems necessary to apply an interdisciplinary approach using the principles and methods of various subjects: history, philosophy, sociology, pedagogy, translation [14]. Therefore, the methodological basis of this article includes scientific, pedagogical and methodological works, manuals on translation studies, as well as textbooks on the theory and practice of translation [2; 10; 19].

RESULTS. For the purpose of a more detailed consideration of the stages of development of interpretation, as well as identifying the reasons for the use of translators in the past, we turn to the historical background.

In Ancient Egypt, Ancient Greece and Rome, as soon as nations clashed in a war or met to make peace, there was always a translator behind the general or diplomat [28]. In Ancient Carthage, the caste of translators was highly honoured and respected, and their emblem was a bright parrot, the multi-colored plumage of which indicated which languages the translator worked with [27, p. 16].

In the Middle Ages, the development of the translator's profession was associated with the Crusades. The first thing that Europeans were looking for, exploring new lands, was not gold, but information, for which they hired or captured local residents [25, p. 124]. History also contains numerous evidence of the paramount role of translators during the Spanish, Portuguese, French, British colonial conquests [1, p. 149].

In the 14th century, the historian Peter Dubois spoke of the need to establish a school of oriental languages, where translators could learn to communicate with “infidels”. In the 16th century, Christopher Columbus sent young Indians to study languages in Spain so that upon return they could spread the ideas of Christianity in the New World [23, p. 73].

In Russia, the first mentioning of the profession of a translator dates back to the 16th century, when payment for the services of an “interpreter” appears in the bulletins.

History preserved the names of the clerks Dmitry Gerasimov and Ivan Viskovaty, who, speaking several languages, brilliantly showed themselves in the diplomatic field under the reign of Tsar Ivan the Terrible. Their active work and unique abilities allowed Russia to establish strong alliances with many states [28].

For centuries, the profession of translator was associated with military affairs. Only in the twentieth century, after the Second World War, when the need arose to redraw borders, restore the economies of states, and consequently, negotiate, enter into alliances and establish cooperation, it became necessary to overcome language barriers. To do this, the translators whose professional activities from the military gradually turned into a peaceful diplomatic one were needed. The emergence of numerous international organizations (UN, UNESCO, NATO, the Security Council, the Council of Europe, etc.) contributed to the unexpected demand for competent multilingual mediation, which led to the origin of a new profession as a conference translator.

Many pioneers (P. Mantoux, J. Erber, A. Willeman, G. Bergeri, D. Hogg, the Kaminker brothers, R. Confino, R. Teslenko, J. Chorgevsky, H. Jacob, R. Crew, K. Andronikov, B. Melikhov, J. Margulies, and others) combined translation activities with another profession and subsequently continued their careers as diplomats or senior officials. Thanks to their efforts, specialized translation schools were opened throughout Europe in the late 1950s (the first of them was the Swiss School of Interpreters), and the profession of translator received a special status.

The transition to true consecutive translation first occurred within the framework of the Paris Peace Conference of 1919-1920, when French lost the monopoly of a single diplomatic language [24]. However, the League of Nations (1919-1942) turned out to be the place of greatest flourishing of consecutive interpretation, at the meetings of which two working languages were provided: French and English, and the speeches of the speakers were not interrupted by the translation, but alternated with it [10, p. 47].

“Telephone translation” – the prototype of simultaneous translation – was used in the International Labor Office in the 1930s, and in 1934 A. Kaminker invented a system that allowed translating synchronously during direct broadcasting [29, p. 68].

As a professional type of translation, simultaneous translation first made itself known at the Nuremberg trials.

In the early 50s, the ranks of translators were constantly growing, and therefore there was a need to unite efforts within the framework of a professional organization. In November 1953, in Paris, the heads of translation services of major international institutions, K. Andronikov (European Organization for Economic Cooperation), A. Kaminker (Council of Europe) and H. Jacob (UNESCO) agreed to establish the International Conference Interpreters Association, which Today, thousands of translators from all over the world unite [24].

As for the profession of a translator of the social sphere (“communal” translator), it took shape in an independent industry in the 70s. Prior to this, services were provided on a voluntary basis and, as a rule, by lay people, which is currently reflected in the lack of recognition on the labor market, the undeveloped requirements for professional behavior and training, or the absence of the profession itself in some countries, including Russia [9, p. 128].

In subsequent years, there was a significant diversification of types of interpretation. However, as analysis of the sources shows, its taxonomy is still unclear. By fair remark of R.K. Minyar-Beloruchev, the mismatch of the characteristics of the types of translation described in various theories is due to the diversity of the translation process itself [11, p. 79].

So, we can assume that the profession of an interpreter was important since ancient times, and therefore the history gave impetus to its further development and application in everyday life.

As the results of practical activities show, the translation itself is significantly different depending on the situations and the heterogeneity of the taxonomic categories of interpretation, as traced in both domestic and foreign literature, is associated with a mixture of the defining concepts of “type”, “subspecies”, “method”, “form”, “mode”, “modality”, etc., as well as with the intricacies of hyper-hyponymic connections. In Russian classifications, taxonomy is dominant in the way the translation is done (sequentially, in a whisper, without writing, relying on the text, etc.), while in foreign taxonomic systems, priority is given to translation functions and circumstances (at conferences, during foreign trips, in court, etc.).

Developing a multicriteria system of interpretation taxonomy, as a basis for determining species, Mikkelsen H. proposed the following criteria:

- translation method (sequential / synchronous);
- the form of translation (sequential with writing / paragraph-phrasal, actually synchronous/ from the sheet / whispering / sign language);
- scope (conference translation / translation of negotiations (linear, media, telephone) / translation in the social sphere (judicial, medical, administrative));
- sign system (auditory / visual / visual-gestural / audiovisual translation);
- location of participants (contact / remote translation);
- direction (one-way / two-way, direct / indirect);
- volume (full / reduced);
- use of technical means (with equipment) [9, p. 127].

Therefore, we can conclude that in order to determine the type it is very important to take into account the contexts and circumstances of the translation activity. A significant role in this regard is played by the functions and roles performed by the translator.

Each of the varieties of interpretation, obtained as a result of combinations of these criteria, highlights the various social roles of the translator. In this regard, translation mediation is no longer the only function performed by an interpreter, which imposes additional responsibilities on him and expands the field of professional self-realization.

Let's look at the roles that the translator plays in the modern world in order to analyze his functions depending the circumstances to reveal the peculiarities of the evolutionary process of development of its profession.

J. Erber was one of the first who defined the mission of the translator as helping individuals or groups of people speaking different languages, learn more about each other, better understand each other, establish mutual respect and, if they so wish, come to an agreement [4, p. 53]. This type of activity is characterized as intermediary [5, p. 45].

Among the various types of mediation, translation is recognized as special and the most perfect of them [8, p. 11]. The “intermediary” or “mediation” activity of a modern translator includes three aspects: interlingual, intercultural, and interpersonal.

Interlingual mediation is understood as overcoming language barriers, re-creating the unity of the source and translated messages in another language, creating a text intended to replace the original as communicatively equivalent to the latter [7, p. 153].

Intercultural meditation consists in overcoming the cultural distance, preventing intercultural conflicts, achieving mutual understanding between the subjects of intercultural communication [5, p. 57], and transmitting cultural-specific information [17, p. 103]. In the translation process, not only different languages interact, but also different cultures, at the intersection of which communicative barriers are also created. Currently, the number of definitions of the term “culture” is measured in four-digit numbers. According to one of them, culture is a combination of knowledge, experience, beliefs, values, attitudes, values, hierarchical relationships, religion, concepts of time, space, roles, material objects and property [15, p. 13].

Cultures distinguish from one another people's attitudes to three fundamental problems: time, nature and other people [26, p. 16]. The process of communication between communicants who are carriers of different cultures is defined as intercultural communication.

Interpersonal mediation – the translator, participating in social interaction, activates the communicative and cognitive activity of participants in intercultural communication, acts as the “second I” of each speaker [17, p. 112].

Thus, he is involved in interpersonal communication, providing a group of mediation services, defined as interpersonal mediation. We emphasize that, depending on the type of translation, interpersonal mediation can occur in direct contact with the communicants (consecutive translation, linear translation) or remotely (simultaneous translation in the booth, telephone translation), with participants in equal partnership (translation of negotiations) or performing asymmetric roles (translation in the social sphere).

So, we can say that every interpreter should find all possible ways to get through difficult situations and make the text which he translates as clear as possible. Also he helps people of different cultures understand each other. Besides, interpreter takes the whole responsibility of his work and information which he gives during translations.

DISCUSSION. It should be noted that the interpreter is not limited to intermediary functions. In modern literature, an extremely wide role repertoire and the multifunctionality of the translation profession are indicated. In particular, I.Yu. Yeronova is talking about the transforming activities of the translator, which consists in transforming the communicative situation from the level of uncertainty to the level of semantic unity [5, p. 63]. F. Poshaker writes that in addition to providing services, a translator also makes a product, performing text-generating activities [16, p. 147]. O.A. Sorokina speaks of efficient language consultants of a wide profile who know well all spheres of life, politics, economics, and specialists who are able to take a humanistic position with respect to clients [22, p. 69].

S.V. Serebryakova [19, p. 28] defines the role of a translator as a specialist in the field of intercultural communication, providing diverse information activities of the society, which A.Yu. Alipichev calls cognitive-informational activity [2, p. 96].

T.S. Serova specifies that we are talking about information-analytical (search and collection of information, regulation of information flow, etc.) and information and communication activities (informing clients, preparing demonstration materials, conducting ongoing working contacts with partners, etc.) [20, p. 81]. As additional functions, the author identifies organizational and managerial activities (planning and coordinating international activities, creating and maintaining favorable socio-psychological environment and positive emotionally stable atmosphere, etc.); research activities (participation in scientific conferences and seminars on the theory and practice of translation, study of specialized literature, writing scientific articles, exchange of experience with colleagues); pedagogical activity (transfer of experience to the younger generation).

In our opinion, the role repertoire of the translator is quite fully defined in the work of E.R. Porshneva, who distinguishes the following roles:

- “consumer / interpreter” – the translator interprets the speech behavior of intercultural communication participants, explains the communication situation;
- “producer” – the translator designs and produces text in the target language;
- “practical psychologist” – the translator adjusts his speech behavior, taking into account interpersonal relationships, psychological state and psychological reactions of participants in intercultural communication;
- “organizer” – the translator organizes the conditions for his work, adapts to the conditions and type of translation;
- “researcher” – the interpreter collects information on the subject of translation and conducts preliminary terminological research (interviewing specialists, selecting and studying the necessary literature, comparing terminological systems);
- “adapter” – the translator adapts the text of the message for understanding by representatives of another culture;
- “proofreader” – the translator makes proofreading of his text, tracking the reaction of listeners [14, p. 117].

Different types and situations of interpreting highlight various, sometimes conflicting, translation functions.

The translator working in the social sphere is not always impartial. Actively participating in communication, “he does not just translate statements, but manages the situation of verbal interaction: asks questions, clarifies, agrees, comforts, persuades, blames, lies, denies” [6, p. 220].

According to R. Roberts, the activities of a social translator can represent five behaviors:

1) active participation: the translator acts as the third participant in the communication and can influence on its outcome and conditions;

2) the provision of services: the translator performs the role of “assistant”;

3) conducting cultural negotiations: the translator explains and mitigates cultural differences;

4) support: the translator protects the weak and avoids inequality;

5) reconciliation: the translator does everything so that the parties come to an agreement [18, p.130].

So, for example, a court interpreter assists participants who don't speak or have insufficient knowledge of the language of the court, in explaining their procedural rights, helps to make statements, petitions, give explanations and testimonies in the case, get acquainted with the materials of the criminal case, bring complaints, speak in court [21, p. 103].

Line translator, in the figurative expression of R.K. Minyar-Beloruchev, “is a nanny translator who is obliged to take care of his or her wards who are in an unfamiliar language environment” [12, p. 38].

Concluding the above, it should be noted that not one sphere of activity in the modern world can get along without a translator. This is politics, and culture, and economics, and much, much more.

A professional translator provides intercultural communication in various professional fields, performing the function of a so-called intermediary. Such specialists are simply indispensable in organizing negotiations, conferences and seminars using several working languages.

Without translators, it would be impossible to exchange accumulated experience and knowledge and establish the supply of goods and services around the world. A linguist-translator is able to provide communication when implementing international programs and projects at various enterprises, in travel agencies, in the hotel business.

The profession of translator has been highly regarded throughout the world since ancient times. For example, the people of this profession who stand next to prominent political figures during international summits. Thanks to translators, people have the opportunity to get acquainted with the masterpieces of world culture. We would have to read foreign literature and watch TV shows of other countries exclusively in the original, which is not always possible, and, therefore, a lot would pass us by.

CONCLUSION. The described distinction between the types of interpretation and the corresponding roles performed by the translator is important both from a theoretical point of view – to clarify the object and directions of scientific research, and from a practical one – to establish requirements for the specialization of translators in the process of training and in the labor market, and also to regulate the conditions of translation activity, protect interests and maintain the status of the profession. We see the prospects for further research in a more detailed study of the development of the profession of an interpreter, its roles and types of translation. In addition, in our opinion, it would be interesting to study the results obtained in the process of further improving the profession of an interpreter, as well as the knowledge and skills associated with translation.

References:

1. Agrifoglio M. Beyond Linguistic Mediation: The Role of the Interpreter in Treaty Negotiations with Aboriginal Canadians (1850-1923) // TTR: translation, terminology, writing. – 2004. – Vol. 17. – No. 2. – P. 143-159.
2. Alipichev A.Yu. Designing the content of the training of translators in the field of professional communication: synopsis dis. ... cand. of ped sciences. – M., 2007. – P. 288.

3. Andreev V.V. The process of mediation in solving social conflict: author. ... dis. cand. of social sciences. – Novocherkassk, 1999. – P. 140.
4. Herbert J. Interpreter's Manual: How to become a conference interpreter. Geneva, 1952. – P. 160.
5. Ieronova I.Yu. Formation of a professional-mediatory culture of a translator in a cultural-like environment of a university: synopsis. dis. ... dr ped.sciences. – Kaliningrad, 2008. – P. 136.
6. Klimkiewicz A. Community interpretation: a “trialogue” communication model // Translation, terminology, writing. – 2005. – Vol. 18. – No. 2. – P. 209-224.
7. Komissarov V.N. Modern translation: textbook. Allowance. – M.: REMA, 2003. – P. 280.
8. Latyshev L.K. Semenov A.L. Translation: theory, practice and teaching methodology: textbook. Manual for students of translation faculties of higher educational institutions. – M.: Academy, 2003. – P. 30.
9. Mikkelsen H. Community interpreting: an emerging profession / H. Mikkelsen // Interpreting. – 1996. – Vol. 1. – P. 125-129.
10. Minyar-Beloruchev R.K. General theory of translation and interpretation / R.K. Minyar-Beloruchev – M.: Military Publishing, 1980. – P. 142.
11. Minyar-Beloruchev R.K. Theory and methods of translation / R.K. Minyar-Beloruchev – M.: Moscow Lyceum, 1996. – P. 77-80. – P. 116.
12. Minyar-Beloruchev R.K. How to become a translator? / R.K. Minyar-Beloruchev – M.: Gothic, 1999.
13. Morissette K. Interpreting: space for intercultural mediation in the French-speaking Quebec context // Ethnologies. – 2005. – Vol. 27, No. 1. – P. 307-327.
14. Porshneva E.R. Preparation for interpretation in teaching a foreign language // Theory and practice of translation and training of translators. Interpretation: Mater. scientific method. conf. – Perm: Publishing house Perm. State Tech. University, 2007. – P. 352.
15. Porter R., Samovar L. An Introduction to Intercultural Communication Intercultural Communication. – Wadsworth Publishing Company, 1997. – P. 5-26.
16. Poschaker F. Quality assessment in conference and community interpreting / F. Poschaker // Meta. – 2001. – Vol. 46, № 2. – P. 410-425.
17. Pshenkina T.G. Verbal Intermediary Interpreter Activity in Intercultural Communication: Psycholinguistic Aspect: synopsis. dis. ... Dr. Filol. sciences. – Barnaul, 2005. – P. 309.
18. Roberts R. Community interpreting today and tomorrow // Proceeding of the 35th Annual Conference of the American Translators Association. – Medford, NJ, 1994. – P. 127-138.
19. Serebryakova S.V. The linguistic personality of the translator as a result of the realization of the linguistic-cognitive potential of the student // Bulletin of the Stavropol State University. – 2008. – No. 58. – P. 25-30.
20. Serova T.S. Professional qualification characteristics of a translator as a specialist in information support and support of international cooperation of enterprises // Translation industry and information support of foreign economic activity of enterprises: Mater. Int. scientific-practical conf. – Perm: Publishing house Perm. State tech. University, 2006. – P. 232-242.
21. Shevelev I.A. The language of legal proceedings and the participation of an interpreter in criminal proceedings in Russia: author. dis. ... cand. legal sciences. – Volgograd, 2008. – P. 208.
22. Sorokina O.A. The formation of the professional orientation of future translators in the system of higher education: author. dis. ... Cand. ...ped sciences. – Chelyabinsk, 2008. – P. 208.
23. Stelling-Michaud S. Preface to “Herbert J. Interpreter's Manual: How One Becomes the Conference Interpreter” / S. Stelling-Michaud – Geneva, 1952. – P. 218.
24. They Ch. From where we come: speech delivered at the opening session of the Assamby of the CNA in Nice, 2009. [Electronic resource]. – URL: <http://www.aiic.net/ViewPage.cfm/page3201>. (Date of the application: 10.11.2019).

25. Todorov T. The conquest of America. The question of the other. / T. Todorov – Paris: Editions of Seuil, 1982. – P. 373.
26. Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. / F. Trompenaars, Ch. Hampden-Turner / – McGraw-Hill, 1998. – P. 49.
27. Valeeva N.G. Translation – language mediation, a method of intercultural and interlanguage communication / N.G. Valeeva // Introduction to Translation Studies. – M.: Publishing House of RUDN, 2006. – P. 48.
28. Vashurina Z., Shishkanov A. Genealogy of military translators // Independent Military Review [Electronic resource]. – URL: http://poo.ng.ru/notes/2000-05-19/8_interpreters.html. (Date of the application: 09.11.2019).
29. Widlund-Fantini A. – M. Conference Interpretation // Linguistic Publications: French Review of Applied Linguistics. – 2003 (2). – Flight. VIII. – P. 65-73.

УДК 811.112.2'25'42:39

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКА НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Ивашина Татьяна Дмитриевна

студент 4 курса

Беспамятная Лилия Владимировна

научный руководитель

LINGUO-REGIONAL REALIA OF GERMAN NATIONAL HOLIDAYS

Tatyana Ivashina

4th year student

Liliya Bespamyatnaya

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье представлен лингвострановедческий анализ национально-маркированных лексических единиц немецкого языка как отражение этнокультурных и исторических особенностей страны. В рамках данной статьи уточняются понятия «лингвострановедческий анализ», «лингвострановедческий комментарий», «реалия». Обзорно рассмотрены дефиниции и классификации реалий, принятые в российской лингвистике, особенности понимания немецких реалий в русской речи и проблемы их перевода. На основе лингвострановедческого анализа выявлены и систематизированы реалии немецкого языка, связанные с обычаями и традициями разных периодов истории Германии.

Ключевые слова: национально-маркированная лексика; реалии; немецкий язык, лингвострановедческий анализ; национально-бытовая культура; национальные праздники Германии.

ABSTRACT. The article presents a linguo-cultural analysis of a number of nationally marked words of the German language as reflections of the ethno-cultural and historical features of Germany. The article clarifies the concepts of “linguo-cultural analysis”, “linguo-cultural commentary” and “realia”. Definitions and classifications of realia established in the Russian linguistics are reviewed and specified, problems of understanding German realia by the Russian speakers, as well as the problems of their translation are highlighted. Using the method of linguo-cultural analysis, the realia originated in different periods of German history due to the country’s customs and traditions are revealed and systematized.

Keywords: nationally-marked words; realia; the German language; linguistic and cultural analysis; national household culture; national holidays of Germany.

ВВЕДЕНИЕ. Праздники являются неотъемлемой частью этнокультурной основы каждого народа. Они формируют важную духовную составляющую общественного сознания. Благодаря праздникам, на протяжении сотен лет формируются обычаи и традиции различных народов мира. Кроме того, они являются предшественниками национально-маркированной лексики.

Цель данной работы – изучение и систематизация лингвострановедческих реалий немецкой культуры, связанных с немецкими народными праздниками.

Объектом исследования являются реалии немецкого языка, а предметом – немецкие национально-маркированные лексические единицы, обусловленные культурным наследием Германии и номинирующие реалии народных праздников.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Связь языка и культуры является основным объектом изучения в лингвострановедении. В каждом языке существуют слова, которые наиболее ярко отражают специфику его страны. Такие слова принято называть реалиями. Ученый-энциклопедист в области страноведения и культуры англоязычных стран, Г.Д. Томахин, дал этому термину следующее определение: «Реалии – это названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ» [4, с. 56].

О видах реалий и принципах классификации писали многие исследователи этого вопроса. Среди них отдельно стоит упомянуть классификации Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, А.Е. Супруна, А.А. Реформатского, С. Влахина и С. Флорина. А.Е. Супрун, к примеру, делит реалии по предметному признаку [7, с. 214], А.А. Реформатский различает реалии по предметно-языковому принципу и подразделяет их на шесть групп [6, с. 174]. С. Влахов и С. Флорин классифицируют их более детально на группы и подгруппы, разделяя реалии по коннотативным признакам [4, с. 256].

Практически невозможно выделить единую общепринятую классификацию, так как одна реалья может относиться сразу к нескольким классам, к словосочетаниям или даже к вовсе «нереалиям» при многозначности.

Что касается вопроса перевода, то само понятие «перевод реалий» лишь условно, так как реалья, как правило, непереводима – она передается в контексте не путем дословного перевода, а описательно, с помощью сложных элементов, основываясь на эмоциональных, литературных и этнических ассоциациях. Поэтому при изучении возможных способов перевода реалий необходимо, в первую очередь, изучить культуру страны, предшествующие события и исторический фон.

Существует несколько приемов перевода реалий: транскрипция или транслитерация, калькирование, описательный перевод, контекстуальный перевод. Транскрипция – это воспроизведение звучания иностранного слова [8, с. 31]. Транслитерация – это воспроизведение буквенного состава иностранного слова на языке перевода [8, с. 31]. Калькирование – перевод лексической единицы оригинального текста путем замещения её составляющих компонентов соответствующими лексическими единицами в языке перевода [8, с. 33]. Описательный перевод – передача основного значения реалии при помощи распространенного объяснения [8, с. 34]. Контекстуальный перевод – замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним [8, с. 34].

Каждый из вариантов названных приемов имеет свои преимущества и недостатки. В качестве примера, преимущества описательного или контекстуального перевода заключаются в том, что он исключает непонимание текста, которое присуще транслитерации и калькированию, но недостатком является то, что реалья переводится не аналогичной по структуре единицей другого языка, а субъективным описанием, основанным на понимании переводчика.

В классическом примере перевода художественного текста, в авторской речи, в описаниях и рассуждениях транскрипция принимается легче, шире возможности раскрытия содержания реалии, в то время как в прямой речи, в диалоге, лучше прибегнуть к другим

способам. Выбор способа перевода зависит от следующих факторов: от контекста, от значимости реалии в контексте, от характера реалии и её места в лексическом составе языка оригинала, от литературных и языковых традиций.

Таким образом, реалии, являясь уникальными носителями лингвострановедческой информации, ставят перед переводчиком достаточно трудную задачу при переводе текста и его адаптации. При этом необходимо помнить, что не существует непередаваемых реалий. Для переводчика важно понять смысл, который вложил автор текста в каждую реалию и её контекст, и подобрать наиболее подходящий метод перевода, так как страноведческая ценность материала определяется не только наличием в нём информации о стране и народе – носителе языка, но и особенностями восприятия действительности через отраженное в языке мировоззрение автора, сложившееся под воздействием различных социальных и культурно-этнических факторов.

Художественные произведения немецких писателей требуют от переводчика определенных базовых знаний исторического периода, традиций и обычаев, связанных с данными реалиями, а также месте их распространения. При работе с подобными текстами очень важно не только перевести реалии близко к контексту, но и постараться как можно точнее передать ее колорит.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование проводилось в несколько этапов. На первом был проведен анализ теоретической литературы по проблемам изучения реалий с позиций лингвострановедения и их перевода. На втором этапе был составлен корпус текстов, в который вошли исторические документы различных периодов Германии, научные статьи в области теории текста, справочники и словари российских и зарубежных авторов. На третьем этапе мы рассмотрели типичные приемы перевода выделенных единиц, из которого, методом сплошной выборки, были выделены 25 реалий, связанных с праздниками, и дали им лингвострановедческий комментарий.

В ходе исследования используются следующие методы: лингвострановедческий анализ, метод лингвострановедческого комментария, описательный и сравнительный методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ. Немецкие национальные праздники вносят большой вклад в развитие языка и культуры, насыщая лексику яркими, эмоционально-окрашенными словами. Одной из отличительных особенностей праздников является тот факт, что не все из них празднуются в масштабах всей страны: некоторые праздники отмечают лишь на отдельных федеральных землях. Вызвано это сложившимся федерализмом в государственном устройстве и в значительной степени независимостью федеральных земель. Такая особенность усложняет выбор способа перевода национально-маркированных единиц. Кроме того, большинство праздников несут в себе определенное историческое или религиозное значения, поэтому такая лексика очень разнообразна, и её перевод не всегда существует в каких-либо научных источниках. Часто реалии праздников берут своё начало из фольклора и упоминаются в сказках, балладах и даже в библейских заветах. Переводчику важно учитывать это при адаптации целостного фрагмента текста на русский язык. Чаще всего, в таких случаях прибегают к лингвострановедческому анализу, толкованию смысла слова, объяснение связей между лексическими единицами и особенности отражения национальной культуры в слове [1, с. 405].

Мы рассмотрели три группы этнокультурной лексики немецких праздников:

1. Слова, относящиеся к традиционному и современному быту. В этой группе выделяют: утварь, предметы мебели, еду и напитки, домашний декор, одежда. Приведём три примера реалий, соответствующих данной категории:

Schwibbogen «Швиббоген» → *bogenförmiger Kerzenhalter aus Metall oder Sperrholz, der steht an Heiligabend auf der Fensterbank* «канделябр со свечами в форме полуарки, который ставят в сочельник на подоконник» [16].

Данный термин появился в XVII веке в городе Зайффен в Рудных горах. Район Рудные горы знаменит своими народными промыслами, особенно плотничеством и изготовлением игрушек, в том числе, из дерева.

В книге “Die Grenze: Ein deutsches Bauwerk” авторы рассуждают о забытых ценностях и символах истории. В контексте также фигурирует термин “Schwibbogen”, являющийся национальным символом: “*An diesem Tag sehen wir noch Hirschberg und Blakenberg an der Saale, Fabriken und Häuserwachsen an Berg hängenempor, Schlotestoßstinkende Rauchschwaden aus, Lederwarenindustrie. Es ist dunkel, als wir ankommen, aber Fabrikhallen und Wohnungen sinderleuchtet. In zahllosen Fensternbrennen erzgebirgische Schwibbögen, glühen Herrnhuter Sterne – wie bei uns*“ [13, с. 123]. В русском языке чаще называют его просто подсвечником, однако при переводе литературных произведений переводчик оставляет дословный перевод с пояснительной сноской, чтобы сохранить образность немецких историй, связанных с районом, откуда пошёл термин.

Weihnachtsstollen «Рождественский штоллен» → *ein traditionelles Gebäck zum Weihnachtsfest* «традиционное немецкое сдобное изделие к празднику» [16].

Впервые штоллен письменно упоминался в 1329 году в Наумбурге на Зале как рождественское подношение местному епископу. В столице Саксонии штоллен изначально назывался *Striezel* «штрицель», благодаря которому дрезденский рождественский рынок называется “Striezelmarkt” – Штрицельмаркт. Он функционирует уже более пяти столетий и является знаковым символом истории страны.

При переводе данной лексической единицы используется такой метод перевода национально-маркированной лексики как «транскрипция», то есть воспроизведение звучания иностранного слова, при этом будет применяться описательный перевод, чтобы читатель мог представить данный образ национальных рождественских праздников. Врускомязыкенетполноценногоаналогаэтомублюду.

Feuerzangenbowle «Боле / Крюшон» → *heißes, aus Rotwein, Rum und Fruchtsaft hergestelltes Getränk, bei dessen Zubereitung über eine Bowle eine Art Feuerzange mit Zucker hutgelegt wird, der mit Rum übergossen und angezündet wird* «смесь из белого вина с ромом или коньяком, приготовляемая со свежими фруктами» [16].

Такой напиток немцы предпочитают пить в период новогодних праздников. Упоминается в одноименном романе “Feuerzangenbowle” Генриха Сперла.

Как видим, при переводе на русский язык за данной реалией закрепился французский термин «крюшон». При переводе литературных произведений, статей или даже интервью прибегают к замене реалии. Транскрипция или транслитерация при этом исключаются.

2. Общественно-исторические слова, обозначающие предметы или явления предшествующих исторических событий. В этой группе выделим два самых ярких примера:

Herrnhuter Stern «Рождественская звезда» → *einen beleuchteten Advents – oder Weihnachtsstern einer bestimmten geometrischen Bauart, der den Stern von Betlehem symbolisiert* «популярное рождественское украшение, симметричная объёмная многолучевая звезда, символизирующая Вифлеемскую звезду» [16].

В книге “Weihnachten in der Oberlausitz” автор приводит ряд составляющих данного предмета рождественских украшений. Кроме того, в книге рассказывается о наиболее распространённых городах Германии, где в праздники можно встретить “Herrnhuter Stern”:

“Neben den Märkten in Görlitz, Zittau, Neusalza – Spremberg in der Oberlausitz leuchten Herrnhuter Sterne auch auf den Märkten in Dresden, Berlin, Hamburg und in vielen weiteren Städten. Sonder an fertig ungen wurden unter anderem für die Dresdner Frauenkirche, für das Kanzleramt in Berlin, für Schloss Schönbrunn in Wien und für eine Londoner Kaufhauskette hergestellt” [15, с. 96].

Adventskalender «Адвенткалендарь» → *kalender mit Bildern o. Ä. hinter 24 geschlossenen Fensterchen, von denen zwischen dem 1. und 24. Dezembertägliches geöffnet wird* «традиционный календарь для отслеживания времени адвента до наступления Рождества» [16].

Первые упоминания о рождественских календарях относятся к первой половине XIX века. Начало традиции было положено в Германии последователями Лютеранской церкви.

Считается, что первый детский рождественский календарь был напечатан Герхардом Лангом в его типографии “Reichhold & Lang” в Мюнхене.

Марк Мергентхаль настаивает на том, что и сегодня календарь не утратил свою ценность среди немцев, во многих домах германской нации можно найти Адвент календарь: *“Der moderne Adventskalender ist ein Brauch, der in Laufes eines fast 100 jährigen Bestehens zwar vieles von seiner ursprünglichen Zielsetzung eingebüßt hat, jedoch nach wie vorbeiung und alt beliebt ist”* [10, с. 27].

3. Антропонимы и имена собственные, связанные с традициями страны. Ниже даны три примера немецких реалий, относящихся к данной категории:

Erntedankfest «Эрнтданкфест» → *kirchliches, meist am ersten Sonntag im Oktober gefeiertes Fest nach der Ernte* «праздник урожая, который отмечается в католической церкви Германии в первое воскресенье октября» [16].

Истоки его происхождения берут начало еще в дохристианские времена. Дата первого воскресенья октября утверждена в Германии католической церковью в 1972 году, а в каждом приходе евангелической церкви определяется своя дата праздника: первое воскресенье октября.

В книге “Erntedank: vom Denken und vom Danken” Г. Ю. Мильхнер описывает свои воспоминания об этом празднике в дни его детства: *“Erntedankfest – das war ein Tag, auf den ich mich schon als Kind immer sehr gefreuthabe. Irgend wieerinnert emich das alleseinwenig an Weihnachten: Die volle Kirche, schön festlich ausgeschmückt. Das ist schoneinbuntes Bild, wenn man das so sieht, was da am Altar aufgebautliegt”* [12, с. 86].

Striezelmarkt «Штрицельмаркт» → *einerder ältesten Weihnachtsmärkte der Welt* «старейший в Германии и один из самых известных в Европе рождественский рынок, проводящийся каждый год в Дрездене в рождественское время» [16].

Ярмарка получила своё названия от традиционного рождественского хлеба – штрицель. В работе Mariescor Ruediger “From Guamto Crown City Coronado” представлена достаточно точная характеристика для представления данной реалии: *«Старейший Рождественский рынок Германии ведёт свою историю с 1434 года. Он называется Штрицельмаркт и уже давно связан с историей и традициями Дрездена»* [14].

Silvester «Сильвестер»: *die Bezeichnung für den letzten Tag im Jahr in Deutschland wird, anders als der Vorname Sylvester/Silvester, ausschließlich mit I geschrieben. «Новый год в Германии, один из календарных праздников Германии, отмечается в ночь с 31 декабря на 1 января каждого года»* [16].

Последний день года, в Германии называется Silvester, по имени папы римского Сильвестра I. Новогодний вечер, канун Нового года, называют der “Silvesterabend”. В литургический календарь день Святого Сильвестра был введен в IX веке.

Э.Т.А. Гофман в произведении “Die Abenteuer der Silvesternacht” действия разворачиваются в Берлине в новогоднюю ночь: *“Beidem (dem Justizrat, meineich) gibt es am lieben Silvester-Abend immer große Gesellschaft, und dann will er zum lieben Neujahr jedem eine besondere Freude bereiten, wo beiersich so geschickt und täppisch anstellt, daß alles Lustige was ermühsamersonnen, untergeht in komischem Jammer”* [11, с. 234].

Данная реалия распространена не по всей территории Германии, поэтому немцы лишь определенных федеральных земель используют данный термин для обозначения Нового года. Это следует учитывать и переводчику. Так как тут доступно несколько вариантов перевода: контекстуальная замена или транслитерация/транскрипция.

Анализируя данную классификацию, мы видим, что универсальных вариантов перевода для конкретного текста может не быть, и переводчик, учитывая общие теоретические положения и опираясь на владение языками, на фоновые знания, на свой опыт, но, в первую очередь, на «контекстуальную обстановку», в каждом отдельном случае выбирает наиболее подходящий, иногда единственно возможный путь. Переводчик не всегда при этом ограничивается только одним слово, это бывает словосочетание и даже предложение. Во время перевода безэквивалентной лексики переводчики часто пользуются

приемом транскрипции, так как звучание имен собственных должно быть близко к оригиналу. При этом всегда преследуется одна цель: передать значение максимально доступно для читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Нами был проведен лингвострановедческий и переводческий анализ реалий, относящихся к сфере национально-бытовой культуры немецкого языка. В ходе исследования мы разделили реалии на несколько групп, опираясь на классификацию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова:

1. Слова, относящиеся к традиционному и современному быту;
2. Общественно-исторические слова, обозначающие предметы или явления предшествующих исторических событий;
3. Антропонимы и имена собственные, связанные с традициями страны.

Проведенный анализ показал, что немецкие национальные праздники являются не только значимыми датами исторических или религиозных событий, они также несут в себе ряд национально-окрашенных лексических единиц разных периодов истории Германии. Этот аспект культурного наследия страны является чрезвычайно важным для изучения в языкознании и, главным образом, в лингвострановедении, поскольку именно такие единицы кодируют культурную и историческую память народа, понимание которой дает изучающим немецкий язык доступ к менталитету нации.

Анализ примеров реалий в литературных произведениях показывает, что в переводе невозможно ограничиться лишь дословным переводом основного значения слова. В переводческой деятельности существует проблема перевода реалий. На данный момент выделяют несколько приемов перевода реалий: транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, контекстуальный перевод. Поэтому для переводчика важно найти подход к каждой безэквивалентной единице для её адекватного восприятия в русской речи и русском менталитете.

Список литературы:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: ИКАР – 2009. – 443с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 321с.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С.Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 383с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
7. Супрун А.Е. Общее языкознание / А.Е. Супрун. – М.: Высшая школа, 1993 – 286 с.
8. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы / Г.Д. Томахин – М.: Высшая школа, 1988. – 240с.
9. Томахин Г.Д., Фомин Б.Н. Проблематика сопоставительного лингвострановедения. В кн.: Научные традиции и новые направления в методике преподавания русского языка и литературы. / Г.Д. Томахин – М., 1986.
10. Adventskalender im Wandel der Zeit [поред. Markus Mergenthaler]. – Dettelbach: J.H.Röll Verlag, 2007. – 48 S.
11. Hoffman E.T.A. Die Abenteuer der Silvesternacht. – Frankfurt am Main : Insel-Verlag, 1984. – 385 S.
12. Milchner H.J. Erntedank: vom Denken und vom Danken / H.J. Milchner. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1993. – 159 S.

13. Ritter J., Lapp P.J., Schacht U. Die Grenze: Eindeutsches Bauwerk / Ritter J., Lapp P.J., Schacht U. – Berlin: Ch. Links Verlag, 1997. – 192 S.
14. Ruediger M. From Guam to Crown City Coronado [Электронный ресурс] / M. Ruediger. – URL: <https://www.goodreads.com/book/show/15733029-from-guam-to-crown-city-coronado-thanks-to-hermann-missouri> (дата обращения: 02.12.2019).
15. Sehn D. Weihnachten in der Oberlausitz / Sehn, Dietmar. – Sutton, 2014. – 192 S.
16. Wörterbuch Duden [Электронный ресурс] / Konrad Alexander Friedrich Duden – URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 06.12.2019).

УДК 94(47).073.5

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ВРАЧЕЙ В КРЫМСКУЮ ВОЙНУ

Лобков Александр Евгеньевич
кандидат филологических наук, доцент

RUSSIAN AND FOREIGN PHYSICIANS DURING THE CRIMEAN WAR: MUTUAL PERCEPTIONS

Aleksandr Lobkov
PhD in Philology, associate professor

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются различные аспекты взаимоотношений русских и иностранных врачей во время Крымской войны (1853-1856 гг.). Анализируются причины принятия российскими властями на военную службу американских и немецких врачей, что связано, с точки зрения автора, с принципиальным стремлением повлиять на общественное мнение сохранявших дружелюбный нейтралитет стран. Но при этом автор также говорит об актуальном на тот момент положении отечественных медицинских сотрудников, указывая на нехватку военных врачей и их бедственное положение. Привилегированное положение иностранных врачей (получение высокого воинского чина, большой оклад и возможность досрочного увольнения со службы) вызывало недовольство отечественных медиков, упрекавших их в бесполезности уже по незнанию русского языка и профессиональной неопытности. В работе на конкретных примерах из жизни американских врачей (Колумбус Давегга, Джон Стоддарт, Джессе Орен и Уильям Джозеф Холт) анализируются причины конфликтных ситуаций и профессионального соперничества между врачами. По результатам проведённого исследования можно сделать вывод о том, что отношения между немецкими и американскими врачами характеризуются напряженностью и неприязнью. Причины этого заключаются в чувстве национального и профессионального превосходства немецких докторов. В основе статьи лежит малоизвестный материал (письма, дневники, воспоминания американских и немецких медиков), позволяющий составить цельную картину сложных отношений между врачами, но не исчерпывающий всей глубины темы.

Ключевые слова: Крымская война; немецкие врачи; американские врачи; русские врачи.

ABSTRACT. The article considers different aspects of mutual perceptions of Russian and foreign physicians during the Crimean war (1853-1856). The main reasons of the Russian government for inviting of American and German doctors to service in Russian army were the lack of military physicians and the desire to influence public opinion in friendly neutral countries. Attractive terms of the contract stipulated high military rank, large pay and the possibility of early dismissal from the service. The privileged position of foreign doctors caused dissatisfaction of domestic physicians and accusations incomplete uselessness due to their ignorance of the Russian language and professional inexperience. Relations between German and American doctors are

characterized by tension and hostility. The reasons for this lie in the sense of national and professional superiority of German physicians. The causes of conflict situations and professional rivalry between doctors are analyzed on particular examples from the life of American surgeons (Columbus Davega, John Stoddard, Jesse Oren and William Joseph Holt). The article is based on little-known material (letters, diaries, memoirs of American and German physicians), which allows to make a broader picture of the complex mutual perceptions of doctors, but does not cover all aspects of the subject.

Keywords: Crimean war; German physicians; American physicians; Russian physicians.

ВВЕДЕНИЕ. Еще накануне Крымской войны (1853-1856 гг.) российская армия испытывала недостаток во врачах: вместо положенных по штату 2007 медиков на службе состояло 1814 врачей. За годы войны российские власти дополнительно приняли на военную службу 1142 врача. Значительную часть из них составили выпущенные в ускоренном порядке студенты-медики (842), врачи из разных ведомств (55), вольнопрактикующие врачи (142) и иностранные врачи (121). В 1854-1855 гг. 99 иностранных врачей поступили на службу по контракту, а 22 на общих и особых основаниях [2, с. 395]. Общее число иностранных врачей, однако, может быть чуть выше, так как имеются сведения о том, что набор американских врачей продолжался и в начале 1856 г. Таким образом, практически каждый девятый поступивший в годы войны на медицинскую службу врач был иностранцем; из них – около 80 немецкоязычных докторов, около 40 американцев и несколько голландцев.

Служба по контракту была привлекательной. Так, согласно контракту немецкие врачи, имеющие звание доктора медицины, получали 120 рублей серебром в месяц, а врачи, не имеющие этого звания, – 60 рублей, и зачислялись на службу в чине капитана. Американские хирурги почему-то приглашались на службу в чине майора. По словам американского доктора Исаака Дрейпера (Isaak Draper, 1824-1855), *«по нашему прибытию в Крым нам был присвоен чин, который русские коллеги получают обычно только через десять, а то и пятнадцать лет службы»* [8, с. 8].

Причины, подтолкнувшие русские власти пойти на предоставление такого привилегированного положения иностранных врачей, были обусловлены не только стремлением восполнить острую нехватку медиков на театре военных действий, но и привлечь благорасположение общественности сохранявших нейтралитет стран – США и различных немецкоязычных государств. Этим может быть объяснен тот факт, что вместо того, чтобы привлечь на военную службу отечественных вольнопрактикующих врачей, русские власти сначала сделали вызов иностранным, и когда те стали поступать на службу в массовом порядке, Медицинский департамент в докладной записке на имя императора Александра II от 19 апреля 1855 г. признал, что вольнопрактикующие медики *«могут быть полезнее врачей иностранных, не знакомых ни с бытом наших войск, ни с языком, и имея в виду, что многие из наших вольнопрактикующих врачей не вступают на военную службу по скудному на оной содержанию»* и предлагал пригласить на военно-медицинскую службу вольнопрактикующих врачей на условиях контракта для иностранных врачей [5, с. 276]. В результате такого набора в 1855-1856 гг. на службу удалось привлечь 97 отечественных вольнопрактикующих медиков, резко ограничив прием иностранных врачей [2, с. 395].

Мотивы, побудившие иностранных врачей принять вызов на русскую службу, были различны. Конечно, высокие оклады и возможность быстро устроить карьеру были главными стимулами для большинства врачей. Другой причиной был профессиональный интерес, так как театр войны открывал огромные возможности для практической деятельности. Некоторые из врачей были движимы чувством симпатии к России, а для других участие в войне на Востоке было увлекательной авантюрой и романтической феерией. Так, например, воспринимал свое участие в войне Франц Сигизмунд Гойдтнер (Franz Sigismund Geudtner), который после 17-летней практики в саксонском городке Риза, узнав о выгодных условиях набора иностранных врачей, поспешил незамедлительно принять вызов, так как *«давно уже*

мечтал побывать в Крыму и принять участие в войне, особенно такой, как Крымская, где смог бы лично пережить осаду крепости и битвы на суше и на море» [13, с. 4].

Цель данного исследования заключается в изучении и анализе особенностей взаимодействия между русскими и иностранными врачами, а также в рассмотрении конфликтных ситуаций между американскими и немецкими медиками, поступившими в годы Крымской войны на русскую службу.

Служба иностранных врачей в России в годы Крымской войны принадлежит к числу малоизвестных и малоизученных фактов. Отдельные статьи об участии американских врачей в войне относятся к информативным, известно, например, что их появление носило конъюнктурный характер и было связано с периодами потепления в советско-американских отношениях. Но даже представленный в этих статьях материал не стал предметом дальнейшего всестороннего изучения. О службе немецких врачей в Крымской войне после событий Второй мировой войны предпочитали вовсе умалчивать. Между тем по вопросу участия иностранных врачей имеется довольно обширная и разнообразная документация. Слабая изученность этой темы и необходимость понимания сложных процессов взаимодействия русских и иностранных медиков между собой как одного из факторов эффективности работы военно-медицинской службы в годы Крымской войны определяют актуальность исследования.

Объектом исследования является русская медицинская служба в годы Крымской войны. Предметом исследования выступают причины недовольства отечественных медиков иностранными врачами и факторы конфликтных ситуаций между иностранными врачами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В основе статьи лежит малоизвестный материал (письма, дневники, воспоминания американских и немецких медиков), позволяющий составить цельную картину сложных отношений между врачами, но не исчерпывающий всей глубины темы.

Исследование проводилось с опорой на культурно-исторический и сравнительно-исторический методы. Критический подход к уже известным источникам и тщательный анализ нового материала дает возможность взглянуть новыми глазами на устоявшиеся представления и пересмотреть негативную оценку деятельности иностранных врачей.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Отношение к иностранным врачам в отечественной исторической и мемуарной литературе больше носит негативный характер. Естественно, их упрекают в бесполезности уже по незнанию русского языка. Подвергают сомнению и их профессиональные качества. Недовольство и чувство обиды вызывала у русских медиков и значительная разница в окладах и положении иностранных врачей [1, с. 19-20; 2, с. 396].

Конечно, в успехе врачевания огромную роль играет общение, личный контакт врача с больным. Естественно, что иностранные врачи при поступлении на службу в российскую армию русского языка не знали, но они незамедлительно приступили к его изучению, хотя и отмечали, что он дается им с трудом. Так И. Дрейпер пишет: *«Язык этой страны представляет большое препятствие для иностранца; и если у кого-либо была бы возможность пользоваться им лишь в течение года, то он обнаружил бы, что время и усилия по его изучению (если, конечно, он изучает его) только позволили ему сделать начальные шаги в языке. Почти все русские офицеры и многие медики говорят по-французски. Благодаря нашему французскому языку и небольшому знанию русского, которое мы приобрели, мы почти всегда могли неплохо понимать друг друга» [8, с. 8].*

Баварский врач Альберт Рауш (Albert Rausch, 1830-1856) в одном из писем к другу писал: *«Теперь ты, вероятно, хочешь знать, насколько далеко я продвинулся в изучении русского языка, не так ли? И я должен признаться откровенно, пусть и к собственному стыду, что дело далеко не продвинулось, хотя я и живу в России уже 9 месяцев. Это оказалось вовсе нелегкой задачей, и я уже оставил надежду научиться хорошо говорить по-русски. Сначала я изучал грамматику, но, как и все мои соотечественники, я не сумел ее одолеть и ограничился лишь тем, что мог усвоить мимоходом, и благодаря этому достиг того, что при крайней необходимости смогу объясниться. А что касается моего положения*

по отношению к больным, то мне редко приходится прибегать к помощи моего фельдшера, рижанина, который владеет немецким» [17, с. 1].

Отметим, что большую помощь в общении иностранных врачей с больными в Крымскую войну оказывали сестры милосердия, владевшие, как правило, немецким и/или французским языками. В своих письмах и заметках американские и немецкие медики неоднократно с большой теплотой отзываются о деятельности сестер милосердия.

Упрек в профессиональной непригодности несправедлив уже потому, что некоторые иностранные врачи были специалистами по внутренним заболеваниям, а не хирургами, и тем более не специалистами по специфическим военным ранениям, которых тогда, к тому же, и не было, о чем писал Н.И. Пирогов в предисловии к «Началам общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции» (1865-1866): *«Я заметил, что не одни наши, но и чужестранные врачи, поступавшие к нам на службу в Крымскую войну (немцы и американцы), также не твердо знали эту азбуку хирургии» [4, с. 6].*

Тем более, что Медицинский департамент подходил с осторожностью к выбору врачей и требовал от претендентов хороших рекомендаций и аттестатов. Хотя были и исключения, когда иностранные врачи поступали на службу, не имея таких рекомендаций. Примером может быть американский доктор Уильям Реддик Уайтхед (William Reddick Whitehead, 1831-1902). После двухлетнего изучения медицины в Виргинском и Пенсильванских университетах он продолжил образование в Париже, где, однако, по собственному признанию, большую часть времени уделял совершенствованию знаний французского языка, а не медицине. Находясь осенью 1854 г. в Вене, он предложил свои услуги врача российскому посланнику при австрийском дворе князю А.М. Горчакову, причем на мнение последнего о молодом американце, помимо энтузиазма и прекрасного французского языка, явно оказал и *«большой и впечатляюще выглядящий американский медицинский диплом» [21, с. 200].* А.М. Горчаков отправляет Уайтхеда к своему родственнику М.Д. Горчакову, командовавшему Южной армией. В начале декабря 1854 г. Уайтхед прибыл в Одессу, где продолжал жить светской жизнью, как в Париже и Вене, или, по собственным словам, *«где я ничем не занимался в течение нескольких месяцев, кроме как наслаждался чередой празднеств и увеселений, имея доступ в самое респектабельное и модное общество самого веселого из веселых городов южной России» [21, с. 200].* В одном из писем на родину 24-летний американец с гордостью сообщает: *«Я на императорской службе в России как военный врач и хирург. Я обязан князю Горчакову за те особые преимущества, которыми пользуюсь, такими как высокое звание и прочее. Старший врач полка в 5000 человек, «старший ординатор», – звание соответствующее нечто среднему между майором и подполковником» [9, с. 1].* В марте 1855 г. он был направлен в Севастополь, где ему пришлось вплотную заняться врачебной деятельностью, однако *«я был очень молод и совершенно неопытен как хирург»,* но имел *«серьезное желание приобрести практический опыт хирургического лечения огнестрельных ранений» [21, с. 201].* Под личным руководством Н.И. Пирогова он прошел ускоренный курс обучения и был награжден орденом св. Станислава 3 степени, а вернувшись в 1856 г. в Париж продолжил свое образование, получив в 1860 г. звание доктора на медицинском факультете Парижского университета.

Именно «завистью» русских медиков к более удачливым иностранным коллегам и может быть в значительной мере объяснено формирование негативной оценки их деятельности. Недовольство со стороны русских коллег иностранные медики ощущали отчетливо. Один из немецких врачей, работавших в госпитале на Корабельной стороне, в июне 1855 г. писал на родину: *«Что же касается нас, врачей, то в душевном плане у нас все хорошо, если только не обращать внимание на зависть и неколлегиальное поведение наших русских коллег, которое ни по каким соображениям не может быть названо достойным» [10, с. 779].*

Эндрю Диксон Уайт (Andrew Dickson White, 1832-1918), сотрудник американского посольства в Санкт-Петербурге в 1854-1855 гг., в своих воспоминаниях также отмечает:

«Некоторые русские агенты побудили ряд молодых американских врачей и хирургов, обучавшихся в Париже, вступить в русскую армию, в надежде, что это укрепит американское чувство благосклонности к русскому делу, и те, получив жалованье и быстрое продвижение по службе, естественно, были ненавидимы русскими хирургами (выделено нами. – А.Л.); поэтому многие из наших молодых соотечественников подверглись жестокому обращению, с некоторыми настолько суровому, что они скончались, и мы считали своим долгом выволить оставшихся в живых из их несчастного положения. Не раз, возвращаясь вместе с ним после аудиенции у военного министра, я видел слезы на глазах губернатора Сеймура, когда он вспоминал о смерти некоторых из этих молодых людей, которых он полюбил во время их пребывания в Санкт-Петербурге» [20, с. 455-456]. Томас Харт Сеймур (Thomas Hart Seymour, 1807-1868), бывший губернатор штата Коннектикут, на тот момент возглавлял американскую дипломатическую миссию.

15 июля 1855 г. М.Д. Горчаков подал в Медицинский департамент Военного министерства ходатайство об увеличении жалованья иностранным врачам в Крыму, поступившим на службу на общем положении на условиях «внутреннего оклада», т. е. с содержанием, предусмотренным для русских врачей – от 250 руб. 95 коп до 334 руб. 50 коп. Горчаков требовал для них «жалованья усиленного»: для старших ординаторов – 638 руб., а для младших ординаторов – 480 руб. в год. Прежде чем удовлетворить это ходатайство, император Александр II поинтересовался: *«не произведет ли это самое неприятное влияние на наших медиков, коих труды одинаковы с иностранными врачами, и тем более, что сие поступили на нашу службу добровольно».* По мнению Горчакова, увеличение содержания иностранным врачам *«не должно произвести неудовольствия между нашими медиками, потому что первые хотя и поступили в службу добровольно, но изъявили на это желание по приглашению нашего Правительства»*, кроме того, условия соглашения предусматривали, что *«только в мирное время помянутые иностранные медики должны получать жалованье по основному окладу, во время же военных действий назначено производить им усиленное жалованье»* [5, с. 623]. В конечном итоге 16 октября 1855 г. ходатайство об увеличении содержания иностранным врачам в Крыму было признано «совершенно справедливым» и удовлетворено.

Такое выделение иностранных медиков только подогревало недовольство подавляющей массы русских врачей иностранцами, в первую очередь, – немцами, поскольку американцы на русской службе в этот момент были скорее исключением. Ф.И.Тютчев писал, что немецкий вопрос, так обостренно стоявший в России XVIII-XIX веков, исключительно связан с привилегированным положением немцев на русской службе, *«привилегиям, часто необоснованным, инстинктивному, так сказать, сочувствию, которое они находили в самом центре верховной власти. Вот это-то упорное пособничество верховной власти чужеземцам и содействовало более всего воспитанию в русской натуре, самой добродушной из всех, недоброго чувства по отношению к немцам, тогда как немцы, от мала до велика, наши и не наши, у которых нет, собственно, никакой причины не любить Россию, питают к нам исключительно физиологическую и потому именно неискоренимую и непреодолимую антипатию, расовую антипатию. И это наиболее яркая черта их национальности»* [7, с. 101].

Должно отметить, что опубликованные письма, дневники и записки иностранных врачей в целом носили положительный, доброжелательный характер и способствовали формированию общественного мнения нейтральных стран в пользу России. Ярким примером этого может служить следующий трагикомичный случай, произошедший осенью 1855 г. в Сан-Франциско, где англичане и французы устроили праздник по случаю взятия Севастополя. Однако его омрачили несколько тысяч горожан во главе с бывшим калифорнийским губернатором Макдугалом, организовавшими демонстрацию под американским и русским флагами и митинг поддержки у дома русского консула П.С. Костромитинова, после которого *«толпа не могла вдруг успокоиться; увлеченная сочувствием к русским и негодованием к союзникам, она с неистовыми криками бросилась по*

дороге к павильону, где пировали еще англичане и французы, и ринулись на несчастное здание; произошла драка и от павильона остались только обломки дерева, да разбитые щиты, да разорванные клочья парусины. Почти до рассвета дрались друзья России, и увы! многие из них дорого заплатились за сочувствие к ней, – немало было раненых, но зато победа была полная» [3, с. 50].

Проблема отношения русских врачей к иностранным усугубляется также вопросом о взаимоотношениях иностранных врачей, американских и немецкоязычных, между собой. В истории этих отношений есть немало загадок и неясностей. Главная причина такого положения – скудность фактов, их неопределенность. Следует сразу признать, что в немецких источниках, известных автору статьи, участие американских врачей в Крымской войне полностью умалчивается. Напротив, в записках американских врачей неоднократно упоминается о столкновениях с немецкими докторами. Причины конфликтных ситуаций, как следует из американских источников, кроются в чувстве профессионального превосходства немцев над своими заокеанскими коллегами.

Американский хирург Чарльз Рос Парк (Charles Ross Parke, 1823-1908) в своих воспоминаниях о работе в Симферопольском военном госпитале пишет, что *«к американским хирургам относились очень благосклонно и назначали на дежурство только в дневное время, в то время как русские и немецкие хирурги дежурили как по ночам, так и днем»* [15, с. 190].

На первый взгляд может показаться, что американские врачи имели преимущественное положение. Однако, такая благосклонность, скорее, свидетельствует о том, что немецким врачам в России доверяли больше. И это неудивительно, когда в одном из лучших медицинских заведений императорской России – Дерптском университете – медицинское образование давалось на немецком языке. Именно здесь защитили свои докторские диссертации два самых известных врача Крымской войны – Н.И. Пирогов и Х.Я.Гюббенет. Да и на стажировки российские медики отправлялись, как правило, в различные немецкие университеты. И организованы немецкие врачи были лучше, чем их русские коллеги, о чем свидетельствуют общества немецких врачей в Петербурге, Москве и Риге, возникшие значительно раньше аналогичных русских врачебных объединений.

Опубликованная в одной из баварских газет статья «Врачебная практика в Северной Америке» (1855) отражает невысокое представление немецкого автора о врачебном профессионализме американских врачей, которые вместо тщательного изучения медицинской науки, «абстрактная ценность» которой им не доступна, предпочитают, как деловые люди, как можно скорее обратиться к практике [11, с. 183]. Совершенствовали свои знания и умения американские врачи в Парижских госпиталях. Здесь, в Париже, и были завербованы русскими агентами первые американские хирурги в Крымскую войну – И. Дрейпер, Э.Б. Турнипсид, К.С. Кинг, У.Д. Холт и Ч.Ф. Генри.

Именно профессиональная конкуренция вкупе с чувством национального превосходства становится источником большинства конфликтов между американскими и немецкими врачами. Ф.И. Тютчев, многие годы проработавший в дипломатической миссии в Баварии и в Министерстве иностранных дел, неоднократно обращал внимание на гипертрофированное чувство собственного превосходства представителей немецкой нации. В одном из писем он пишет, что *«достаточно взглянуть на первого попавшегося немца, приехавшего в Россию, – будь он самый умный или самый заурядный – взглянуть на его повседневные отношения со всем, что не относится к его расе, чтобы понять, до какой степени глубокое, фанатически нетерпимое и непримиримое убеждение в своем расовом превосходстве является основой его природы, первым условием его нравственного существования и какую ненависть и ярость у него вызовет все, что захочет подвергнуть сомнению законность этого убеждения...»* [6, с. 297-298].

Рассмотрим несколько случаев, раскрывающих природу взаимоотношений между немецкими и американскими врачами. Так, в заметках Холта сохранились упоминания о «невежливом обращении» немецкого доктора Бондлера (Bondler; к сожалению, более подробная информации о враче отсутствует) с американским хирургом Колумбусом Давегой

(Columbus Davega, 1830-1882). В результате Давега *«был вынужден применить силу, после того как более мягкие средства воздействия были исчерпаны, и схватив Бондлера за ухо выставил его из своей палаты»*. В результате возникшего разбирательства американец не смог добиться справедливости у главного врача Симферопольского госпиталя И.Е. Протопопова и уволился со службы [14, с. 2].

Более серьезным оказался конфликт доктора Бондлера с американским врачом Джоном Стоддардом (John B. Stoddard, ум. 21 января 1856). Бондлер постоянно делал замечания Стоддарду, которые последний поначалу игнорировал, однако немецкий врач *«был настойчив в своих действиях профессиональной невежливости, отдавая приказы помощникам Стоддарда и вмешиваясь в лечение раненых, доверенных его попечению, что Стоддард был вынужден избавиться от такого надоедания <...> и вышвырнул Бондлера из палаты»* [14, с. 2]. Бондлер обещал пожаловаться главному врачу госпиталя и добиться его перевода.

Действительно, главврач И.Е.Протопопов вскоре перевел американца в другой госпиталь без каких-либо объяснений. При первой же встрече Стоддард обозвал Бондлера *«трусливым немецким мерзавцем»* и влепил ему пощечину. Бондлер пытался уклониться от ссоры, но Стоддард продолжал его оскорблять: *«“Жалкий трус, неужели я не в состоянии заставить тебя набраться храбрости, чтобы отомстить мне за оскорбления!”*, после чего Бондлер повернулся к Стоддарду и попытался ударить его, но тот отразил удар и в свою очередь сбил Бондлера с ног кулаком. Бондлер вскочил и побежал к своему покровителю и сообщнику, доктору Протопопову, и незамедлительно графу Адлербергу был вручен ложный рапорт, в котором говорилось, что Бондлер находится в предсмертном состоянии» [14, с. 2]. Стоддард получил приказ не покидать Симферополя до окончательного рассмотрения дела. Расследование шло, однако, без привлечения самого Стоддарда и спустя три недели он *«был брошен в тюрьму вместе с ворами и пьяницами, подобранными на улицах»*. Приговор военного суда при штабе главнокомандующего гласил 15 суток ареста и увольнение со службы.

Кроме Стоддарда, в конце 1855 г. в Симферополе было еще несколько американских хирургов – Э.Д. Элдридж, У.М. Харт, Л.В. Рид, У.Д. Холт, К. Смит, Д. Уимс, Э.Д. Джонсон, Д.Б. Хэнк, Г. Кларк и Ч.Р. Парк, которые были свидетелями всех перипетий этой драматичной истории. Американцы подали главнокомандующему князю М.Д. Горчакову жалобу, в которой возмущались приговором, вынесенным исключительно *«на основании злонамеренного и совершенно лживого рапорта графа Адлерберга»*, и пренебрежением *«первого принципа правосудия, не допускающего осуждения подозреваемого без рассмотрения дела»* [14, с. 2]. Вмешательство Горчакова помогло пересмотреть решение суда, однако Стоддард был уволен со службы. По пути на родину Стоддард внезапно заболел и скончался в Берлине. Причем сам он подозревал, что его отравили немецкие врачи [18, с. 224]. Узнав о смерти Стоддарда, один из его товарищей – Холт, опубликовал историю его судебного дела в «Нью-Йорк геральд», чтобы *«свершить правосудие в память о друге и соотечественнике, павшем жертвой своего великодушного сочувствия к России и несправедливого обращения с ним»* [14, с. 2].

Другой «конфликтный» случай носит скорее анекдотический характер и произошел с американским хирургом Джессе Ореном (Jesse Oren, 1824-1897). В 1854 г. Орен получил степень доктора в Пенсильванском медицинском университете в Филадельфии, а на следующий год поступил на службу по контракту в российскую армию. Осень и зиму 1855 г. он служил в госпитале в Бахчисарае, а затем был переведен в госпиталь №18 в Херсоне, в котором служил до окончания войны. С этим переводом и связана история о 25 рублях, пожалованных ему российским императором, которую сам Орен, очевидно, любил рассказывать, поскольку она дошла до нас в изложении его биографов.

По его прибытии в Крым Орену дали две недели на ознакомление с условиями госпитальной службы. За это время он должен был изучить «русскую фармакопею на латинском языке» и выучить необходимые медицинские фразы для общения с больными. В наставники к нему приставили немецкого врача, которому доктор Орен поначалу помогал во

время обхода палат. Спустя две недели он *«приступил к исполнению своих обязанностей, сопровождаемый немецким врачом в роли критика и судьи»*. Диктуя фельдшеру рецепт какого-то лекарства, Орен указал в качестве связующего вещества патоку, чем вызвал недовольство немецкого врача, потребовавшего использовать мед. Доктор Орен заметил, что использование патоки также упоминается в научной литературе. Немец предложил спор на бутылку вина, который доктор Орен поддержал, однако, заменил вино на пару сапог. В течение суток он сумел подтвердить свою правоту ссылкой на авторитетный источник и выиграл спор, о котором уже знал весь госпиталь. Император Александр II, находясь в поездке по Крыму, узнал об обстоятельствах этого спора от главврача и наградил доктора Орена 25 рублями, за которым последовал перевод *«в Херсон на более ответственную должность»* с новыми привилегиями, которые *«в течение трех месяцев принесли ему выгоду в размере 1000 долларов»*. На родину доктор Джессе Орен вернулся богатым человеком, сумев скопить на русской службе *«5000 долларов наличными»* [12, с. 340-341], [16, с. 696].

Еще один случай профессионального противостояния упоминается в дневнике Уильяма Джозефа Холта (William Joseph Holt, 1829-1881), содержащем множество интересных фактов касательно медицинского состояния русской армии. Однажды ему пришлось *«соревноваться»* с немецким врачом на *«скорость»* ампутации: *«Сегодня мой начальник, мой старый друг доктор Райский, позвал меня на ампутацию бедра солдата, которому предстояло отнятие обоих бедер. Немецкий врач должен был ампутировать другое бедро, и так как он чрезвычайно ревнив ко мне и обе операции были одинакового характера у одного и того же пациента, то у меня есть все основания полагать, что наш начальник проверял наше мастерство. Я сделал очень красивую операцию и закончил перевязывать бедро, пока немец все еще возился с артериями. Старый доктор отвел меня в сторону и объявил победителем»* [19, с. 27].

ОБСУЖДЕНИЕ. Вызов иностранным (немецким и американским) врачам, сделанный российским правительством в годы Крымской войны, имел под собой более сложные основания, чем лишь только необходимость оказания медицинской помощи раненым на театре военных действий. Иностранные врачи становились проводниками российского влияния на общественное мнение стран, занявших *«доброжелательный»* нейтралитет. И в этом российское правительство добилось определенных успехов, поскольку письма, дневники и воспоминания иностранных врачей в подавляющем своем большинстве создают положительный образ России и русских солдат в Крымскую войну и одновременно являются критическим голосом среди доминирующих на информационном поле сообщений британских и французских корреспондентов.

Отношения между русскими и иностранными врачами в значительной степени характеризуются неприязнью и напряженностью, что обусловлено, в первую очередь, привилегированным положением большинства иностранных врачей (проявляющимся в занимаемых чинах, более высоких окладах и возможности досрочного увольнения со службы). Будучи не в состоянии высказать свое недовольство российскому правительству, отечественные врачи культивировали стереотип о *«немецком засилье»* и могли проявлять *«неколлегиальное поведение»*, что представляло для иностранных врачей дополнительную трудность в чужом языковом и культурном мире. Излишне говорить, что и к *«своим»* немецким врачам (как прибалтийским, так и принявшим русское подданство) русские медики также относились с предубеждением и ревностью.

Неприязнь в отношениях существовала и в отношениях между самими иностранными врачами. Причина заключалась в чувстве профессионального и национального превосходства немецких врачей над своими американскими коллегами. Немецкие доктора воспринимали заокеанских коллег, скорее, как ремесленников, не владевших всеми тайнами медицинской науки; себе немцы отводили, скорее, роль наставников с непререкаемым авторитетом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Негативная оценка деятельности иностранных врачей в Крымскую войну в отечественной критической литературе носит в своей основе субъективный характер и во многом объясняется завистью русских врачей по отношению к своим иностранным

коллегам, поставленным в более привилегированное положение. Напряженность в отношениях между немецкими и американскими медиками обусловлена, в первую очередь, профессиональным соперничеством и чувством национальной гордости, что видно из рассмотренных конфликтных ситуаций из жизни американских врачей Колумбуса Давеги, Джона Стоддарда, Джессе Орена и Уильяма Джозефа Холта.

Проанализированные материалы отнюдь не являются исчерпывающими, но все же позволяют задать определенные параметры общей картины отношений между русскими и иностранными врачами, а также между американскими и немецкими медиками в Крымскую войну. Необходимость дальнейших изысканий и более глубокой проработки данной темы сохраняется.

Список литературы:

1. Гюббенет Х. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854-1856 г. Приложение к «Описанию обороны Севастополя». – СПб.: в тип. Н.Неклюдова, 1870. – 175 с.
2. Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования гос. имп. Александра Николаевича (1855-1880 гг.). Т. II / Сост. М.С. Максимовским, Н.К. Шильдером, М.П. Хорошхиным; под руковод. М.И.Богдановича. – СПб., 1879. – 615 с.
3. Костромитинов А. Два события в Сан-Франциско в 1855 и 1856 году: Рассказ очевидца // Русский вестник. – 1866. – Т. 64. – С.47-56.
4. Пирогов Н. Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции. Ч. 1. – Дрезден: Тип. Э. Блохмана и сына, 1865. – 443 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXX. Отделение первое. 1855. – СПб., 1856. – 778 с.
6. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. Т. 5: Письма: 1850–1859 / Сост. Н.И. Цимбаев. – М.: Классика, 2005. – 496 с.
7. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. Т. 6: Письма: 1860-1873 / Сост. Л.Н. Кузина. – М.: Классика, 2004. – 592 с.
8. A Voice from within Sebastopol [Letters of Dr. Draper for Providence Journal] // The Sydney Morning Herald. – 13 August 1855. – Vol. XXXV. – №5651. – P. 8.
9. An American in Sebastopol [A letter of Dr. W.R. Whitehead from Sebastopol, April 14, 1855] // M'arthur Democrat. – 10 August 1855. – Vol. 3. – №51. – P. 1.
10. Der Bayerische Landbote. 14. Juli 1855. №195. S. 779.
11. Die aerztliche Praxis in Nordamerika // Unterhaltendes Sonntagsblatt des Bayerischen Volksblattes. IV. Jahrgang. – 18. November 1855. – № 46. – S. 183-184.
12. Dr. Jesse Oren // Historical and Biographical Record of Black Hawk County, Iowa. – Chicago, 1886. – P. 336-342.
13. Geudtner [F.S.] Vier Monate in Sebastopol. – Riesa, 1855. – 16 S.
14. Our Crimean Correspondence (Simpheropol, Jan. 28, 1856) // The New York Herald. Morning Edition. – March 10, 1856. – №7133. – P. 2.
15. Parke C.R. Personal Recollections of American Surgeons in the Crimean War // The Alumni Register of the University of Pennsylvania. – 1901. – Vol. V. – №6. – P. 189-190.
16. Poppleton O.O. Biography of Dr. Jesse Oren // Gleanings in Bee Culture. – October 1, 1897. – Vol. XXV. – №19. – P. 695-696.
17. [Rausch A.] Aus dem Briefe eines baierischen Arztes (Schluß) [aus Simferopol, im Januar 1856] // Fränkischer Kurier. – 20. Februar 1856. – №52. – S. 1.
18. Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia: 1763-1867. – Lawrence: University Press of Kansas, 1991. – 448 p.
19. Waring J.I. The Journal of Dr. William Joseph Holt in the Crimean War // Journal of the South Carolina Medical Association. – 1966. – Vol. 62. – №1. – P. 24-28.

20. White A.D. Autobiography of Andrew Dickson White: in 2 vols. Vol. 1. – New York: the Century Co., 1906. – 601 p.

21. Whitehead W.R. Autobiography of a Western Surgeon // The Magazine of Western History. – December 1889. – P. 197-206.

УДК811.112.2'25'42:94(100)"1939/45"

РЕАЛИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НЕМЕЦКОМ ЛЕКСИКОНЕ

Львова Светлана Николаевна

студент 4 курса

Комуцци Людмила Владимировна

научный руководитель

REALIA OF WORLD WAR II AND THEIR REPRESENTATION IN THE GERMAN LEXIS

Svetlana Lvova

4th year student

Ludmila Komutstsi

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена исследованию и систематизации немецких национально-маркированных единиц – реалий, порожденных культурным и историко-географическим контекстом периода 1939-1945 гг. Методология исследования опирается на принципы изучения реалий в лингвокультурологии и лингвострановедении. С помощью контент-анализа лингвострановедческих словарей, художественных, публицистических и исторических текстов изучено 25 немецких реалий и их русских эквивалентов, которые создаются, чаще всего, с помощью таких переводческих приемов, как транслитерация и калькирование.

Ключевые слова: реалия; национально-маркированная единица; лингвострановедение; Вторая мировая война; Германия; лингвострановедческий комментарий.

ABSTRACT. The article considers German nationally-marked words, or realia, generated by the cultural and historical-geographical context of the period from 1939 to 1945. Methodologically the research is based on the principles of linguo-cultural studies and linguo-country study. Using the method of content-analysis of a number of dictionaries, literary, publicist and historical texts, we have characterized 25 German realia and their Russian equivalents, which were created, most typically, by transliteration and calquing.

Keywords: realia; national-marked unit; culture-oriented linguistics; World War II; Germany; culture-oriented linguistic analysis; culture-oriented linguistic commentary.

ВВЕДЕНИЕ. Исследования Второй мировой войны, радикально повлиявшей на цивилизационные процессы, остаются актуальными уже не одно десятилетие в разных областях знания. В период с 1939 по 1945 год в немецком языке появилось множество национально-маркированных лексических единиц, и, прежде всего, специфических военных, политических реалий, сконструированных фашистским режимом, которые представляют значительный интерес для теории межкультурной коммуникации и лингвокультурологии – дисциплин, способных объяснить многомерные смыслы того явления, сформировавшего общественное сознание не только немцев, но и других наций и культур, вовлеченных в те события. Связь между языком и культурой наиболее ярко представлена на лексическом

уровне, в частности, на уровне культурно-маркированной лексики, отражающей специфику национально-культурной исторической картины мира Германии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование включает в себя три этапа. На первом этапе был выполнен обзор и анализ теоретической литературы по лингвострановедению и лингвокультурологии с целью определения сущности ключевого для темы исследования понятия «реалия» и принципов классификации реалий. Второй этап предполагает составление корпуса текстов, в который вошли исторические документы соответствующего периода, а также художественная, историческая и публицистическая литература по выбранной теме. На третьем этапе мы методом контент-анализа выделили из этого корпуса 25 единиц, ярко маркированных идеологией нацизма, дали их лингвострановедческий комментарий и систематизировали, классифицировав по группам. Кроме того, мы рассмотрели типичные приемы перевода выделенных единиц.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Реалии определяются в лингвострановедении как «культурно-специфические языковые средства» [3, с. 29], при этом в их изучении, систематизации и классификации уже накоплен значительный опыт (Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин [1; 2; 7] и др.). Лингвисты сходятся в том, что отличительная черта реалий – «наличие некоторой информации, сущность которой определяется уникальностью обозначаемых ими предметов и явлений, характерных лишь для данной этнокультуры» [6, с. 4]. Вследствие того, что реалии выражают понятия одной культуры, которые отсутствуют в другой культуре, они, «как правило, не переводятся на другой язык одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат. Переводчикам <...> приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы», – полагает Г.Д. Томахин [7, с. 54]. Е.И. Шумагер пишет, что «безэквивалентность, то есть отсутствие готового переводческого соответствия для слов данного типа в других языках» [8, с. 10] является лишь дополнительным признаком культурно-маркированных единиц, в то время как Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров утверждают, что «непереводимость реалий на другие языки с помощью постоянного соответствия, их несоотнесенность со <...> словом другого языка» являются характерной чертой исследуемых единиц и явлений. С данной точки зрения реалии привлекают внимание «специалистов по составлению словарей, исследователей «компонентов» в содержании слова, но больше всего теоретиков перевода» [1, с. 35]. Реалии являются языковыми единицами, которые специфичны и уникальны для каждой отдельно взятой культуры.

Таким образом, культурно-маркированная лексика представляет собой, своего рода, «хранителя» информации определенной культуры или народа. Более того, она расширяет и обогащает лингвистические и страноведческие знания. По этой причине, переводчик, который работает в сфере межкультурной коммуникации, должен обладать межкультурной компетенцией, одним из компонентов которой является культурно-маркированная лексика, позволяющая человеку выйти за пределы собственной культуры и перенять качества медиатора культур, не теряя при этом собственной культурной принадлежности [2, с. 215].

РЕЗУЛЬТАТЫ. В период с 1939 по 1945 год в Германии появилось большое количество документов, запечатлевших идеологию, стиль и характер военных действий, порожденных правлением Гитлера. В послевоенные годы реалии Второй мировой войны интерпретировались публицистами, историками и писателями не только Германии, но и практически всего мира. Из корпуса таких текстов мы отобрали 25 национально и идеологически-маркированных лексических единиц, которые разделили на две группы: 1) ономастические и документальные реалии и 2) реалии – именованья средств уничтожения противника.

К первой группе относятся названия важнейших исторических договоров того периода. Один из них называется “Der Dreimächtepakt – einam 27. September 1940 auf Initiative Adolf Hitlers geschlossener Vertrag des Deutschen Reiches mit dem Kaiserreich Japan und dem Königreich Italien” [12] – Тройственный пакт – договор о военном агрессивном союзе между фашистской Германией, Италией и Японией от 27 сентября 1940 года, который

предусматривал раздел мира между ними [4]. Детали этого пакта рассматриваются, в частности, в недавно изданной книге венгерского автора, Иштвана Деака, переведенной на немецкий язык [10, с.144-150].

К ономастическим реалиям относятся и специфические именованья военных рангов, к примеру, „Der Nationalsozialistischer Führungsoffizier (“NSFO”/ NS-Führungsoffizier) – ein Tätigkeitsbereich von Offizieren der deutschen Wehrmacht im Zweiten Weltkrieg“ [11]. В русском языке нет эквивалента, обозначающего эту должность. Есть описательный перевод данной реалии: «*Офицер, национал-социалист, отвечающий за идеологическую работу; офицер, отвечающий за политическую подготовку*» [4]. В русских текстах эта реалия встречается редко. В немецких текстах, особенно в архивных документах, она является весьма частотной. Например, в стенограмме совещания Гитлера с генералом Германом Райнеке, отвечавшим за идеологическую работу в тот период, – “Besprechung des Führers mit General Reinecke am 7. Januar 1944 in der Wolfsschanze”, где речь идет о целых штабах таких офицеров, “Nationalsozialistischen Führungsstabes” [9].

Следующая реалия, относящаяся к первой группе – широко распространенная в Германии того времени национально-маркированная лексическая единица, которая одновременно являлась и лозунгом, и приветствием, и прощанием. “Siegheil – Siegheilruf der Nationalsozialisten“ [11]. «Зигхайль – немецкое приветствие в Третьем рейхе, состоявшее из поднятия правой руки под углом примерно в 45 градусов с прямой ладонью и восклицания. В приветствии, обращенном к самому фюреру, говорилось “Heil!” или “Heil, mein Führer!” Будучи частью культа личности Гитлера, фраза “Heil Hitler!” очень широко употреблялась и в письменном виде, обычно в конце писем (в том числе и частных), объявлений и приказов» [4].

Ко второй группе реалий – именованья средств уничтожения противника – мы относим такое: “Die 80-cm-Kanone (E) – einschweres „Sondergeschütz“ der Wehrmacht im Zweiten Weltkrieg“ [13, S. 110]. В русском языке эта реалия звучит совершенно по-другому: «Дóра» – уникальное сверхтяжёлое железнодорожное артиллерийское орудие германской армии», разработанное фирмой «Крупп» в Германии в 1937 году. Оно было применено при штурме Севастополя в 1942 году [4]. В статье для издания «Зеркало Недели» Николай Семёна написал: «знаменитая пушка “Дора” калибра 800 мм. <...> была спроектирована для разрушения наиболее мощных сооружений линии Мажино, однако использовать её там для этого не пришлось <...> тем не менее, это орудие одним выстрелом уничтожило большой склад боеприпасов на северном берегу бухты Северной, укрытый в скалах на глубине около 30 м.» [5, с. 7].

Еще один пример, отражающий, в свою очередь, отношение к людям немецких врачей, – Люминал. “Hermann Paul Nitsche entwickelte 1940 in der Heilanstalt Leipzig-Dösendas „Luminal-Schema“, bei dem über mehrere Tage dreimal täglich leicht über dosiert Luminal (Phenobarbital) injiziert wurde” [4]. В немецко-русском словаре «Академик» дается следующее определение: «Люминал – средство умерщвления, которое применяли фашисты в лагерях смерти» [12]. Врач-психиатр Ф. Вертхам в своей книге «Печать Каина: исследование человеческого насилия» впоследствии писал: «Их знакомили со способами массового убийства, например, удушением газом, использованием веронала, люминала и морфия-сколопамина, технологией кремации и так далее. Это называлось обучением основам «милосердного убийства». «Наглядными пособиями» во время этих уроков были душевнобольные люди. На них опробовались и проверялись методы, позже применявшиеся к евреям и другому гражданскому населению оккупированных стран» [15, с. 116].

В художественной литературе так называемого «потерянного поколения» часто встречаются примеры реалий периода Первой и Второй мировых войн. Станиоль, в частности, упоминается в знаменитом романе Эриха Марии Ремарка «Время жить и время умирать». В немецком электронном словаре “Duden” есть определение данной лексической единицы: “Das Staniol – dünne, meist silbrigglänzende Folie aus Zinn oder Aluminium“ [11]. В тексте романа говорится: «Самолеты сбрасывают его целыми пачками, чтобы нарушить

радиосвязь. Кажется, тогда нельзя установить, где они находятся, или что-то в этом роде. Тонко нарезанные полоски станиоля, медленно опускаясь, задерживают радиоволны и мешают им распространяться» [14, с. 325]. Станиоль не являлся средством непосредственного уничтожения противника, но играл вспомогательную роль в этом, что позволяет отнести данную реалию ко второй группе.

ОБСУЖДЕНИЕ. С точки зрения лингвострановедения, Вторая мировая война представляет собой период, известный не только мировыми событиями и глобальными трагедиями, но и является источником специфических национально-маркированных лексических единиц. Прежде всего, это напрямую касается Германии и ее культурных особенностей того периода. Некоторые из реалий Второй мировой войны закрепились не только в немецком, но и в русском языке. Использование этих реалий в речи, бесспорно, вызовет ассоциации с этим историческим периодом, что еще раз подчеркивает их зловещую культурно-историческую окрашенность.

Все рассмотренные единицы можно условно разделить на четыре группы.

В первую группу вошли названия войск (*die Luftwaffe*), должностей (*der NSFO*), воинских подразделений (*die 1. Gebirgs-Division, Brandenburger*), организаций (*die Deutsche Ahnenerbe*), учреждений (*der Kontrationslager*) и знаков за особые военные заслуги (*Panzervernichtungsabzeichen*). Все реалии обозначают объекты, предметы и людей, непосредственно связанных с военным устройством государства.

Во второй группе содержатся наименования официальных документов, имеющих отношение не только к самой Второй мировой войне, но и к причинам, повлиявшим на ее события: планы, договоры, соглашения (*Unternehmen Barbarossa, der Dreimächepakt, Nacht-und-Nebel-Erlass*). К этой же группе можно отнести названия периодов войны, которые часто встречаются в литературе (*der Sitzkrieg*).

Третья группа содержит наименования специальных средств, использовавшихся немецкими войсками в ходе военных действий с целью обезвредить и уничтожить врага (*Das Staniol, Veronal, Luminal, Morphinum-Skolopamin, die 80-cm-Kanone*).

К четвертой группе относятся девизы, лозунги приветствие, которое также являлось лозунгом, призывом и стало реалией, отражающей суть того временного периода (*Siegheil*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведенный лингвострановедческий анализ позволяет оценить потенциал изучения лексики не только немецкого, но и любого другого языка. Изучение только словарных значений позволяет решать коммуникативные задачи, но не позволяет проникнуться духом эпохи, идеями, витавшими в ее воздухе и питавшими и до сих пор питающими менталитет народа – носителя языка. Анализ реалий открывает возможность перейти от структуры языка к дискурсу, к бытованиям и верованиям народа. Такой подход, иными словами, делает из тех, кто изучает язык, билингвов – языковых личностей, осваивающих не только лексику и грамматику, но и национальную картину мира.

БЛАГОДАРНОСТИ. Огромное спасибо моим родителям. Без их мотивации и поддержки у меня бы ничего не вышло.

Список литературы:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Издательство Московского университета, 1971. – 83 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
3. Донец П.Н. Перевод и межкультурная адаптация текста / Донец П.Н. // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж, 2006. – Вып. 7, ч. 11. – С. 29-39.
4. Немецко-русский словарь academic. [Электронный ресурс]. – URL: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения: 06.12.2019).
5. Семена Н. О некоторых малоизвестных страницах обороны Севастополя // Зеркало недели. 2002. – № 22. – С. 7-8.

6. Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Прогресс, 1987. – С.3-20.
7. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы / Г.Д. Томахин. – М. : Высшая школа, 1988. – 240 с.
8. Шумагер Е. И. Слова-этнореалии в составе лексики современного немецкого языка (на материале словарей) [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. И. Шумагер. – Калинин, 1986. – 18 с.
9. Das Bundesarchiv [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bundesarchiv.de/> (дата обращения: 05.12.2019).
10. Deák I. Kollaboration, Widerstand und Vergeltung im Europa des Zweiten Weltkrieges / Aus dem Ungarischen übersetzt von Andreas Schmidt-Schweizer. – Wien: Böhlau Verlag, 2017. – 367 S.
11. Dudendeutsch-deutsches Wörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.duden.de/woerterbuch/> (дата обращения: 06.12.2019).
12. Lexikon der Wehrmacht [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Gliederungen/Gebirgsdivisionen/GebDiv1.htm> (дата обращения: 05.12.2019).
13. Justrow K. Die deutschen Wundergeschütze „Dora“ und „Karl“ im Blickfeld der Obersten Führung. – Berlin: Duncker & Humblot, 2018. – 495 S.
14. Remarque E. M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben / E. M. Remarque. – Köln: KiWi-Taschenbuch, 2006. – 416 S.
15. Wertham F. A sign for Cain / F.A. Wertham. – London: Robert Hale Ltd., 1966. – 230 S.

УДК 659.123:811.1'255.2/.4'42

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
АНГЛО-, ФРАНКО- И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ**

Порхунова Евгения Александровна

студент 5 курса

Михайлова Евгения Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

**LINGUOCULTURAL TRANSLATION PECULIARITIES OF
ENGLISH, FRENCH AND SPANISH ADVERTISING TEXTS**

Evgenia Porkhunova

5th year student

Evgenia Mikhailova

PhD in Philological Science, associate professor

АННОТАЦИЯ. Рекламные тексты отличают лингвистические и культурные особенности языка, на которых они написаны. Они стали своеобразным средством самоидентификации народа и частью лингвокультуры. Реклама осуществляет следующие функции: экономическую, социальную, маркетинговую, коммуникативную. В нашем исследовании большое внимание уделяется социальной и коммуникативной функциям, так как они отражают социальные стороны жизни народа: его традиции, привычки, стиль жизни и т.д. Данная статья посвящена исследованию лингвокультурных особенностей перевода рекламных текстов и слоганов на материале английского, французского и испанского языков. Выявляются лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на выбор рекламной лексики. Анализируются различные переводческие приемы при передаче информации английской рекламы на французский и испанский языки, а также французской и испанской рекламы на английский язык. В этих случаях текст либо полностью передается на языке оригинала, либо используется буквальный перевод, либо применяются определенные

лексико-грамматические трансформации для соблюдения правил грамматики того или иного языка. Объясняются причины более частого употребления англицизмов во франко- и испаноязычных рекламных текстах. Англицизмы играют важную роль в привлечении внимания и повышении престижа бренда и их использование стало уже модной тенденцией. Французские аналоги англицизмов иногда отбрасываются ради стилистического эффекта от их использования. Данное исследование может применяться при изучении лингвокультурного переводческого аспекта, в качестве демонстрационного материала.

Ключевые слова: английский язык; французский язык; испанский язык; рекламный текст; слоган; англицизм; лингвокультура.

ABSTRACT. Advertising texts are distinguished by the linguistic and cultural characteristics of the language they are written in. They became a specific means of self-identification of the people and a part of the linguistic culture. Advertising carries out the following functions: economic, social, marketing, and communicative ones. In this work, much attention is paid to social and communicative functions, as they reflect the social aspects of people's life: its traditions, habits, lifestyle, etc. This article is devoted to the study of linguistic and cultural features of the translation of advertising texts and slogans on the material of English, French and Spanish. Linguistic and extralinguistic factors affecting the choice of advertising vocabulary are revealed. Various translation techniques for transmitting information from English advertisements into French and Spanish ones, as well as French and Spanish advertisements into English ones are analyzed. In these cases, the text is either completely written in the original language, or a literal translation is used, or certain lexico-grammatical transformations are applied to comply with the grammar rules of the particular language. The reasons for more frequent usage of Anglicism in French and Spanish advertising texts are explained. Anglicisms play an important role in attracting attention and increasing brand prestige, and their use has become a fashionable trend. French analogues of Anglicisms are sometimes discarded for the stylistic effect of their use. This material can be used in the study of linguistic and cultural translation aspect, as a demonstration material.

Keywords: English; French; Spanish; advertising text; slogan; anglicism; linguoculture.

ВВЕДЕНИЕ. С развитием экономики, рекламные тексты проникли во все сферы деятельности человека, выйдя за пределы рекламных постеров и буклетов. Тексты, призванные продать продукт, широко используются производителями различных товаров. Их отличают характерный стиль и особые стилистические средства. Вместе с тем, в рекламных текстах проявляются лингвистические и культурные особенности языка, на которых они написаны, они стали своеобразным способом самоидентификации народа и частью лингвокультуры, что и делает данное исследование актуальным в рамках изучения взаимосвязи языка и культуры.

Перевод рекламного текста, в частности, значительно отличается от перевода художественной литературы и от каких-либо других переводов в целом. Если в художественном произведении переводчик обязан передать художественно также и эстетические достоинства оригинала, то в рекламном тексте больше внимания уделяется экспрессивным языковым средствам, а также ярко выраженной коммуникативной направленности текстового сообщения. Рекламные тексты помогают определить лингвистические особенности определенного социокультурного пространства и специфику их реализации в соответствующей языковой среде.

В данной статье рассматриваются особенности перевода рекламных текстов. Цель статьи – исследовать лингвокультурные способы перевода английских, французских и испанских рекламных текстов с учетом культурной принадлежности аудитории и создателей продуктов. Данная цель определила следующие задачи: 1) выявить стилистические и лексические характеристики рекламных текстов; 2) определить сходства и различия англо-, франко- и испаноязычных рекламных текстов; 3) проанализировать своеобразие переводов таких текстов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами исследования послужили рекламные тексты англо-, франко- и испаноязычных производителей продукции: современные письменные рекламные тексты и слоганы британских, американских, французских и испанских фирм. Для достижения поставленных целей мы применяли комплексную методику лингвистического анализа: синтаксический, лексический и словообразовательный анализ текстов, метод сопоставительного анализа, а также описательный метод, под которым мы подразумеваем совокупность исследовательских приемов, позволяющих продвигаться от частных наблюдений к обобщениям и выводам.

ОБСУЖДЕНИЕ. Реклама – это оплаченное присутствие в СМИ информации о фирме (товаре, услуге), имеющее целью увеличить ее известность и обороты. Реклама преследует две основные цели: ознакомить потенциальную аудиторию с фирмой, продуктом, услугой; побудить людей испытать ваш товар или услугу, а затем сделать повторную покупку [2, с. 30].

Во многом эффективность рекламной кампании зависит от языкового оформления рекламного текста. Хороший слоган поддерживает имидж компании и отражает ее специфику. Удачные рекламные слоганы живут годами, становясь частью современной цивилизации и проникая в языковую среду получателей рекламной информации. Для привлечения внимания к слоганам, а, следовательно, и к продукции, рекламодатели нередко прибегают к стилистическим средствам выразительности.

Художественные приемы положительно влияют на восприятие и запоминание слогана потребителем. В создании игрового стиля рекламного слогана участвуют разноуровневые языковые средства – фонетические, графические, лексические, морфологические, словообразовательные и другие [1]. Разумеется, данные приемы не реализуются сами по себе, а взаимодействуют с иными (паралингвистическими) средствами, такими как изображение, музыкальное сопровождение, цвет шрифта и т.д.

Поскольку наиболее запоминаемым элементом рекламного ролика является именно слоган, то рекламодателям приходится прибегать ко всем возможным способам повышения его экспрессивности, что можно достичь, главным образом, за счет стилистически окрашенной лексики и синтаксиса, позволяющих создать конкретно-чувственный образ. Доминирующими стилистическими приемами в рекламных слоганах являются аллитерация, эллипсис и каламбур [3]. Последний служит одним из ярких рекламных приемов при передаче юмора. Каламбур нашел широкое применение, как в слоганах, так и в рекламных тестах благодаря цели, которую чаще всего преследует юмор, а именно – завоевать внимание аудитории и вызвать симпатию.

Перевод рекламных текстов несколько отличается от перевода художественных произведений. Эти отличия проявляются в разной коммуникативной направленности текстов, в форме их перевода, а также в возможности использования различных языковых средств. Кроме того, процесс создания нового эквивалентного текста рекламного характера на языке перевода требует от переводчика решения проблемы социолингвистической адаптации текста. Рекламный текст передает свойства рекламируемого товара не только с помощью образов, но и при помощи языка.

Когда речь идет о французском и английском языках, первый часто стремится к заимствованию фраз и выражений, вошедших в обиход в англоязычном мире. Некоторые английские лексические единицы подвергаются во французском языке морфологической трансформации при заимствовании (например, слово *booster*, образованное при помощи окончания *-er*, характерного для глаголов I группы во французском языке, от английского глагола *boost* – «увеличивать эффективность, продвигать»). В то же время, некоторые английские слова и словосочетания остаются неизменными во французском: *l'ex-star*, *un shot*, *un shampoing*, *une make-up*, *un hair stylist*.

Стоит отметить, что для упомянутых выше англицизмов существуют французские эквиваленты. Но франкоязычные специалисты по рекламе, однако, предпочитают использовать англицизмы, поскольку это соответствует их маркетинговой стратегии. Наряду

с разговорными выражениями – *c'est funny* вместо *c'est amusant*, или *c'est fake* вместо *c'est untrucage*, – существуют, так называемые "модные слова", которые настолько вошли в словарный запас молодежи, что рекламщики употребляют их, чтобы привлечь внимание целевой аудитории. Таким образом, некоторые английские слова остаются непереуведенными (аутентичными).

Не переводятся на французский язык и некоторые фирменные слоганы, такие как *Make Believe* брэнда электроники "Sony", *The art of Raw* джинсовой марки "Raw Denim", *The Brand Store* машинного производителя "BMW". Подобный подход к переводу вызывает дискуссию среди французов. С одной стороны, слоган на английском языке привлекает и удерживает внимание потенциального клиента, создает положительное отношение и интерес к брэнду, с другой стороны, его перевод на французский язык может не привести к ожидаемому эффекту. Отсутствие перевода слоганов иногда объясняется каламбурными ситуациями, к которым приводит неудачный перевод рекламного сообщения. К таким случаям относится некорректный перевод известного продукта сети ресторанов быстрого питания, а именно название бургера *Big Mac* передано как *Gros Mec*, что в переводе на русский язык означает «толстый парень».

Французский менталитет довольно точно отразили переводчики слогана газированных напитков фирмы "Coca Cola", переведя английское выражение *Taste the Feeling* («Попробуй чувство на вкус») на французский, как *Savour el'instant* («Почувствуй вкус момента»). Французы славятся своей манерой не торопиться и медленно совершать повседневные действия. По этой причине, переводчики решили сделать акцент не на вкусе продукта, а на умении наслаждаться моментом и получать от жизни удовольствие.

В свою очередь, англоязычной публике также хорошо знакомы французские слоганы, оставшиеся неизменными, такие как слоганы воздушной компании "Air France" – *Faire du cielle plus bel en droit de laterre* («Сделать небо самым красивым местом на земле») и косметической фирмы "Rive Gauche" – *Cen'est pas un parfum pour les femmes effacées* («Этот парфюм не для безликих женщин»).

Как уже упоминалось в нашей работе, в рекламе часто используются иностранные слова для привлечения внимания читателя или слушателя. Принимая во внимание тенденцию французского языка к заимствованию английских слов и внедрения их в текст, приводим один из соответствующих наглядных примеров – заголовок к описанию одного из магазинов музея «La Maison de la Vache qui Rit» (руссийское название «Веселая Буренка») [4] – проекта, организованного производителями плавленного сыра:

(French) *Un concept-store à vivre en famille.*

(English) *A concept-store to enjoy with your family.*

Представленный перевод заголовка является ярким примером привлечения англоязычных заимствований, учитывая, что разработчиками даже для французской (оригинальной) версии сайта выбран англоязычный термин *concept-store*, который, соответственно, остался неизменным при переводе на английский язык. В рассматриваемом заголовке привлекает внимание не только использование заимствованного термина, а и аспект того, что французы для рекламы одного и того же заведения выбрали выражение *à vivre en famille* («для жизни всей семьей»), которое в переводе на английский язык приобретает новую окраску благодаря выражению *enjoy with your family* («веселиться всей семьей»).

Как и в случае с французским языком, при переводе с испанского на английский язык, переводчикам приходится прибегать к ряду грамматических трансформаций, что связано со структурным различием этих языков. Один из наглядных примеров – позиция определения в предложении. Сравним выдержку, взятую с официального сайта испанской марки обуви "LolitaBlu":

(Spanish) *Lolita Blu representa nuestra gama de productos de más tendencia y moda e incluye las marcas españolas de mayor prestigio.*

(English) *Lolita Blu represents our **most fancy and trendy** range of shoes and includes **the most prestigious** Spanish brands.*

Для положения определения в испанском языке характерна постпозиция. К тому же, в данном примере заметно, что предпочтение отдается существительным, а не прилагательным (*de más tendencia y moda; de mayor prestigio*). Оба определения можно выразить прилагательными *tendenciosos, prestigiosas*, но в таком случае будет сложнее передать усилители признака (*de **mayor** prestigio*). В английском варианте переводчик обошелся превосходной степенью прилагательных “*most fancy and trendy; the most prestigious*”, что звучит более привычно, чем выражение “*of the greatest fancy/trend*”.

Как и в других странах, испаноязычные рекламщики используют англицизмы, прочно закрепленные в лексиконе средств массовой информации и ставшие привычными для потребителя. К примеру, в рекламных статьях и заголовках часто встречаются такие заимствования, как *los **must-have*** и *un **bestseller***. В то же время, можно отметить, что переводчики рекламного текста сайта фирмы косметики “Natura Bisse” нашли другие эквиваленты англицизмам в оригинальном (испанском варианте):

(Spanish) LOS **MUST-HAVE** DEL UNIVERSO NATURA BISSÉ.

(English) OUR MOST COVETED PRODUCTS.

Принимая во внимание слова главы Королевской академии испанского языка (Real Academia Española – RAE) Дарио Вильянуэва, который отметил, что академия не против использования заимствований, при условии, что оно оправдано [5], а также замечания, что использование англицизмов превратилось в модную тенденцию, мы делаем вывод, что для испаноязычных авторов рекламного текста англицизм в заголовке – это еще один маркетинговый ход, в то время, как англоязычного потребителя словосочетанием *must-have* впечатлить сложно.

Предлагаем рассмотреть пример перевода телевизионной рекламы с английского на испанский язык – Vita Lift 5 (L’Oréal Men Expert) с участием британского актера Хью Лори.

HUGH LAURIE: *One day you wake up **and it hits you**. You are 45 and a bit. So what do you do? Panic? No. **Do you become spiritual?** Write your life story? Go on a diet? Cheat? Use the knife? You can go far far away or rediscover your youth. Come on! Make new friends or you can do what I do. I just keep on being myself. And keep my skin looking good.*

HUGH LAURIE: *Un día te levantas **y zas!** Te sacude. Tienes 45 y pico. ¿Y qué haces? ¿Entras en pánico? No. ¿**Te haces budista?** ¿Escribes tu biografía? ¿Haces dieta? ¿Haces trampas? ¿Recurres al bisturí? ¿Huyes muy muy lejos? ¿Redescubres tu juventud? ¡Venga ya! Haz nuevos amigos o haz como yo. Simplemente sigo siendo yo mismo. Y mantengomi piel con buen aspecto.*

Как можно отметить, переводчик прибег к буквальному переводу без значительных переводческих трансформаций. В то же время, некоторые фразы на испанском языке приняли другой вид. Например, фразу *and it hits you* передали ономотопеей *y zas!*, а риторический вопрос *Do you become spiritual?* благодаря конкретизации превратился в вопрос *Te haces budista?* что указывает на определенную социокультурную принадлежность переводчика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, как показал анализ языкового материала, главной особенностью современных рекламных текстов и слоганов на французском и испанском языках является использование создателями реклам англицизмов, что обусловлено потребностью в словах для именования новых реалий, а также модой. Употребление англицизмов в слоганах превращается в модную тенденцию. Рекламные тексты ограничены в пространстве и времени, в то время, как английский язык позволяет передать больше информации меньшим количеством слов. Знание английского языка в современном обществе считается престижным. Применение иностранных слов из другого языка привлекает внимание, создавая необходимый рекламодателю эффект. При передаче же рекламных текстов с французского и испанского языков на английский, рекламщики либо полностью заимствуют текст на языке оригинала, либо используют буквальный его перевод, либо

прибегают к определенным лексико-грамматическим трансформациям для соблюдения соответствующих правил грамматики английского языка.

Выявление стратегии переводчика – задача сложная. При переводе рекламного текста необходимо обращать внимание не только на лингвистические и стилистические аспекты, но и на экстралингвистические. Рекламный текст оказывает эмоциональное воздействие на целевую аудиторию, мотивирует к покупке не просто побудительными формами глаголов, но и воздействует психологически. Основная характеристика правильного перевода текста на иностранный язык – это сохранение такого воздействия. Следовательно, цель переводчика – обдумать и предвидеть реакцию людей на тот или иной вариант перевода. Он должен учитывать не только особенности языка страны, в которой будет происходить реализация товара, но и учитывать психологические, культурные, исторические и национальные особенности социума. Перевод рекламы не ставит своей задачей создание нового «произведения», поэтому возникает проблема решения двух задач: не слишком изменить текст, учитывая культурные особенности аудитории, и при этом сохранить посыл и интенцию первоначального текста.

Список литературы:

1. Блакар, Р.М. Рекламный текст семиотика и лингвистика / Р.М. Блакар, Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин. М.: Изд-во Гребенникова, 2000. – 268 с.
2. Зазыкин, В.Г. Психология в рекламе / В. Г. Зазыкин. – М.: Дата Стром, 1992. – 64 с.
3. Ильясова С.В. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и аномалия: монография / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. – М., 2016. – 328 с.
4. La Maison de la Vache qui Rit: [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <http://www.lamaisondelavachequirit.com> – Title from the screen.
5. La RAE presenta la primera actualización de la 23.edición de su DLE: [Electronic resource]. – Mode of access :<http://www.rae.es/noticias/la-rae-presenta-la-primera-actualizacion-de-la-23a-edicion-de-su-dle> - Title from the screen.

УДК 81.25

ВЛИЯНИЕ КАЛКИРОВАНИЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРИЁМА НА РАЗВИТИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

Прудников Антон Андреевич

курсант 2 курса

Анисимов Константин Александрович

курсант 2 курса

Исмаилов Джамаляддин Саяб Оглы

курсант 2 курса

Берзина Галина Петровна

научный руководитель

THE EFFECT OF CALQUING AS A TRANSLATION SHIFT ON THE DEVELOPMENT OF THE NATIVE LANGUAGE

Anton Prudnikov

2nd year cadet

Konstantin Anisimov

2nd year cadet

Jamalyaddin Ismailov

2nd year cadet

Galina Berzina

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особенностей влияния калькирования как переводческого приема на родной язык. Перевод – это древний вид человеческой деятельности, до сих пор выполняющий важнейшую социальную функцию, делая возможным межкультурное общение людей. Одним из методов, применяемых для перевода языковых единиц, не имеющих непосредственных лексических соответствий в языке перевода, является переводческий прием калькирования (дословный перевод): перевод слова или словосочетания исходного языка по частям с последующим сложением переведенных частей без каких-либо изменений. Большое количество словосочетаний в политической и культурной областях практически представляют собой кальки. Калькированию обычно подвергаются термины, широко употребляемые слова и словосочетания, названия памятников истории и культуры, политических партий, исторических событий, названия художественных произведений. Анализ теоретического материала показал, что данный переводческий приём недостаточно полно исследован в переводоведении. Актуальным является необходимость проведения дополнительных исследований по выявлению особенностей влияния калькирования на развитие и состояние родного языка. При анализе языкового материала, отобранного методом сплошной выборки из текстов современных публикаций Интернет-сайтов, используется сравнительно-сопоставительный метод. Авторы статьи приходят к выводу, что при переводе следует осторожно использовать переводческий приём калькирования, чтобы избежать засорения родного языка иностранными словами.

Ключевые слова: перевод; переводческая трансформация; переводческий прием; калькирование; заимствования.

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the peculiarities of the influence of calquing as a translation shift on the native language. Translation is an ancient type of human activity that still performs a crucial social function, making it possible for people to communicate across languages. One of the methods used for the translation of language units that do not have any direct lexical correspondences in the target language is the translation shift of calquing (literal translation), namely, the method of translating a word or phrase of the source language by parts, followed by addition of the translated parts without any changes. As a matter of fact, a large number of phrases in the political and cultural fields are calques. Terms, widely used words and phrases, names of historical and cultural monuments, political parties, historical events, and names of artistic works are usually subjected to calquing. The analysis of the theoretical material showed that this translation shift is not investigated fully enough in translation studies. Therefore, further research into the effects the technique of calquing is making on the development and on the condition of the native language seems to be of high relevance. For the analysis of the language material selected from the texts of recent publications on Internet sites by continuous sampling a comparative method is used. The authors of the article come to the conclusion that translators should be careful with calquing in order to avoid clogging the native language with foreign words.

Keywords: translation; translation transformation; translation shift; calquing; borrowings.

ВВЕДЕНИЕ. Изучение лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности, которую называют переводом или переводческой деятельностью, занимает важное место в современном языкознании. Перевод – это один из самых древних видов человеческой деятельности, и сегодня выполняющий важнейшую социальную функцию, делая возможным межкультурное общение людей. Большой вклад в развитие лингвистической теории перевода внесли крупные отечественные лингвисты Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Л.Л. Нелюбин, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер и многие другие. По их мнению, в процессе перевода иноязычного текста выделяют два типа единиц перевода: единицы со стандартной и нестандартной зависимостью.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для перевода единиц с нестандартной зависимостью используются переводческие трансформации, которые заключаются в изменении формальных или семантических компонентов текста при сохранении информации, предназначенной для передачи [4, с. 151; 2, с. 85]. В зависимости от характера

преобразований, среди переводческих трансформаций выделяют лексические, лексико-семантические, грамматические и стилистические. К лексическим трансформациям относятся транслитерация и калькирование. Цель статьи – выявить влияние такого типа переводческой трансформации как калькирование на развитие родного языка. Материалом исследования послужили 250 калькированных единиц, отобранных методом сплошной выборки из текстов публикаций Интернет-сайтов [8; 9; 10; 11].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Калькирование, согласно переводческому словарю, это переводческий приём, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода [4, с. 73], например: *international* «международный», *superpower* «сверхдержава», *head of the government* «глава правительства» и др. Калькирование применяется в том случае, когда требуется создать осмысленную единицу в тексте перевода и при этом сохранить элементы формы или функции исходной единицы. Однако калькирование не всегда бывает простой механической операцией перенесения исходной формы в переводящий язык, иногда приходится прибегать к некоторым трансформациям. В первую очередь это касается выбора нужного значения, изменения падежных форм, порядка слов, количества слов в словосочетании [2, с. 86].

К тому же, одно и то же английское слово переводится по-разному в зависимости от значения следующего за ним определенного существительного, например: *public opinion* «общественное мнение», *public debt* «государственный долг», *public scandal* «публичный скандал», *bad headache* «сильная головная боль», *bad mistake* «грубая ошибка», *bad accident* «тяжелый несчастный случай», *bad apple* «гнилое яблоко» и др.

Причиной появления кальки справедливо считается человеческий фактор. Если новому слову трудно найти соответствие в родном языке, то переводчик передаёт слово в той форме, в которой оно появилось. В 90-е годы прошлого века был зафиксирован большой приток калькированных единиц в русский язык. Происходили изменения в экономике, политике, культуре, поэтому в этих областях появилось много новых калек. Например, в политической сфере можно выделить такие слова как *speaker* «спикер», *consensus* «консенсус», *inauguration* «инаугурация». Кальки можно обнаружить в таких отраслях знания как наука и техника, финансово-коммерческая деятельность: *computer* «компьютер», *display* «дисплей», *file* «файл», *monitor* «монитор», *player* «плеер», *pager* «нейджер», *auditor* «аудитор», *broker* «брокер», *barter* «бартер», *manager* «менеджер», *merchandiser* «мерчендайзер». Мимо культурной и бытовой индустрии не прошли новые реалии с иностранными названиями: *bestseller* «бестселлер», *thriller* «триллер», *hit* «хит», *western* «вестерн», *hotdog* «хот-дог», *snickers* «сникерс», *twix* «твикс» и т.д.

В отличие от транскрипции, калькирование не всегда бывает простой механической операцией перенесения исходной формы в переводящем языке, часто переводчик прибегает к некоторым трансформациям. Например, английское слово *skinheads* / *skinheaded* калькируется с изменением как семантического значения слова *skin*, так и с общей трансформацией – «бритоголовые». Английское выражение *two-thirds majority* требует как морфологической, так и синтаксической трансформации, оставаясь калькой в русском языке – «большинство в две трети (голосов)». Калькированию обычно подвергаются термины, широко употребляемые слова и словосочетания: названия памятников истории и культуры (*White House*), названия политических партий и движений (*the Democratic Party*, *Our Home Is Russia*), исторические события (*the invasion of Batu Khan* «нашествие Бату-хана»), географические названия гор, озер, морей, если в них входят переводимые компоненты: *the Salt Lake* (Соленое озеро), *the Indian Ocean* (Индийский океан), *Ivory Coast* (Берег Слоновой Кости) и др.

В лингвистике кальки принято разделять на четыре основные группы в зависимости от того, что подвергается заимствованию. Рассмотрим кратко каждую из этих групп. Семантические кальки – это словосочетания, например, в словосочетании «генеральный хирург», от англ. *generalsurgeon*, слово «генеральный» имеет значение «главный, основной».

Другой пример – «*капитан квартала*», от английского *streetcaptain*, выступает как семантическая калька, где лексема «*капитан*» употреблена в значении «*лидер, глава, авторитет*».

Фразеологические кальки заимствуют из другого языка строение словосочетания, семантику национальных концептов, например, *зеленая карта* – это калькированный перевод с английского на русский слова *greencard*. Еще один пример: «*красная лента*» – перевод с английского *red tape* «*бюрократизм, канцеляризм*». Фразеологические кальки могут быть созданы на основе метафорического употребления лексем, например: «*повернуть холодное плечо, выкатить красный ковер*». Выкатить красный ковер – это перевод английского фразеологизма *to roll out the red carpet for somebody* – «*тепло приветствовать кого-то, одарить теплым приемом*». Повернуть холодное плечо от английского *to give (show) somebody the cold shoulder* «*оказать кому-то холодный приём*».

В этом случае используются идиоматические выражения в виде фразеологических калек. Чтобы передать специфический национальный колорит при переводе используются английские и американские пословицы и поговорки, например: «*чтобы сделать эту длинную историю короткой*» от английского *to cut the long story short*, «*короче говоря*». Другой пример: «*называть лопату лопатой*» от английского *to call a spade a spade* – «*называть вещи своими именами*». В некоторых случаях фразеологические кальки могут передавать особенности иностранного языка, когда, например, в родном языке нет соответствия для перевода иностранного идиоматического выражения.

Словообразовательные кальки возникают в виде словообразовательного образа и подобия иноязычных слов, например, *Sweetwatercity* – *sweet* «*сладкий*», *water* «*вода*», *city* «*город*» – *Сладководск*, то есть название города образовалось в результате слияния английских лексем. Еще один вид калькирования – это синтаксические кальки, которые связаны с грамматической структурой предложения, которые представлены пассивными конструкциями, например: *to have something done* – «*иметь что-то сделанным*».

Следует отметить, что проблема влияния калькирования на национальный язык характерна не только для русского языка. Новая терминология чаще всего возникает в США в связи с активной разработкой и внедрением передовых технологий в разные сферы деятельности. Новая терминология стремительно входит в национальные языки других стран, например, в немецкий язык на всех лингвистических уровнях. Если калькированные слова появляются в научно-популярных изданиях, это не так опасно для национального языка, но когда кальки использует телевизионная реклама, то это оказывает влияние на родной язык и новые слова попадают в стандарт национального языка. Так произошло со словами *Joint venture*, *Art-Director*, *Sales Manager*, *Visualizer*, *Street worker* и другими.

Важно подчеркнуть, что калькирование с английского оказывает негативное влияние на культурную и языковую сферу общества. No future für Deutsch – такой лингвистической проблемой обеспокоены немецкие лингвисты, которые считают, что заимствование слов из английского языка приводит к засорению своего родного [7, с. 4]. В немецком языке даже появился лингвистический термин *Denglisch* = *Deutsch* + *Englisch*. Приведём несколько примеров-калек из немецкого языка, которые сведены в таблицу (Таблица 1) для большей наглядности.

Английский язык	Неверный перевод на немецкий язык	Эквивалент на немецком языке
artist	Artist	Künstler
corn	Korn, Getreide	Mais
billion	Billion	Milliarde
to blame	blamieren	Jemandem die Schuld geben
to control	kontrollieren	steuern, regeln, lenken
eventually	eventuell	schließlich, endlich
murder	Mörder	Mord

neck	Necken	Hals
wink	winken	zwinkern

Таблица 1. Искажение смысла слова при калькировании.

Приведённые в Таблице 1 примеры наглядно демонстрируют, какое влияние оказывает приём калькирования на перевод слов с английского на немецкий язык, как происходит частичная потеря значения слова или искажение значения. То есть переводческий приём калькирования оказывает влияние на принимающий язык, и не всегда положительное. Это явление пытались и пытаются изучить лингвисты, предлагая свою точку зрения и свои теории [7 и др.]. Многие из них считают, что именно кальки составляют большую угрозу, которая отрицательно влияет на развитие родного языка. Безусловно, калька засоряет язык, так как привносит слова, которые уже существуют в принимающем языке, и разделяет носителей языка на тех, кто понимает новую кальку и кто – нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, переводческий приём калькирования применяется в тех случаях, когда требуется создать осмысленную единицу в переводном тексте и при этом сохранить элементы формы или функции исходной единицы. Калькирование используется для передачи части географических названий, именований, историко-культурных событий и объектов, титулов и званий, названий учебных заведений, музеев, терминов и т.д.

Из сказанного выше следует, что однозначно подходить к переводческому приёму калькирования нельзя. С одной стороны, калькирование облегчает перевод нового термина на родной язык, но, с другой стороны, может вызывать трудность при восприятии и понимании нового слова у читающего или слушающего субъекта. Кроме того, калькированная единица может использоваться параллельно с существующей в данном языке единицей, засоряя тем самым родной язык. Калькирование как переводческий приём послужило основой для большого числа разного рода заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация была почему-то не приемлема из эстетических, смысловых или иных соображений.

Важно отметить, что у переводчика не всегда есть возможность проконсультироваться со специалистом определённой отрасли по тому или иному термину или механизму. Специальные технические словари, подобно антивирусным базам, сколько бы проблем ни помогали решить, всё равно устаревают очень быстро. Поэтому переводчики зачастую идут по пути наименьшего сопротивления и калькируют иноязычное слово. Но калька может привести к недоразумениям и создать дополнительные трудности при общении. Поэтому переводчику, как посреднику между двумя культурами, важно находить достойные эквиваленты иностранным словам в родном языке.

Список литературы:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English – Russian. – СПб: Перспектива, 2018. – 310 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – М.: Флинта, 2003. – 320 с.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерк лингвистической теории перевода. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
7. Bruendel S. Warum sprechen Sie eigentlich english mit uns? // Sprachnachrichten. – 2012 (III). – № 55. – S. 4.
8. Beam E. How Princess Alice saved an entire family from the Nazis [Электронный ресурс] – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/> (датаобращения: 10.11.19).

9. Brown H. ICE deports' crucial witness' in Hard Rock Hotel collapse [Электронный ресурс] – URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 10.11.19).

10. Hewett I. After 250 years: why do we still find Beethoven so irresistible? [Электронный ресурс] – URL: <https://www.telegraph.co.uk/music/classical-music/250-years-do-find-beethoven-irresistible/> (дата обращения: 01.11.19).

11. Robey T. Donald Trump's coming to the UK, Nato's going nowhere [Электронный ресурс] – URL: <https://www.thetimes.co.uk/edition/comment/donald-trumps-coming-to-the-uk-natos-going-nowhere-0qgjh90zc/> (дата обращения: 05.11.19).

УДК 811.112.2'42"1933/45":172.15

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЛЕКСИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ПЕРИОДА 1933-1945 ГГ.: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соколова Мария Андреевна

студент 4 курса

Руденко Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент

NAZI IDEOLOGY IN THE GERMAN LEXIS OF 1933-1945: CULTURE-THROUGH-LANGUAGE PERSPECTIVE

Mariya Sokolova

4th year student

Natalia Rudenko

PhD in Philology, associate professor

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена отражению нацистской идеологии в лексике немецкого языка периода 1933-1945 гг. в лингвострановедческом аспекте. В качестве основного метода исследования используется описание и комментирование реалий. На основании результатов анализа корпуса «нацистски-маркированных» лексических единиц, вошедших в немецкий язык в 1933-1945 гг., которые были отобраны из художественной и исторической литературы и публицистики, привлекая данные лингвострановедческих и толковых словарей немецкого языка, исторических и военных энциклопедий и справочных изданий, автор выделяет несколько крупных тематических групп реалий, отражающих идеологию нацистской Германии. К ним относятся реалии-идеологемы, эвфемизмы, административно-политические реалии, наименования нацистских организаций и концлагерей, лозунги и термины. Приведенные в работе краткие лингвострановедческие комментарии иллюстрируются примерами из немецкой художественной литературы, публицистики, а также известных экранизаций. Практическая значимость данной работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в преподавании курсов страноведения и лингвострановедения немецкого языка и истории Германии, при составлении тематических глоссариев и словарей, а также при составлении или обновлении словарей по лингвострановедению.

Ключевые слова: лингвострановедение; немецкий язык; нацистский режим; идеология, реалия.

ABSTRACT. The article considers the reflection of Nazi ideology in the German lexis of 1933-1945 in culture-through-language perspective. Description and commentary of realia are employed as the basic research method. Based on the results of the analysis of “Nazi-marked” lexical units that appeared in the German language between 1933 and 1945, which were selected from fiction, historical literature, and publicism, using the data of explanatory dictionaries of the German language, historical and military encyclopedias and reference works, the author singles out several major thematic groups of the realia under consideration. They include realia-ideologemes

and euphemisms, administrative and political realia, names of Nazi organizations and concentration camps, slogans, and terms. Brief culture-through-language commentary is illustrated by the examples taken from the German fiction, publicism and screen play adaptations. Practical value of the research is that its results can be used in teaching Area Studies and/or Regional Cultural Geography of Germany and the history of Germany, as well as in compiling subject-based glossaries and dictionaries and in updating and compiling culture-through-language dictionaries of the German Language.

Keywords: culture-through-language studies; German language; Nazi regime; ideology; realia.

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность темы нашего исследования обусловлена несколькими факторами, как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими. С одной стороны, анализ реалий Третьего рейха, маркирующих ценности (или, в современном понимании, анти-ценности) той эпохи, позволяет оценить масштабы распространения и последствия бытования нацистской идеологии как на территории Германии, так и за её пределами, осознать всю глубину опасности, которую могут представлять для современного мира крайне правые экстремисты и неонацисты, и предостеречь от возможности развязывания конфликтов подобного масштаба вновь. С другой стороны, современная лингвистика по-прежнему не теряет интереса к изучению отдельных лексических микросистем как в национально-культурном, так и в культурно-историческом аспекте.

Цель данной работы – проследить, каким образом нацистская идеология отразилась в лексике немецкого языка периода 1933-1945 гг.; объектом исследования являются реалии нацистской Германии, предметом – их национально, исторически и ценностно маркированная семантика, порожденная контекстом бытования нацистской идеологии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования послужили 90 национально-маркированных лексических единиц, отобранных из художественной и исторической литературы и публицистики, а также лингвострановедческие и толковые словари немецкого языка, исторические и военные энциклопедии и справочные издания. Исследование проводилось с позиций лингвострановедения, и потому в качестве основного метода, наряду с описанием, нами использовалось комментирование реалий.

РЕЗУЛЬТАТЫ. За время существования нацистского режима на территории Германии 1933-1945 гг. в немецком языке возник целый пласт новой лексики, к числу которой принадлежат реалии – «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [1, с. 55]. Особое место в нашем исследовании также занимают идеологемы, которые, как правило, представляют собой слова или устойчивые словосочетания, «непосредственно связанные с идеологическим денотатом» [4, с. 91] и/или имеющие «в своем значении идеологический компонент» [10, с. 92]. Отметим, что в основе приведенных выше определений лексических единиц лежит семантический критерий, но при этом дифференциальные признаки у них разные: для реалий это уникальность и связанная с ней национально-культурная обусловленность денотата, а для идеологем – соотнесенность денотата с определенной идеологией. Тот факт, что та или иная лексическая единица может реализовать оба признака одновременно, позволяет нам говорить о реалиях-идеологемах.

Анализ корпуса «нацистски-маркированных» лексических единиц, возникших в немецком языке в период 1933-1945 гг., позволил выделить в нем несколько крупных тематических групп.

1. Реалии-идеологемы, связанные с расовым статусом, которые отчетливо делятся на две категории:

– связанные «высшей расой» (*Arisch, die nordische Seele, Volksgenosse, Herrenmenschen, Kameradschaft*);

– связанные с «низшей расой» (*Untermensch, Judenstern, entartete Mittelmenschen, beschämende Verbindung mit einer Jüdin, Volksverräter, das lebensunwertse Leben, internationales Judentum, blaue Karte der Staatenlosen, Holocaust, Kristallnacht*).

Рассмотрим одну из самых ярких реалий в данной тематической группе, *Volksgenosse*, детальнее. *Volksgenosse* означает «Angehöriger der sogenannten deutschen Volksgemeinschaft» [13], то есть «товарищ по народу, соотечественник» [5]. Обратиться к человеку «*Volksgenosse*» считалось знаком проявления необычайного уважения. В 1920 г. В Мюнхене Адольф Гитлер представил свою программу НСДАП «*Kein Jude kann Volksgenosse sein*», состоящую из 25 пунктов, где подчеркнул всю свою неприязнь к «низшей» расе, считая её недостойной называться «*Volksgenosse*»: «*Staatsbürger kann nur sein, wer Volksgenosse ist. Volksgenosse kann nur sein, wer deutschen Blutes ist, ohne Rücksichtnahme auf Konfession. Kein Jude kann daher Volksgenosse sein*» [16].

Рассматривая данную тематическую группу, следует отдельно упомянуть широкое распространение эвфемизации, которая стала одним из эффективных инструментов манипулирования массовым сознанием. С одной стороны, идеологемы-эвфемизмы служили тому, чтобы скрывать правду и тем самым уменьшать «психологическую нагрузку» на широкие слои населения, а с другой – пропагандировать нацистские идеи в приукрашенном виде. К таким эвфемизмам, связанным с нацистской расовой политикой, относятся, например, *Endlösung* и *Sonderbehandlung*. *Endlösung*, буквально «окончательное решение (немецкого вопроса)» означало «(von den Nationalsozialisten geplante) vollständige Vernichtung der europäischen Juden» [13] и употреблялось вместо *Massenmord*, «массовое уничтожение». Эвфемизм *Sonderbehandlung* («(nationalsozialistisch verhüllend) (zur Zeit der nationalsozialistischen Herrschaft) Ermordung, Tötung von Gegnern des nationalsozialistischen Regimes sowie von Angehörigen der als minderwertig erachteten Völker und anderer nicht erwünschter Personengruppen» [13]) употреблялся вместо *Exekution*, когда речь шла о расовой гигиене и принудительном истреблении различных категорий граждан.

2. Административно-политические реалии (*Gestapo, Endlösung, Gleichschaltung, Führer, Reichsmarschall, Drittes Reich, Nacht und Nebel, Wehrmacht, Kommissarbefehl, SD – Sicherheitsdienst, echte Nationalsozialisten, das braune Heer, Rottenführer*).

Особый интерес для рассмотрения представляет такая реалья, как *Führer* – «Adolf Hitler (zwischen 1933 und 1945 offizielle Bezeichnung „Führer und Reichskanzler“)» [13] (Руководитель (организации), лидер (движения), вождь [5]). В 1924 году в записях Гиммлера впервые упоминается «фюрер» как «поистине великий человек». Широко пропагандировался «принцип фюрерства»: «Один народ, Одна держава, один вождь» («*Ein Volk, ein Reich, ein Führer*»), имеющий явные библейские корни и потому облегчавший манипулирование общественным сознанием («один Господь, одна вера, одно крещение», Еф. 4:5). В книге «Взлёт и падение третьего рейха» ее автор Ширер Уильям твёрдо придерживается мнения о том, что «человек, создавший третий рейх, правивший страной с необычайной жестокостью и безжалостной прямолинейностью, вознесший Германию на гребень столь головокружительного успеха и приведший ее к столь печальному концу, был, несомненно, злым гением» [15, с.16].

3. Реалии – наименования нацистских организаций и концлагерей, составляющие особую группу административно-политических реалий (*Hitlerjugend, Glaube und Schönheit, NSDAP (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei), Buchenwald, Auschwitz, Bergen-Belsen, Dachau, Theresienstadt*). В качестве примера рассмотрим один из самых известных концлагерей нацистской Германии *Auschwitz*, «im Zweiten Weltkrieg unter deutscher Besatzung errichtetes Vernichtungslager in Polen» [13], также известный в русскоязычной традиции под названием «Освенцим» по названию города, близ которого он находился. Освенцим представлял собой комплекс, состоящий из концентрационного лагеря, лагеря смерти, который «был предназначен для массового уничтожения людей. Войска СС и полиция уничтожили в лагерях смерти около 2 700 000 евреев, используя для этого отравление газом или расстрелы» [14] и лагеря принудительного труда, расположенные под польским городом

Краковом. Для узников Освенцима лагерь стал настоящим адом на земле. В их воспоминаниях слово «Auschwitz» связано со всем самым ужасным в жизни (и смерти) человека: «<...> Mord, Hass, sinnlose Grausamkeit und vor allem für den Holocaust geworden. Im weiteren Verlauf des Zweiten Weltkriegs eskalierte die Brutalität hinter den Drahtzäunen von Auschwitz» [11].

4. Реалии – лозунги нацистской Германии: *Berlin bleibt deutsch, Wien wird wieder deutsch, und Europa wird niemals bolschewistisch werden; Die Hakenkreuzfahne wird in hundert Jahren das Herzblatt der deutschen Nation geworden sein; Es gibt auch geistige Rassenschande! Deutsche Volksgenossen meiden den jüdischen Arzt!; Ein deutsches Mädchen muss hassen können: Juden, Kommunisten und andere Volksfeinde; der bolschewistische Ansturm werde ... in einem Blutbad erstickt werden...; ...wir pfeifen auf die Freiheit der Sowjetrepublik!; Der SA-Doppelposten ... vor der Haustür... hat Personen, daran gehindert, ihren arischen Körper einem Nichtarier auszuliefern; Und nun Sieg Heil!; Mein Wille ist euer Glaube; Der sportlich erzogene Mensch beider Geschlechter ist der Staatsbürger der Zukunft; Das Schwache muss weggenommen werden; Recht ist, was dem deutschen Volk nutzt; Die Gestapo ist der Arm des Führers, der unbarmherzig allen Feinden des Reiches das Handwerk legt; Deutsch sein heisst treu sein* [7].

Даже находясь на грани краха и осознавая плачевное состояние немецкого государства, Гитлер, тем не менее, просил германские войска на восточном фронте «стоять до последнего», вырывая победу ценой собственной жизни, следуя его призыву: «*Berlin bleibt deutsch, Wien wird wieder deutsch, und Europa wird niemals bolschewistisch werden*». 16 апреля 1945 г. Гитлер отдал своё последнее распоряжение: «Если в эти грядущие дни и недели каждый солдат на Восточном фронте выполнит свой долг... Берлин останется немецким, Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не будет русской». Гитлер убеждён, что у страны, проигравшей Первую мировую и практически потерпев сокрушительное поражение во Второй, есть надежда на будущее: «Образуйте монолитную общность для защиты не пустого понятия «отечество», а для защиты вашей родины, ваших жен, ваших детей, а с ними и вашего будущего» [7, с. 17].

5. Термины, значения которых связаны с массовым уничтожением людей (*Gaskammer, Konzentrationslager, Veronal, Luminal, Morphinum-Skolopamin*). В данной тематической группе стоит выделить такой термин, как *Gaskammer* – “Raum zur Tötung von Menschen durch Gas” [13]. Газовая камера считалась наивысшей мерой наказания и использовались в лагерях смерти. В знаменитой книге Г.Л. Розанова «Германия под властью фашизма» описана судьба одного из заключённых концентрационного лагеря Освенцим, Марселя Наджари, работа которого заключалась в том, чтобы переносить мёртвые тела узников из газовой камеры в крематорий. Он пишет: «<...> жар возле печей был невероятный. Этот жар, потоки пота, убийство стольких людей <...> не давали даже осознать до конца, что происходит» [7, с. 77].

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Оказав мощнейшее влияние на все сферы человеческой жизни и предопределив ход событий, разворачивающихся впоследствии на мировой арене, нацистский режим стал одним из важнейших периодов немецкой истории. Национально, идеологически и исторически маркированные лексические единицы, вошедшие в немецкий язык во время господства нацистского режима, в полной мере отражают захватнический дух и кровавые события, которые стали результатом жесткого тоталитаризма и неограниченной власти фюрера. При этом, отображая особенности исторического развития Германии и ее народа, идеологические установки и ценности того периода, они не только помогают правильно понять и оценить прошедшую эпоху нацизма, но и осознать глубину угрозы, исходящей от современных правых экстремистов и неонацистов.

В данной работе мы рассматривали основные тематические группы реалий, отражающих идеологию нацистской Германии (реалии-идеологемы, эвфемизмы, административно-политические реалии, наименования нацистских организаций и концлагерей, лозунги, термины) с позиций лингвострановедения. Учитывая, что многие из этих реалий очень быстро стали символами и даже концептами, в качестве перспектив

дальнейшего исследования можно наметить их изучение в лингвокогнитивном аспекте как в пределах немецкой лингвотрадиции, так и в сопоставительном аспекте.

БЛАГОДАРНОСТИ. Авторы статьи выражают благодарность научно-педагогическому составу кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета.

Список литературы:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 343 с.
2. Карамова А.А. Идеологемы: определение, понятия и типология [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–1. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20815> (дата обращения: 11.12.2019).
3. Клемперер В. LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога [Электронный ресурс] // Тайны истории. Онлайн архив. – URL: <https://secrethistory.su/406-lti-yazyk-tretego-reyha-zapisnaya-knizhka-filologa.html> (дата обращения: 08.12.19).
4. Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 90-104.
5. Немецко-русский и русско-немецкий словарь [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://translate.academic.ru/> (дата обращения: 10.12.19).
6. Полян П.М. Жизнь и смерть в аушвицком аду. – М.: АСТ, 2018. – 640 с.
7. Розанов Г.Л. Германия под властью фашизма (1933-1939 гг.). – М.: Международные отношения, 1964. – 516 с.
8. Сергиенко А.М. Умрём, но напакостим. Предсмертные исповеди в логове // Советская Россия. – 2005. – № 63-64 (12681). 7 мая. – С. 8.
9. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
10. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 254 с.
11. Amaral M. Gesichter von Auschwitz [Электронный ресурс] // Marina Amaral. Special Projects. Faces of Auschwitz. – URL: <https://marinamaral.com/portfolio/faces-of-auschwitz/> (дата обращения: 12.12.19).
12. Benz W., Graml H., Weiß H. Enzyklopädie des Nationalsozialismus. – München: Dtv, 1997. – 900 S.
13. Duden deutsch-deutsches Wörterbuch [Электронный ресурс] / Bibliographisches Institut GmbH, 2019. – URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 12.12.19).
14. Holocaust Encyclopedia. Лагеря смерти. Обзор [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. – URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/killing-centers-an-overview> (дата обращения: 15.12.19).
15. Shierer W. The Rise and the Fall of the Third Reich. Пер. с англ. / Под ред. О.А.Ржешевского. – М.: Воениздат, 1991. – 653 с.
16. Ullrich V. Kein Jude kann Volksgenosse sein [Электронный ресурс] // Deutschlandfunk. 24.02.2010. – URL: https://www.deutschlandfunk.de/kein-jude-kann-volksgenosse-sein.871.de.html?dram:article_id=126887 (дата обращения 12.12.19).

УДК [821.111.08-32(73) О Генри:162.13]:81'255.2/.4

АНТИТЕЗА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В НОВЕЛЛИСТИКЕ О. ГЕНРИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Станчева Виктория Васильевна

студент 4 курса

Лобков Александр Евгеньевич

научный руководитель

ANTITHESIS AS A LITERARY DEVICE IN THE SHORT STORIES OF O. HENRY: TRANSLATION ASPECT

Victoria Stancheva

4th year bachelor student

Alexander Lobkov

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. Данная статья рассматривает художественный прием антитезы как один из главных, сюжетообразующих приемов в новеллистике американского писателя О. Генри, который функционирует как на лексическом, синтаксическом, так и на композиционном уровне текста. Статья посвящена исследованию функций и смысловой значимости стилистического приема антитезы в новеллах на примере рассказов О. Генри «Младенцы в джунглях», «Чародейные Хлебцы», «Из любви к искусству», «Весна порционно», «Недолгий триумф Тильди», «Фараон и хорал» и др. К основным функциям антитезы относятся: создание комического эффекта, выразительности, эффекта отстранения и др. Анализируются способы реализации художественного приема антитезы на синтаксическом и лексическом уровнях в творчестве американского писателя. Рассматривается проблематика перевода стилистического приема антитезы, а также прослеживаются пути их решения на основе изданных переводов. Основные проблемы перевода стилистического приема антитезы связаны с ее структурой, а также в наложении стилистических средств, для решения которых переводчик прибегает к ряду переводческих трансформаций, главными из которых являются лексическая и грамматическая замены, а также перестановка.

Ключевые слова: О. Генри; новелла; антитеза; перевод; переводческая трансформация.

ABSTRACT. The paper focuses on literary device as one of the main plot devices of short stories of American writer O. Henry that is represented on lexical, syntactical and plot level of the text. The paper is dedicated to the functions and semantic value of the stylistic device antithesis in short stories based on O. Henry's short stories "Babes In The Jungle", "Witches' Loaves", "A Service of Love", "Springtime A La Carte", "The Brief Debut of Tildy", "The cop and the anthem" etc. The paper analyses the ways to implement antithesis both on syntactic and lexical levels in the author's work. The paper deals with the translation issues of the stylistic device of antithesis and the ways of solving them based on already published translations. The main issues of translation of stylistic device antithesis relate to its structure and also due to the combination of stylistic devices. In order to solve the problem a translator uses various translation transformations and the frequently used of them are lexical, grammatical transformations and transposition.

Keywords: O. Henry; short story; antithesis; translation; translation transformation.

ВВЕДЕНИЕ. В XIX веке в творчестве американских писателей В.Ирвинга, Н.Готорна, Э.А. По и Ф.Б. Гарта происходит формирование жанра новеллы, с которым, возможно, связаны наивысшие достижения американской литературы. Существенный вклад в становление жанра «short story» внес Уильям Сидни Портер (William Sydney Porter, 1862-1910), больше известный под псевдонимом О.Генри (O. Henry). О. Генри прославился как мастер новеллы и повлиял на малую прозу Ш. Андерсона и Э. Хемингуэя. В работе «О. Генри и теория новеллы» Б.М. Эйхенбаум пишет: «"short story" – исключительно сюжетный термин, подразумевающий сочетание двух условий: малый размер и сюжетное ударение в конце» [7].

Новеллы О. Генри отличаются остросюжетностью, комичностью, парадоксальностью, особой композицией с двойной развязкой, а также уникальным стилем, который достигается как языковой игрой, так и различными стилистическими средствами, среди которых важное место играет антитеза. Однако этот художественный прием в принципе является характерным для жанра новеллы, так как позволяет построить произведение на

противоречии, несовпадении, контрасте, делая его тем самым более выразительным и запоминающимся.

Прием антитезы – один из наиболее распространенных стилистических приемов, широко применяемый, как в устной, так и в письменной речи. Стилистическая фигура антитезы является основой для афоризмов, крылатых выражений, загадок, а также часто используется при составлении заголовков газет или названий художественных произведений. Антитезу можно анализировать с разных аспектов, однако наиболее важными при исследовании антитезы как стилистического приема в творчестве О. Генри, по нашему мнению, является переводческий аспект, поскольку переводчику предстоит сначала понять роль антитезы в художественном тексте, а затем воспроизвести эффект, достигаемый с помощью антитезы, средствами родного языка.

Цель исследования: определить роль стилистического приема антитезы в художественном произведении, а именно в рассказах О. Генри, а также выделить особенности ее функционирования и перевода с английского языка на русский. Этой целью определяется круг задач:

- определить понятие антитезы, как стилистического приема;
- дать характеристику художественного приема антитезы;
- выделить функции антитезы и определить ее роль в новеллистике О. Генри;
- рассмотреть особенности функционирования антитезы в художественном произведении;
- показать особенности и способы перевода антитезы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для нашей исследовательской работы послужили рассказы О. Генри «Младенцы в джунглях», «Чародейные Хлебцы», «Из любви к искусству», «Весна порционно», «Недолгий триумф Тильди», «Фараон и хорал» и др. на английском и русском языках. В ходе исследования используется историко-литературный метод, переводческий метод, описательный метод, элементы стилистического анализа и синтеза, элементы сравнительного и структурного метода.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Рассказы О. Генри отличаются оригинальностью, которая достигается главным образом не через драматизацию сюжета, усложнение композиции или ввод нескольких сюжетных линий, а за счет языковой игры. Стилистический прием выражения мысли является наиболее распространенным в творчестве писателя. Наиболее употребляемыми стилистическими приемами в рассказах писателя являются парадокс, антитеза, параллелизм, метафора, олицетворение и другие. Из них сюжетообразующими для многих рассказов можно назвать антитезу и парадокс. Антитеза за счет своей структурной простоты и функциональности стала одним из основных художественных средств новеллистики О. Генри. Стилистический прием антитезы также является одним из базовых для создания комического эффекта в произведении.

И.В. Арнольд дает следующее определение: «антитеза – это стилистическая фигура, усиливающая выразительность за счет столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий, одна из ее стилистических функций – контраст» [1, с. 51]. Для данной фигуры свойственно контрастное сравнение противопоставляемых понятий, причем противоположность понятийных категорий констатируется и раскрывается как объективная.

Стилистический прием антитезы заключается в противопоставлении и противоположении, в основе которой лежат антонимы и другие виды противопоставлений: лексические, грамматические и логические. К лексическим средствам создания антитезы относятся использование антонимов, синонимов и повторов.

На лексическом уровне антитеза также может реализоваться на противопоставлении не только самих понятий, но и на противопоставлении их отдельных признаков. Таким образом, изначально не противопоставляемые понятия, благодаря стилистическому приему антитезы, приобретают новое значение и в определенном контексте становятся антонимичными понятиями или контекстуальными антонимами.

На синтаксическом уровне антитеза может строиться в пределах одного предложения или в составе крупных отрезков высказывания. Внутри одного предложения антитеза обычно создает полную смысловую законченность высказывания – сентенцию [3]. К синтаксическим средствам реализации антитезы относятся параллельные конструкции (частичный и полный параллелизм) и хиазм. Части антитезы в основном соединяются бессоюзно или при помощи союза *и* (*and*).

Антитеза, как и другие стилистические средства выполняет ряд функций. Основной функцией является создание художественной или эмоциональной выразительности, которая достигается посредством противопоставления. Антитеза используется для достижения комического эффекта (в иронической или сатирической форме) и пафоса. При определенной комбинации пар антонимов, пар противопоставляемых слов антитеза может достигать как комического эффекта, так и пафоса. Однако в основном эти эффекты создаются антитезой при употреблении в одном предложении, высказывании нескольких стилистических приемов, таких, как ирония, сарказм и другие. Также к основным функциональным возможностям антитезы относится эффект остроты. Благодаря стилистическому приему антитезы разрушается автоматизм восприятия, тем самым заставляя читателя новыми глазами посмотреть на уже известное. Также стоит отметить такие функции как, раскрытие идейного содержания произведения, усиление динамичности повествования, а также достижение афористичности и запоминаемости. Эффект антитезы усиливается сочетанием ее с другими стилистическими приемами, в частности повтором и параллелизмом.

Стилистический прием антитезы также необходимо четко различать от таких стилистических средств контраста как оксюморон и зевгма, так как они схожи по выполняемым функциям, однако имеют иные структурные особенности. Художественно-стилистические приемы антитезы, оксюморона и зевгмы характерны для новеллистики О. Генри.

ОБСУЖДЕНИЕ. Стилистический прием антитезы в рассказах О. Генри функционирует в основном на двух уровнях языка: лексическом и синтаксическом.

На лексическом уровне антитеза в рассказах американского писателя реализуется при помощи антонимической группы слов, контекстуальных антонимов или противопоставляемых образов.

1. Антонимическая пара слов.

*“Joe was to become capable very soon of turning out pictures that old gentlemen with **thin side-whiskers** and **thick pocket-books** would sandbag one another in his studio for the privilege of buying”* (“A Service of Love”) [8].

В данном примере антитеза образуется за счет антонимичной пары “thin side-whiskers” и “thick pocket-books”. Грамматическую структуру сложной антитезы составляет соединение разнокорневых лексических единиц, принадлежащим различным частям речи, а именно прилагательное + существительное (“thin side-whiskers” / “thick pocket-books”). Антитеза в данном примере служит для яркой, образной характеристики «пожилых джентльменов» и создания комического эффекта, который усиливается благодаря комбинации антитезы с преувеличением *«would sandbag one another in his studio for the privilege of buying»*.

*“Down went her head on the little typewriter stand; and the keyboard rattled a **dry** accompaniment to her **moist** sobs”* (“Springtime À La Carte”) [8].

В данном примере антитеза реализуется за счет антонимической пары прилагательных «dry» / «moist». По структуре антитеза простая и разнокорневая, по семантике – узуальная. Благодаря данной антитезе можно проследить контраст, который создает автор между работой героини и ее переживаниями, чувствами. Таким образом, данная антитеза выполняет функцию придания эмоциональной окрашенности высказыванию, делает ее более выразительной.

2. Контекстуальные антонимы.

Реализация антитезы через контекстуальные антонимы особенно интересна при анализе художественного текста, так как в отличие от денотативного значения слова приобретают еще и дополнительные коннотации в зависимости от стиля и авторского мировоззрения.

*“Though a man **should extract** a sanguinary stream from the pallid turnip, yet will his prowess **be balked** when he comes to wrest salt from Bogle’s cruets”* (“The Brief Debut of Tildy”) [8].

“Nature moves in circles; Art in straight lines” (“Squaring the Circle”) [8].

Наглядный лаконичный пример антитезы из рассказа О. Генри «Квадратура круга», реализующийся на параллелизме. Противопоставляемые компоненты «in circles» / «in straight lines» антитезы также можно отнести к контекстуальным антонимам, которые приобретают дополнительное значение непосредственно в произведении. По своей структуре антитеза простая и безморфемная. Благодаря комбинации стилистических средств антитезы и параллелизма, автор создает образную характеристику и проводит параллель между двумя противопоставляемыми компонентами «Природой» и «Искусством», а также усиливает другой стилистический прием, на котором строится название произведения «Квадратура круга» – парадокс:

*“The lover **smiles** when he thinks he has won. The woman who loves **ceases to smile** with victory”* [8].

Вначале автор выстраивает пары антонимов, которые «утяжелены» дополнительной информацией: The lover / the woman, smiles / ceases to smile создавая лингвистическую основу фигуры контраста. Здесь предметно-логическое содержание наслаивается на экспрессивное. Оценочная стилистическая функция декорирует философские рассуждения автора:

*“He **ends** a battle; she **begins** hers”* [8].

В данном примере одновременно противопоставляются два компонента, местоимения «he» / «she» и глаголы «ends» / «begins», таким образом, антитеза по внешней структуре сложная. Грамматическая структура антитезы составляет соединение разнокорневых лексических единиц: местоимения и глагола. Части параллельной конструкции, благодаря которой реализуется антитеза, соединяются бессоюзно, что усиливает эффект контраста между противопоставляемыми компонентами, а также делает ее более эмоционально окрашенной. Антитеза на лексическом уровне и параллелизм синтаксических конструкций способствует созданию комического эффекта.

Основной задачей художественного перевода является порождение на языке перевода речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на читателя или слушателя [6]. При художественном переводе перед переводчиками стоит важная задача: достоверно передать целостность и многозначность произведения. Переводчик должен уметь выделять и понимать функцию того или иного стилистического приема в художественном целом оригинала. Так как большинство антитез реализуется на параллелизме, переводчику требуется сохранить оба стилистических приема с наименьшими потерями, чтобы не утратить их функциональности и смысла высказывания в целом. Перевод антитезы будет также зависеть от смысловых и художественных требований построения произведения. Чтобы выполнить поставленную перед переводчиком задачу, он прибегает к грамматическим и в большей мере лексическим трансформациям.

*“His **fees are high**; his **lessons are light** – his high-lights have brought him renown”* (“A Service of Love”) [8].

«Дерет он за свои уроки крепко, а обучает слегка, что, вероятно, и снискало ему громкую славу мастера эффектных контрастов» (Пер. Т. Озерской) [4].

В данном примере антитеза реализуется на параллелизме. В антитезе противопоставляются одновременно два компонента, существительные «fees» / «lessons» и прилагательные «high» / «light». На синтаксическом уровне отметим, что в переводе полный параллелизм заменяется неполным. Переводчик прибегает к ряду грамматических трансформаций:

1) Перестановка.

2) Замена. Переводчик заменяет существительные «fees» и «lessons» глаголами «дерет» и «обучает», а также прилагательные «high» и «light» наречиями «крепко» и «слегка».

3) Добавление. Переводчик уточняет глагол, добавляя к нему прямое дополнение «за свои уроки».

На лексическом уровне – компоненты антитезы представляют собой контекстуальные антонимы. Сравним перевод противопоставляемой пары прилагательных антитезы («high», «light» / «крепко», «слегка»). Если же во втором случае («light» / «слегка») значение слова не изменилось от его словарного соответствия, то в первом («high» / «крепко»), произошла также лексическая трансформация.

Отметим также наличие языковой игры, связанной с объединением компонентнов антитезы «high» и «light» в существительном *high-lights*, иронически характеризующим талант художника.

“The Cop and the Anthem” [8].

«Фараон и хорал» (Пер. А.Горлина) [4].

Прием антитезы также является одним из наиболее распространенных приемов, используемых при составлении названия произведения, что мы видим в данном примере. Название, основанное на приеме антитезы, задает противоречивый характер всему произведению. Антитеза по своей структуре простая и смысловая, ее компоненты «the cop» / «the anthem» не являются по своим денотатам противопоставляемыми понятиями, а становятся ими благодаря коннотативным значениям, которые приобретаются непосредственно в произведении. При переводе А. Горлин опустил артикль по причине отсутствия данной категории в языке перевода и совершила лексические трансформации. Словарное соответствие лексеме «cop» – полицейский, однако переводчик заменяет его на «фараон», чтобы сохранить жаргонизм, используемый автором. В случае со вторым компонентом антитезы «anthem» А. Горлин заменяет его на «хорал» по причине различия в смысловом объеме слов, и в данном контексте соответствие «хорал» более уместно.

“You are *too good* a friend *not* to make a *good* husband” [8].

«Вы слишком хороший друг, чтобы стать плохим мужем» (Пер. М.Урнова) [4].

Мысль, выраженная здесь антитезой, передана в сжатой форме: «too good» / «not good», что увеличивает ее выразительность. Антитеза по внутренней структуре является однокорневой и реализуется за счет отрицания «not». При переводе переводчик сохранил грамматическую структуру предложения и прибег лишь к небольшим лексическим трансформациям. Переводчик заменил «notgood» на «плохой», используя антонимический перевод. Благодаря данной замене в переводе антитеза становится более явной и выразительной, а по структуре становится простой и разнокорневой.

“The natural is rounded; the artificial is made up of angles” (“Squaring the Circle”) [8].

«Все натуральное округлено, все искусственное угловато» (Пер. Н. Дарузес) [4].

В данном примере антитеза состоит из двух противопоставляемых пар: «the natural» / «the artificial», «is rounded» / «is made up of angles». Как и в предыдущем примере, антитеза функционирует с другим стилистическим приемом – параллелизмом. При переводе Н. Дарузес сохранила параллелизм, однако использовала грамматические трансформации, а именно замены. Переводчик заменяет определенный артикль «the» на местоимение «все» в связи с отсутствием в русском языке грамматической категории артикля. Также переводчик заменяет пассивные конструкции «is rounded» / «is made up of angles» на краткое причастие «округлено» и краткое прилагательное «угловато».

“The round eyes of childhood typify innocence; the narrowed line of the flirt's optic proves the invasion of art” (“Squaring the Circle”) [8].

«Круглые глаза ребенка служат типичным примером невинности; прищуренные, суженные до прямой линии глаза кокетки свидетельствуют о вторжении Искусства» (Пер. Н. Дарузес) [4].

Антитеза в данном примере «the round eyes of childhood» / «the narrowed line of the flirt's optic» строится за счет противопоставляемых характеристик одного и того же предмета,

выраженных прилагательными «round» / «narrowed» и существительными «childhood» / «flirt's optic». Данная антитеза по структуре простая и разнокорневая, по семантике – узуальная. При переводе Н.Дарузес совершила грамматические и лексические трансформации.

1. Опускание определенного артикля.
2. Добавление: «narrowed line» / «суженные до прямой линии».
3. Замена существительного единственного числа на множественное: «optic» / «глаза».
4. Перестановка. Переводчик переставляет местами определение и дополнение «flirt'soptic» / «глаза кокетки».
5. Конкретизация. Переводчик заменяет слово «childhood» с более широким семантическим значением, эквивалент которого в языке перевода – «детство» на более узкое по своему значению слово «ребенок».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Итак, стилистический прием антитезы – один из наиболее употребляемых и функциональных стилистических приемов, как в устной, так и в письменной речи. Художественный прием антитезы типичен для новеллистики О.Генри и используется не только на уровне предложения, но и на уровне всего текста: контрастирование лежит в основе построения системы образов персонажей, композиции произведений, движения сюжета и тематической общности.

При переводе стилистического приема антитезы перед переводчиком может возникнуть ряд трудностей, связанные с тем, что прием антитезы функционирует одновременно с другими стилистическими приемами, такими как параллелизм, хиазм, ирония и другие. Из разобранных выше примеров можно проследить, что чаще всего переводчик прибегает к таким переводческим трансформациям как замена (грамматическая и лексическая), добавление и перестановка.

БЛАГОДАРНОСТИ. Выражаю благодарность своему научному руководителю Лобкову Александру Евгеньевичу за ценные советы и значимые замечания при планировании исследования и рекомендации.

Список литературы:

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 384 с.
2. Бочина Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц / Т.Г. Бочина. – Казань: Казан. ун-т, 2002. – 196 с.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
4. Генри О. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1 / О. Генри [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1000668/Genri_O._Sobranie_sochineniy_v_pyati_tomah_Tom_1.html: (дата обращения 10.10.2019г).
5. Енбаева Л.В., Сафонова В.С. Динамика идиостиля как проблема перевода (на материале произведений Р. Брэдли и О. Генри) / Л.В. Енбаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-idiostilya-kak-problema-perevoda-na-materiale-proizvedeniy-r-bredberi-i-o-genri> (дата обращения 10.10.2019 г).
6. Хафизова А.А. Стилистический аспект перевода рассказов О. Генри на русский и татарский языки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskiy-aspekt-perevoda-rasskazov-o-genri-na-russkiy-i-tatarskiy-yazyki> (дата обращения 10.10.2019г).
7. Эйхенбаум Б.М. О. Генри и теория новеллы / Б.М. Эйхенбаум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry_intro.html (дата обращения 10.10.2019г).
8. Henry O. Delphi Complete Works of O. Henry (Illustrated) / O. Henry [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

<https://books.google.com/books?id=0VMbAgAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 10.10.2019г).

УДК [81'276.6:355]:27-235=111=134.2

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СУБСТИТУЦИЙ ЛЕКСИКИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЧЕЛОВЕК»
В ТЕКСТАХ АНГЛО- И ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ БИБЛИИ**

Цымбал Анна Сергеевна

студент 5 курса

Михайлова Евгения Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент

**LINGUOCULTURAL SUBSTITUTION PECULIARITIES OF
THE THEMATIC GROUP "HUMAN BEING" VOCABULARY
IN THE TEXTS OF THE ENGLISH AND SPANISH BIBLE VERSIONS**

Anna Tsymbal

5th year student

Evgenia Mikhailova

PhD in Philology, associate professor

АННОТАЦИЯ. Европа представляет собой единую систему христианских государств. Эта система базируется на общепринятых христианских ценностях, которые содержатся в Новом Завете. Поэтому отношения между Россией и европейскими государствами могут продолжать развиваться также на схожести религиозных канонов. Библейская лексика хранит в себе культурно-историческую информацию и образует образную христианскую картину мира. Изучение лингвокультурологического аспекта библейской лексики в диахронии связано с проблемой взаимосвязи языка, культуры и религии. Данная статья посвящена лингвокультурологическому исследованию лексических единиц в текстах ранних и поздних англо- и испаноязычных версий Библии (1602-2011 гг.). Определены виды субституций лексических единиц в современных версиях. В поздних англо- и испаноязычных библейских текстах при выборе лексики, принадлежащей тематической группе «человек», происходят различного рода субституции под действием определенных экстралингвистических факторов. Замены происходят под влиянием таких факторов, как гендерная политика, политкорректность и уважение прав сексуальных меньшинств. Слова, значения которых передают близкие родственные отношения, замене не подверглись ни в одной из версий. Это указывает на незыблемость понятий, которые они передают как в англоязычном, так и испаноязычном социумах. Другие языковые единицы, относящиеся по своим значениям к мужскому или женскому роду, были подвергнуты различным субституциям. Исследование библейских текстов на лексико-семантическом уровне подтвердило выдвинутую гипотезу о влиянии языка национальной культуры на язык библейских текстов.

Ключевые слова: лингвокультурология; библейская лексика; библейский текст; англо- и испаноязычные версии Библии; субституция; экстралингвистический фактор.

ABSTRACT. Europe is a unified system of Christian states. This system is based on generally accepted Christian values the New Testament contains. Therefore, relations between Russia and European states can continue to develop also on the similarity of religious canons. Bible vocabulary contains cultural and historical information and forms an imaginative Christian picture of the world. The study of the linguocultural aspect of the Bible vocabulary in diachrony is associated with the problem of language, culture and religion relationship. This article is devoted to

the linguoculturological study of the lexical units in the texts of the early and late English and Spanish Bible Versions (1602-2011). The types of substitutions of the lexical units in the modern Versions are defined. In later English and Spanish Bible texts, when choosing the words belonging to the theme group “man”, various kinds of substitutions occur under the influence of the certain extra-linguistic factors. The substitutions are influenced by the factors such as gender policy, political correctness, and respect for the rights of sexual minorities. The words whose meanings denote family relationships have not been replaced in any Version. This indicates the inviolability of the concepts that they denote both in English and Hispanic societies. Other linguistic units related in their meanings to the male or female gender were subjected to the various substitutions. The study of the Bible texts at the lexico-semantic level confirmed the hypothesis about the influence of the language of the national culture on the language of the Bible texts.

Keywords: linguistic cultural studies; Bible vocabulary; Bible text; English and Spanish Bible Versions; substitution; extralinguistic factor.

ВВЕДЕНИЕ. Диахроническое исследование в истории развития английского и испанского библейских языков является актуальным при решении проблемы взаимодействия языка, культуры и религии. Само существование нескольких англо- и испаноязычных версий Библии, изданных на протяжении XVII-XXI столетий, обуславливает необходимость их лингвистического и лингвокультурологического исследования. Одним из направлений в выявлении тенденций к демократизации английского и испанского библейских языков является изучение замен лексических единиц в современных изданиях Библии. Данное исследование позволит подтвердить гипотезу о влиянии языка национальной культуры на язык библейских текстов.

Объектом данного исследования служат лексические единицы, выбранные из библейских текстов и объединенных тематической группой «человек». Предметом исследования являются лингвокультурологические особенности субституций выбранной лексики в текстах англо- и испаноязычных версий Библии. Цель данной статьи заключается в исследовании лексики в лингвокультурологическом аспекте на материале текстов англо- и испаноязычных версий Библии разных эпох (1602-2011 гг.).

Для достижения данной цели определены следующие задачи исследования:

- изучить взаимосвязь языка, культуры и религии;
- проанализировать выбранную из англо- и испаноязычных версий Библии лексику тематической группы «человек» с целью выявления ее лингвокультурологических особенностей;
- определить причины субституции данных лексических единиц в текстах современных версий Библии.

Теоретическое значение статьи определяется тем, что полученные результаты можно, на наш взгляд, считать определенным вкладом в такие отрасли лингвистической науки, как лингвокультурология и лексикология. Так, вклад в лингвокультурологию состоит, прежде всего, в том, что в работе раскрываются особенности христианской картины мира, отражаемой через тексты англо- и испаноязычных версий Библии, устанавливаются культурологические и социальные факторы, влияющие на семантику и прагматику языковых единиц. Лексикология, в частности, семасиология английского и испанского языков дополнилась уточнением особенностей субституций языковых единиц.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили, тексты англоязычных версий Библии: King James Version 1610 (далее KJV – XVII в.), New American Standard Bible (NASB – XIX в.), New Century Version (NCV – XX в.), Today’s New International Version (TNIV – XXI в.); тексты испаноязычных версий Библии: La Biblia Reina – Valera Antigua 1602 (BRVA – XVII в.), Biblia Reina – Valera 1865 (BRV – XIX в.), Nueva Version Internacional (далее NVI – XX в.), Biblia Reina – Valera Contemporanea (BRVC – XXI в.) [4]. Методика исследований определяется поставленными задачами, материалом и имеет комплексный характер. При определении соответствия значений сопоставляемых языковых

единиц используется метод дефиниционного анализа. Для толкования их значений в разных текстах привлекается метод контекстуального анализа, который позволяет обнаружить влияние социокультурных факторов на выбор языковых средств при интерпретации. В работе широко применяется описательный метод, а также метод сопоставительного анализа.

ОБСУЖДЕНИЕ. Язык, культура и религия в значительной степени влияют друг на друга. Каждый отдельный язык обычно ассоциируется с представителями определенной национальности, при взаимодействии с которыми мы также взаимодействуем с их культурой. Невозможно понять культуру без ознакомления с языком и понимания базовых религиозных догматов, формирующих мораль поведения её представителей и их принципы. Кроме того, при изучении нового языка являются необходимыми не только ознакомление с правилами грамматики и с лексикой, но также с обычаями и поведенческими особенностями людей конкретного общества. Из вышеизложенного следует, что при изучении или обучении языку важно ссылаться на культуру, к которой относятся носители данного языка, потому что язык очень сильно укоренился в культуре. Наряду с языком и культурой, религия также является неотъемлемой частью изучаемых явлений.

Религия и язык входят в число тех факторов, которые определяют менталитет народа (то есть своеобразие его психического склада, мировосприятия, поведения, безусловных рефлексов). Отсюда следует, что этническое своеобразие вытекает из особенностей языка и религии, чья роль разнится в истории народов на разных этапах его развития. Соотношение этнических и религиозно-конфессиональных общностей людей еще дальше от простого соответствия «один народ – одна религия». При этом религиозные ценности и конфессиональные писания, и обряды продолжают оставаться одними из самых глубоко укоренившихся факторов, определяющих поведение человека. Из вышеизложенного следует, что даже в современном обществе в эпоху глобализации, рационализма, резкого информационного прогресса, предпочтительного эмпирического метода познания, усиливающейся секуляризации общества религия хоть и перестает занимать место первостепенной важности, однако в то же время её отголоски продолжают доминировать в общественном сознании [1].

Наше исследование текстов Библии проводится с лингвокультурологической точки зрения. Поскольку современные лингвистические исследования выполняются в рамках антропоцентрической парадигмы, проблематика которой направлена на человека, то мы начнем анализ субституций с лексических единиц, принадлежащих тематической группе «человек». «Человек и его функционирование в обществе всегда являлись предметом особого внимания и изучения, поскольку человек – создатель не только материальных, но и духовных ценностей. Человек в обществе занимает определенное место. Этот факт получает свое отражение в художественных произведениях. Те или иные изменения в отношении человека фиксируются и в библейских текстах» [2, с. 58].

До второй половины XX столетия в обществе превалировала маскулиноцентричная парадигма. Мужчина играл главенствующую роль в обществе (политике, экономике, искусстве, семье и т.д.). Соответственно, и в библейских текстах ранней англоязычной версии Библии King James Version (KJV) чаще встречаются слова, относящиеся к мужскому роду: *man, lord, father, brother, brethren, son, fellow, master, servant*, а также местоимения 3 л., ед. ч., мж. р. – *he, his*, которые можно объединить в одну тематическую подгруппу «мужчина».

Аналогично в испаноязычной версии Библии преимущественно присутствуют такие слова как: *hombre, dueno, padre, hermano, hermanos, correligionarios, hijo, tipo, companero, señor, maestro, sirviente*, а также местоимения мужского рода *él, ellos*. Следует заметить, что слова, передающие близкие родственные отношения, такие как *father, padre* и *son, hijo* замене не подверглись ни в одной из версий. Это указывает на тот факт, что понятия, которые они передают, остаются незыблемыми как в англоязычном, так и испаноязычном социумах.

Остальные слова, относящиеся к мужскому роду, под действием определенных экстралингвистических факторов в поздних англо- и испаноязычных версиях подвергаются субституции. Ярким примером является замена используемого в библейских текстах ранних англоязычных версий (KJV, NASB) слова *man*, а в текстах ранней испаноязычной версии (BRVA) лексемы *hombre*. Эта лексическая единица, в целом, вводит понятие «человек» и понятие «мужчина», в частности. В поздних англоязычных версиях (NCV, TNIV) слово *men* заменяется словом *people*, означающим «люди». Данную субституцию вызвало движение женщин за равные права с мужчинами во всех сферах жизни, и замена была выполнена с целью показать, что под словом *people* подразумеваются и мужчины, и женщины. В этом случае проявляется влияние гендерной политики.

В тоже время в современном испанском переводе слово *hombres*, которое обозначает несколько мужчин, сохраняется. Только в нескольких местах Библии лексема *hombres* заменяется на собирательное существительное *gente*, которое, кстати, женского рода и обозначает людей как народ. Реже оно заменяется на слово, которое обозначает определенную функцию в обществе, а не пол, как в следующем примере: лексему *hombres* заменили на языковую единицу *habitantes* (жители), чтобы подчеркнуть принадлежность к данному региону, ведь в предложении большее значение имеет проживание этих людей в конкретном географическом месте, а не их гендерная принадлежность.

Таким образом, чтобы стереть дифференциацию пола, в текстах современных англо- и испаноязычных версий Библии происходит субституция слова лексической единицей с расширенным денотативным значением:

KJV: *The **men** of Nineveh shall rise in judgment...*

TNIV: *The **people** of Nineveh will stand up at the judgment...*

(Mtth. 12:41)

BRVA: *Los **hombres** de Nínive se levantarán en el juicio...*

BRV: *Los de Nínive se levantarán en juicio con esta **generación**, y la condenarán;*

BRVC: *...los **habitantes** de Nínive se levantarán contra esta generación y la condenarán...*

В некоторых случаях слова *man* и *hombre* заменяется в поздних англоязычных (NCV, TNIV) и испаноязычных версиях Библии неопределенными местоимениями *everyone* и *todos*, под которыми подразумевается любой по половой принадлежности человек. Данная замена служит той же цели, которая указана в вышеприведенных примерах. В этом случае происходит субституция словом с расширенным денотативным значением:

KJV: *All **men** cannot receive this saying...*

NCV: *Not **everyone** can accept this teaching...*

TNIV: *Not **everyone** can accept this word...*

(Mtth. 19:11)

BRVA: *No **hombres** reciben esta palabra...*

BRV: *No **todos** reciben esta palabra...*

BRVC: *No **todos** pueden comprender esto, sino...*

В канонической англоязычной версии (KJV) в библейской поговорке о соринке в глазу лексема *brother* вводит понятие «брат». В одной из поздних англоязычных версий (NCV) это слово заменяется языковой единицей *friend*, которая вводит понятие «друг». В этом случае также стирается дифференциация пола, поскольку под словом *friend* подразумевается и друг, и подруга. В самой поздней англоязычной версии (TNIV) слово *friend* заменили неопределенным местоимением *someone*, обозначающим «некто» (что может наводить на мысль о представителях сексменьшинств, у которых из-за анатомических особенностей трудно однозначно дифференцировать принадлежность пола).

Таким образом, происходит субституция слов (*brother* – *friend* – *someone*) и субституция понятий в сторону их расширения («брат» – «друг, подруга» – «некто»):

KJV: *...the mote that is in thy **brother's** eye...*

NCV: *...the little piece of dust in your **friend's** eye...*

TNIV: *...the speck of sawdust in **someone else's** eye...*

(Mtth. 7:3)

В испаноязычных версиях Библии, созданных в тех же временных рамках, что и англоязычные версии, слово брат – *hermano* – не подверглось субституции:

BRVA: ...¿por qué miras la mota que están el ojo de tu **hermano**,....

BRV: Y ¿por qué miras la arista que están el ojo de tu **hermano**;...

BRVC: Por qué miras la paja que está en el ojo de tu **hermano**...

Лексическая единица *brother* была заменена в библейских текстах поздних англоязычных версий под действием экстралингвистических факторов: борьба женщин за равные права с мужчинами (феминизм) и борьба представителей сексуальных меньшинств за свои права. Руководствуясь данными факторами, авторы версий используют слова *friend* и *someone*, под которыми подразумеваются и мужчины, и женщины, и представители сексменьшинств, тем самым, соблюдая политкорректность в изложении библейских текстов.

«Гендерный подход», используемый при создании поздних англоязычных версий (NCV и TNIV), проявляется также в том, что в некоторых случаях подчеркивается дифференциация пола за счет появления слова *sister*, которое вводит понятие «сестра», рядом со словом *brother*. Под словом *sister* может подразумеваться также член религиозного общества женщин [5, с. 929]. С одной стороны, данное добавление принято с целью подчеркнуть, что перед Богом все равны и мужчины, и женщины. С другой стороны, это указывает на тот факт, что роль женщин в церкви XX века становится немаловажной:

KJV: But I say unto you, that whosoever is angry with his **brother** without a cause shall be in danger of the judgement...

TNIV: But I tell you that anyone who is angry with a **brother or sister** will be subject to judgement. (Mtth. 5:22)

Неизменность в современном испаноязычном переводе указывает на то, что организованная борьба за права женщин началась не раньше конца XIX века.

BRVA:... que cualquiera que se enojare locamente con su **hermano**, será culpado del juicio...

BRVC: Pero yo les digo que cualquiera que se enoje contra su **hermano**, será culpable de juicio... (Mateo 5:22)

Во времена, описываемые в Библии, и в эпохи, когда создавались ранние англоязычные версии, женщина занимала также не менее ответственное место в жизни общества. Ей отводилась роль хранительницы того, что создавалось мужчиной. Женщина была источником вдохновения и тонким инструментом, незримо направляющим к созданию всего нового. Поскольку во все времена женщина считалась хранительницей очага, то в библейских текстах слова, относящиеся к категории «феминность», в основном передают понятия родственных отношений: «мать», «жена», «дочь», «сестра». В англоязычных библейских текстах эти понятия представлены такими словами, как *mother*, *wife*, *daughter*, *sister*, а в испаноязычных соответственно – *madre*, *esposa*, *hija*, *hermana*.

В девушке всегда ценилась ее непорочность и целомудрие, поэтому, в ранней англоязычной версии встречаются слова, передающие это понятие: *virgin*, *maid*, *damsel*; в ранней испаноязычной версии: *virgen*, *doncella*, *damisela*. Понятия «мать» и «жена», представленные во всех версиях словами *mother* и *wife*, *madre* и *esposa* являются незыблемыми, поэтому они не подвергаются субституции в поздних версиях. Лексема *virgin*, обозначающая девственницу, будучи символом непорочного зачатия Христа, также присутствует во всех англоязычных версиях.

При субституции слов, обозначающих женский род и объединенных в тематическую подгруппу «женщина», наблюдается стирание дифференциации пола в одной из поздних англоязычных версий (NCV). Слово *daughter*, означающее «дочь», заменяется словом *people*, под которым подразумеваются люди или народ. Выражение *daughter of Sion* является поэтическим названием Иерусалима и его народа, также еврейские женщины называются дочерьми Сиона [3, с. 415].

Поскольку под словом *daughter* подразумеваются все лица женского пола, принадлежащие определенной расе или стране [5, с. 245], то авторы версии NCV заменили

выражение *daughter of Sion* словосочетанием *people of Jerusalem*, чтобы подчеркнуть, что пророк обратился ко всем людям, которые проживали в тот момент в Иерусалиме, не разделяя их на дочерей Сиона в буквальном смысле и других людей. Таким образом, произошла субституция слова *daughter* словом с расширенным денотатом. В самой поздней американской версии (TNIV) слово *people* обратно было заменено, словом *daughter*, с целью сохранения поэтического названия Иерусалима:

KJV: Tell ye the **daughter** of Sion.

NASB: Say to the **daughter** of Zion.

NCV: Tell the **people** of Jerusalem.

TNIV: Say to **Daughter** Zion.

(Mtth. 21:5)

Сопоставляя лексические единицы в испаноязычных версиях Библии отмечаем, что словосочетание *hija de Sión* не подверглось изменению с целью сохранения образности:

BRVA: Decid á la **hija** de Sión...

BRV: Decid á la **hija** de Sión...

NVI: 'Digan a la **hijade** Sión:...

BRVC: "Digan a la **hijade** Sión:...

(Mateo 21:5)

Известно, что выражение «дщерь Сиона» олицетворяет население Иерусалима или всей Иудеи. Сам Сион является горой на западном холме Иерусалима и служит символом столицы Израиля и всей Земли Обетованной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведенное исследование позволяет говорить о взаимосвязи языка, культуры и религии, которая отчетливо видна при работе с переводами библейских текстов на различные языки, поскольку в них проявляются особенности развития языка и культуры, влияющие на выбор тех или иных слов при создании современных версий Библии, с учетом конфессиональных особенностей в христианстве.

Лингвокультурологический анализ библейской лексики показал, что слова, обозначающие близкие родственные отношения, понятия которых являются неизменными, субституции не подверглись (*father, mother, son; padre, madre, hijo, hermano* и др.); часть слов, объединенных в тематические подгруппы «мужчина», «женщина», в поздних англо- и испаноязычных версиях Библии были заменены (выявлены субституции слова и понятия в сторону его расширения, замена словом с расширенным денотативным значением) под влиянием таких экстралингвистических факторов, как политкорректность, гендерная политика, уважение прав сексуальных меньшинств. Наблюдается противоположно-направленная тенденция с точки зрения гендерного подхода: с одной стороны стремление к стиранию границ пола (англ. – *brother – friend – someone, daughter – people, men – everyone*; исп. – *hombres – generación – habitantes, hombres – todos*), с другой стороны – стремление к дифференциации пола (*brother – brother or sister*).

Поскольку представленные результаты относятся только к началу исследования и рассмотрены всего две тематические подгруппы, лексика которых может быть отнесена к ядру концепта ЧЕЛОВЕК, перспективным представляется анализ языковых единиц других тематических подгрупп («представители рода занятий», «представители духовенства», «представители власти», «представители воинства» и др.), относящихся к периферии концепта, в которых, по нашим предположениям, замены в современных англо- и испаноязычных версиях Библии будут представлены ярче, в связи с развитием общества и появлением новых реалий современной жизни, которые найдут свое отражение в осовременивающихся текстах.

Список литературы:

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. – М. : Агентство “ФАИР”, 1998. – 352 с.

2. Михайлова Е.В. Язык Нового Завета и время: Англоязычные версии Библии: монография / Е.В.Михайлова. – Севастополь : Изд-во СевНТУ, 2009. – 188 с.
3. Нюстрем Э. Библейский энциклопедический словарь: Пер. со швед. / Под ред. И.С. Свенсона. – СПб. : Библия для всех, 2001. – 523 с.
4. Biblia Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bibliatodo.com/en/the-bible> (дата обращения 29.11.2019 г.).
5. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. – Springfield: Meriam – Webster, 1981. – 2662 p.

РАЗДЕЛ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА, АГРОТЕХНОЛОГИЙ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ, ТЕХНОСФЕРНОЙ, ФИНАНСОВОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 681.5

АЛГОРИТМ ПОСТРОЕНИЯ МАРШРУТА ДЛЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СУДНА «ПИОНЕР-М»

Богданов Артем Андреевич

магистр 2 курса

Шушляпин Евгений Андреевич

научный руководитель

THE ALGORITHM OF CONSTRUCTING THE ROUTE FOR THE RESEARCH UNMANNED VESSEL “PIONER-M”

Artyom Bogdanov

2nd year master student

Evgeniy Shushlyapin

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. Результаты исследований, представленные в данной работе, связаны с перспективным использованием малотоннажного научно-исследовательского судна «Пионер-М» (уникальный идентификатор проекта RFMEFI57817X0259). Цель исследования – обеспечить использование судна в безэкипажном режиме, для достижения которой необходимо решить ряд задач автоматического судовождения. Одной из них является задача планирования маршрута судна при обходе точек обсервации (ТО), в которых судно производит научные исследования. Кратко описан метод прямого перебора: его достоинства и недостатки. На его основе предложен новый алгоритм рекурсивного прямого перебора. Шаг за шагом демонстрируется принцип его работы.

Ключевые слова: Пионер-М; задача коммивояжера; алгоритм рекурсивного перебора; приближенный алгоритм; вычислительный эксперимент.

ABSTRACT. The results of the study presented in this article are connected with the prospective use of the small-scale research vessel Pioneer-M (unique project identifier RFMEFI57817X0259). The purpose of research is to provide technical conditions for using the vessel in the unmanned mode, which involves solving a number of problems of automatic navigation. One of these consists in planning the route for the vessel as it bypasses the points of observation at which it is planned to carry out research procedures. The advantages and disadvantages of the method of direct transfer are briefly described. On the basis of this analysis, a new algorithm of the brute force recursive method is proposed. The principle of operation is demonstrated step by step.

Keywords: Pioneer-M; salesman’s task; recursive search algorithm; approximate algorithm; computational experiment.

INTRODUCTION. The development of unmanned ships has become quite a popular research activity recently. Now technologies of unmanned ships are being developed by companies like Rolls-Royce, Kongsberg Group and even the US Army. Our country seems not lag behind this trend. It is estimated that in the coming decades these technologies will occupy a significant market

share in transatlantic deliveries of non-hazardous goods. Their use in this industry, presumably, can significantly reduce the cost of shipping goods by water.

LITERATURE REVIEW. The traveling salesman task [1] is one of the most well-known combinatorial optimization problems, consisting in finding the most profitable route that passes through the specified points at least once and then returns to the starting point. In this task, these points become the observation points (OP) at which the ship conducts scientific research. This is the so-called closed version of the problem. There is also an unclosed version of the traveling salesman problem, which differs from the closed one in that it does not need to return to the starting point.

The fact that in the proposed water area of the vessel there may be a zone unsuitable for navigation (reef, coastline, other vessel), forces us to separate the map as a set of two types of points: shipping and obstacles (OP). More about this is written in [2].

It would be logical to solve this problem, simply sorting through all the possible routes that pass through all given points (brute force method). This solution takes place with a sufficiently small number of observation points, since the number of possible routes grows very rapidly with an increase in the number of points. For a symmetric traveling salesman problem, the number of possible routes is:

$$(n - 1)!/2.(1)$$

n - number of point to visit.

Thus, the direct busting of the traveling salesman problem may require enormous computational power. Below is a table with data on the time taken to solve the traveling salesman problem by a search method depending on the number of observation points:

number of points N	8 and less than 8	9 points	10 points	11 points	12 points
decision time, c.	0.02	0.03	0.1	0.9	9

Table 1. Time to solve the traveling salesman problem depending on the number of points on the AMD Quad-Core Processor A 10-4600M processor

MATERIALS AND METHODS. Today, there are many heuristic algorithms for solving traveling salesman problem, which give an answer in a reasonable time, but none of them guarantees finding the shortest route.

Knowing that the brute force method works quickly and accurately with a small number of visiting points, there is a natural interest to divide the original field of points into a certain number of groups of points, the number of which will be acceptable for the calculation of brute force (segmentation task). The number of these groups should not exceed a certain number N , which characterizes the speed of the search for a solution (N should be chosen according to tables similar to Table 1).

After performing segmentation, you need to solve the closed-door traveling salesman problem for groups, as for individual points. For points inside the groups, solve the non-closed traveling salesman problem with given start and finish points (these will be points connecting this group with its neighbors). If the number of points in these groups is greater than the number N , then this group is divided into a system of subgroups and so on. Because of the recursive nature of the solution, we call it the recursive brute force method.

RESULTS. We assign a map of size 15×19 with a random arrangement of observation points and obstacles (Fig. 1). Moreover, each observation is assigned its own individual number.

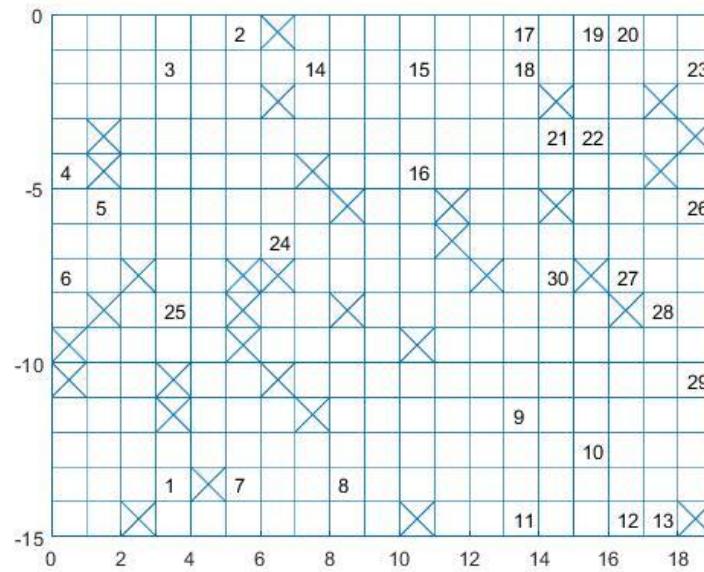

Fig. 1. 15 × 19 map with random obstructions and observation points

We proceed to the segmentation task. Based on the data in Table 1, let the number N be equal to 9. At the initial initialization, each OP is represented as a separate group, and the distances between these groups are equal to the distances corresponding to the OP groups. The number in the cell on the card (Fig. 1) indicates the group number.

At the first iteration, the two nearest groups are combined into one and the distances of the newly formed group are recalculated with all those remaining according to the formula (2):

$$R_{nf} = \frac{\sum_1^I \sum_1^J r_{ij}}{IJ}. \quad (2)$$

where n and f are numbers of groups between which the distance is recalculated; I and J – the number of OP in the first and second group, respectively.

At each subsequent iteration, the actions are repeated, that is, the number of groups is reduced by one until the number of groups is equal to N. The result of the segmentation can be seen in Fig. 2.

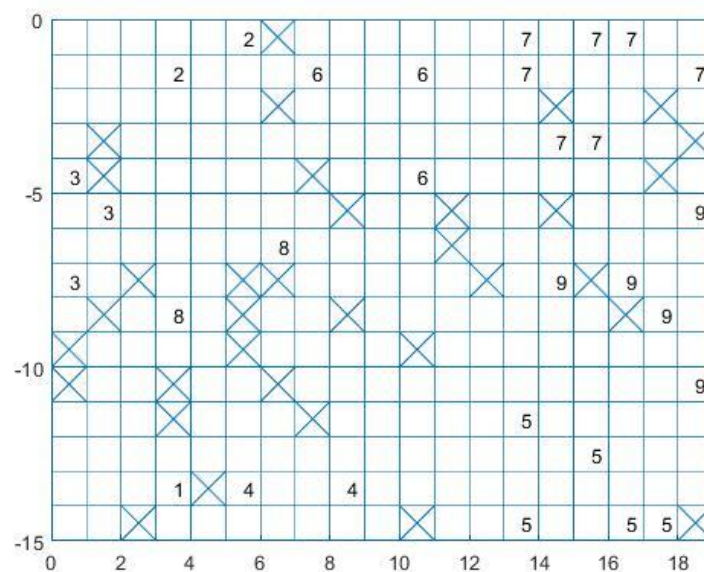

Fig. 2. The result of the segmentation

After performing the brute force segmentation, the closed-door traveling salesman problem for the newly formed N groups is solved, where the groups are represented as whole elements. The distance between two groups is considered equal to the distance of the nearest points from these two groups. The result can be seen in Fig. 3

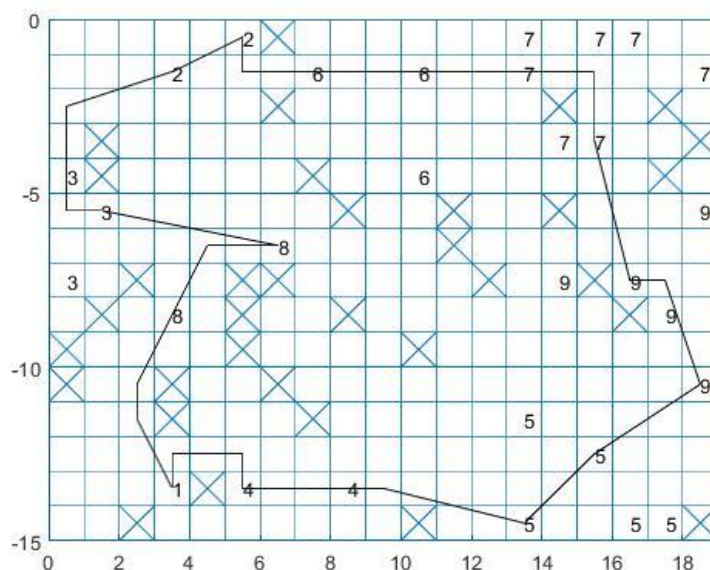

Fig. 3. Solution of the closed-door salesman problem only for groups

Newly formed groups can consist of both one point and several points. If the number of points in a group is less than $N + 1$, then the unclosed traveling salesman problem with fixed start and finish points connecting the selected group with its neighbors is solved. If the number of points in a group is greater than $N + 1$, then it is divided into new subgroups, with which the above procedure is done in a similar way. The results of this task can be seen in Fig. 4.

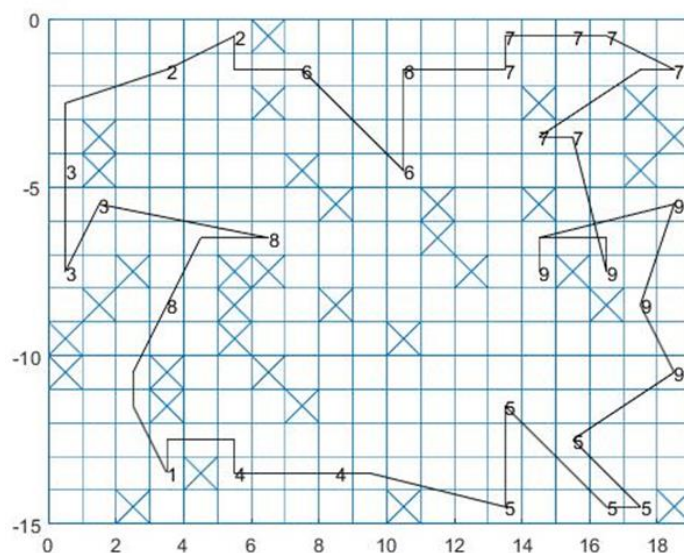

Fig. 4. Solution of the closed traveling salesman problem by the method of recursive search

DISCUSSION. This algorithm has certain advantages and disadvantages. The main advantage of the algorithm is that it has only one configurable parameter – N , in contrast to many alternative algorithms. Also, the Algorithm has great potential for using parallel computing in high-dimensional problems.

Among the shortcomings: this algorithm lags behind in accuracy and runtime from some alternative algorithms in large-scale problems.

Quite naturally, the result may not be satisfactory enough at the group boundaries. To solve this problem, you can “walk” all the way in $N / 2$ steps and perform non-closed enumeration of neighboring points. The result of this stage is shown in Fig. 5.

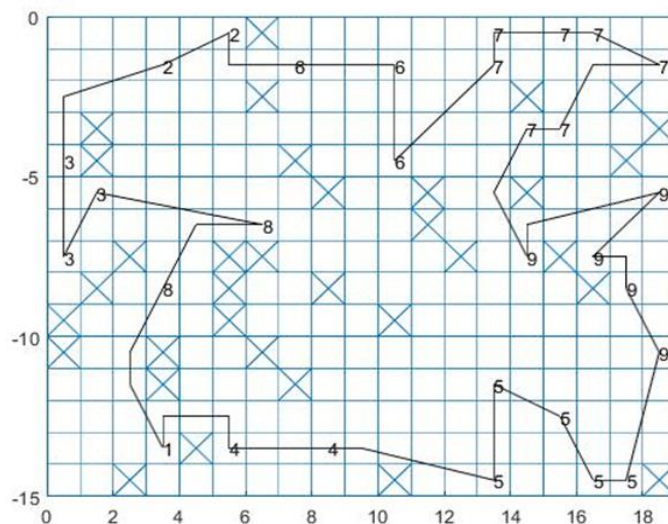

Fig. 5. The solution of the problem of Fig. 4, enhanced by the “passing” procedure

CONCLUSION. The developed algorithm implemented in the Matlab language is able to build a closed route through specified points, bypassing obstacles for the number of observation points that a small research vessel is able to visit during one expedition.

ACKNOWLEDGEMENTS. The project is implemented with the financial support of the Ministry of Education and Science of Russia, the unique project identifier is RFMEFI57817X0259.

References:

1. Кононов А. В., Кононова П.А. Приближенные алгоритмы для решения NP-трудных задач. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2014. – 116 с.
2. Шушляпин Е.А. Разработка алгоритмической части системы управления движением судна по маршруту / Шушляпин Е.А., Скороход Б.А., Альчаков В.В. и др // Отчет о НИР (г/б №АААА–А16–116081910041–0, задание №2015/702). – Севастополь, СевГУ, 2016 г. – 220 с.

УДК 004.9

АНАЛИЗ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Гаврилова Анна Сергеевна
студент 3-го курса бакалавриата
Таран Виктория Николаевна
научный руководитель

ANALYSIS OF APPLICATIONS FOR CREATING AUGMENTED REALITY

Anna Gavrilova
3rd year undergraduate student
Victoria Taran
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В данной статье приведены предпосылки использования и применения новых технологий обучения, которые включают дополненную реальность как одно из обучающих средств. Рассмотрено появление понятия дополненной реальности, его основные особенности и определения. Приведены приложения для разработки проектов, содержащих элементы дополненной реальности и их применение в различных сферах жизни и деятельности человека, а также в обучении и развлечениях. Выделены их характеристики и способы применения, а также приведены возможности их использования в учебных целях. Например, рассмотрены следующие платформы для разработки дополненной реальности: Приложение IKEAPlace под слоганом «Сначала представьте, потом поставьте», EVE: Project Galaxy – это целая вселенная открытий с огромными космическими станциями, различными загадочными артефактами и неизведанными планетами в смартфоне в многопользовательской игре. Monster Park – AR Dino World позволяет пользователям наблюдать за доисторическим миром, с виртуальной игрой WWF Free Rivers можно управлять течением реки и наблюдать за тем, как всё это будет влиять на жизнь людей, животных и различных растений. Секреты строения земноводных и все тонкости анатомии лягушки можно узнать благодаря приложению Froggipedia. С приложением Complete Anatomy 2019 можно изучить любую часть человеческого тела и понять, из чего оно состоит и как функционирует. AR Core позволяет добавлять на 2D-изображение (видео или картинка) полноценные 3D-модели и использует три ключевые технологии для создания приложений дополненной реальности, но имеет и недостатки при использовании его разработчиком.

Ключевые слова: дополненная реальность; виртуальный объект; мобильные приложения; электронное обучение.

ABSTRACT. This article presents the prerequisites for the use and application of new learning technologies, which include augmented reality as one of the training tools. The emergence of the concept of augmented reality, its main features and definitions are considered. Applications for the development of projects containing elements of augmented reality and their application in various spheres of human life and activity, as well as in training and entertainment are given. Their characteristics and methods of application are highlighted, as well as their possibilities of use for educational purposes are given. For example, the following platforms for the development of augmented reality are considered IKEA Place application under the slogan “First imagine, then deliver”, EVE: Project Galaxy is a whole universe of discoveries with huge space stations, various mysterious artifacts and unknown planets in a smartphone in a multiplayer game. Monster Park – AR Dino World allows users to observe the prehistoric world. With the virtual game WWF Free Rivers, you can control the flow of the river and watch how all this will affect the lives of people, animals and various plants. The secrets of the structure of amphibians and all the subtleties of frog anatomy can be learned thanks to the Froggipedia application. With the Complete Anatomy 2019 application, you can study any part of the human body and understand what it consists of and how it functions. AR Core allows you to add full-fledged 3D models to a 2D image (video or picture) and uses Three key technologies for creating augmented reality applications, but it also has drawbacks when used by its developer.

Keywords: augmented reality; virtual object; mobile applications; e-learning.

ВВЕДЕНИЕ. Современное информационное общество на данный момент своего развития широко применяет информационно-коммуникационные технологии в различных сферах деятельности: в производстве, промышленности и, конечно же, в образовании [9]. В связи с этим для процесса образования необходимым становится применение современных информационных технологий, искусственного интеллекта, выполняющего процессы, которые возможно автоматизировать, а также использование Интернет-технологий как средства коммуникации между участниками образовательного процесса [4].

Качественное образование возможно только в условиях новой образовательной среды, ориентированной на применение информационных и коммуникационных технологий. К сожалению, большинство преподавателей современных вузов пока еще испытывают ряд

затруднений при необходимости применения в своей профессиональной деятельности новых технологий и слабо представляют, как можно использовать эти возможности в образовательной практике для организации основных видов педагогической деятельности [5].

Преподаватель, применяя электронное обучение, должен владеть специальным программным обеспечением, навыками работы в электронной среде обучения, а также использовать при обучении студентов современное оборудование (компьютерные глобальные сети, web-камеру, и т.п.) [6].

Повсеместное использование различных гаджетов студентами, школьниками и даже детьми дошкольного возраста расширяет возможности образовательных технологий за счет визуализации и виртуализации информации и процессов, которые поясняются этой информацией. Виртуальная реальность порой поглощает пользователя настолько, что он не может отличить выдуманное и реализованное компьютерными технологиями окружение от естественного. Эту особенность виртуальной реальности следует использовать в обучении для улучшения его качества и повышения его эффективности, а также в воспитательных целях [8].

В области образования и обучения в области информационно-коммуникационных технологий происходят значительные изменения, связанные с адаптацией образовательного процесса к новым технологическим задачам [3]. Целью данной статьи является анализ среды разработки приложений дополненной реальности и использование их в обучении.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Количество внедряемых образовательных инноваций растет [11] как и растет применение элементов дополненной реальности.

Понятие дополненной реальности ввел инженер Boeing Том Кодел в 1990 году: тогда специалисты компании закрепляли на голове цифровые дисплеи, которые помогали монтировать провода в самолёте. Цель AR – усилить восприятие реальности. В этом ее отличие от VR, которая заменяет реальность на симуляцию [1].

Дополненная реальность или Augmented Reality (AR) – это результат введения в поле восприятия любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и улучшения восприятия информации.

По мнению Дементьевой А.В., Откупщиковой И.А., Реськова К.Н. [2], дополненная реальность – это технология добавления или внедрения элементов виртуальной информации в реальную жизнь человека, отображенную на экране с помощью технических средств. Технологии создания дополненной реальности позволяют стереть грань между окружающим и искусственно созданным миром (рис.1).

Рис. 1. Дополненная реальность, реализованная для смартфона

AR технология – это одна из самых перспективных технологий XXI века и невероятно полезный инструмент в повседневных делах. Благодаря ей, например, можно расставить новую мебель в своём доме и посмотреть подходит ли она к вашему интерьеру или ориентироваться в абсолютно незнакомых местах, даже не глядя на карту. Её сферы применения не ограничиваются только этим. AR технологии также широко используются в цифровой индустрии, в различных продуктах для мобильных устройств, и в медицине при лапароскопических операциях.

Приложение IKEAPlace под слоганом «Сначала представьте, потом поставьте» помогает увидеть то, как новые вещи будут смотреться в интерьере, даже если они находятся ещё в магазине.

Многие серьезные компании для обучения специалистов по техническому обслуживанию используют элементы дополненной реальности с целью визуализации промышленного оборудования, за счет чего проводится его ремонт с максимальной эффективностью.

Авиакомпания **American Airlines** разработала прототип приложения с дополненной реальностью, которое показывает информацию об окружающих вас объектах в аэропортах. Благодаря ему можно быстро найти ближайшее кафе, туалет, магазины, нужный терминал и ваш выход на посадку.

Также дополненная реальность превращает весь мир в вашу игровую комнату. Можно играть с игровыми виртуальными монстрами как на ближайшей улице, так и на кухонном столе; либо надеть маску и устроить костюмированную вечеринку с друзьями со всего мира где-нибудь в клубе. И с масками, и с различными виртуальными животными вы можете взаимодействовать так, будто они уже находятся у вас в руках. Словом, реальный мир превращается в фантастику.

Приложение **Моя очень голодная гусеница AR** позволяет наблюдать за превращением милой гусеницы из популярной детской книги в реальном мире.

EVE: Project Galaxy – это целая вселенная открытий. Огромные космические станции, различные загадочные артефакты и неизведанные планеты ждут вас в смартфоне в многопользовательской игре.

Monster Park – AR Dino World позволит пользователям наблюдать за доисторическим миром, чтобы увидеть прошлое – огромных реалистичных динозавров: летающих птеранодонов, могучих тираннозавров.

Использование дополненной реальности можно применять и в обучении, так как считается, что самым эффективным способом что-то узнать является возможность увидеть всё это своими глазами. AR технологии позволят применять технологии, о которых несколько лет назад можно было лишь мечтать. Вся работа автомобильного двигателя, которого можно разобрать на части без единого инструмента или досконально изучить человеческий скелет до самых мельчайших костей – все это теперь можно исследовать с помощью дополненной реальности.

С виртуальной игрой **WWF Free Rivers** можно управлять течением реки и наблюдать за тем, как всё это будет влиять на жизнь людей, животных и различных растений. После, также можно будет узнать, что происходит после строительства плотины и защитить экологию реки, сохранить здоровье всех тех, кто непосредственно от неё зависит.

Секреты строения земноводных и все тонкости анатомии лягушки можно будет узнать благодаря приложению **Froggipedia**. Следует отключать поочерёдно слои изображения, чтобы в деталях посмотреть строение каждого органа и узнать стадии развития земноводного организма.

С приложением **Complete Anatomy 2019**, как говорилось выше, можно изучить любую часть человеческого тела и понять, как оно устроено.

Также имеется много других различных приложений, которые придуманы для развлечения людей нашей планеты.

С помощью приложения **Blippar** можно отображать окружающий нас мир за счет распознавания различных объектов таких, как: рисунки, инфостикеры, миниигры, а также предметы, но только те, что уже есть в библиотеке приложения. Ещё можно расширять «блипательную» вселенную через редактор Blip Builder или создавать свои приложения, используя blippar sdk. Также данная платформа используется брендами для продвижения своих товаров.

Приложение **MSQRD**, разработанное белорусской компанией MasqueradeTechnologies, используется для сторис и масок в социальных сетях. Пользователь может привязать свою фотографию и затем изменить её вид и поделиться с друзьями на Facebook или Instagram.

Сегодня не составит труда создать приложение дополненной реальности с помощью **AR Core** – приложения, которое разработано корпорацией Google и позволяет добавлять на 2D-изображение (видео или картинка) полноценные 3D-модели. Очевидно, что изображения дополненной реальности в ARCore позволяют создавать «оживающие» 2D-изображения. Для работы с дополненной реальностью необходимы опорные изображения, которые попадают в объектив камеры и инициализируют встроенные библиотеки видео и анимации, которые используются для расположения 3D-модели на 2D-изображении.

AR Core использует три ключевые технологии для создания приложений дополненной реальности, т.е. для внедрения в реальную среду (изображение или видео) виртуального контента:

- отслеживание движения, которое позволяет гаджету «понять» свое расположение в реальном мире;
- понимание окружающей среды, которое позволяет выбранному гаджету определить размер и местоположение реальных объектов и их типов поверхностей, в том числе, вертикальных, горизонтальных, угловых и т.п.;
- оценка освещенности, которая позволяет оценить гаджету текущую освещенность реальных объектов в окружающей среде.

Однако данная среда разработки имеет и недостатки при использовании разработчиком:

- AR Core может обрабатывать одновременно не более 20 опорных изображений;
- физическая плоскость в реальном мире должна быть плоской, а её площадь должна быть больше, чем 15 см x 15 см;
- AR Core не может отслеживать движущиеся изображения и объекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, приложения, созданные с помощью технологии дополненной реальности востребованы не только в образовании, но и в бизнесе при рекламных и маркетинговых исследованиях, а также в туризме. С их помощью можно искать подходящие вещи к интерьеру или изучать биологию и функционирование организма человека, а также занимать детей интересными развивающими играми.

Современные предприятия остро нуждаются в притоке молодых мобильных сотрудников, что объясняется новым курсом страны по реализации Национальной технологической инициативы как одного из приоритетов государственной политики, что порождает задачу создания условий для подготовки будущих кадров, соответствующих государственным приоритетам развития науки и техники, способных развиваться у себя на родине, повышая тем самым ее экономический потенциал [11].

В то же время рациональное использование информационных ресурсов при реализации образовательных программ постепенно стало основной тенденцией современного образования [10]. Развитие технологий дополненной реальности не остановить. Широко и повсеместно дополненная реальность входит в нашу жизнь, а, значит, надо найти ей применение, используя возможности визуализации и соединения реального окружения и виртуального цифрового пространства, в результате чего происходит погружение пользователя в процессы обучения. Таким образом, использование дополненной реальности при обучении позволяет добиться высоких результатов, при этом следует умело сочетать

современные информационные технологии и технические инновации с классическими методами обучения, не пренебрегая психолого-педагогическими приемами и средствами.

Список литературы:

1. Виртуальная реальность: разбираемся в терминологии. Блог компании Puzzle English, AR и VR, Изучение языков [Электронный ресурс] режим доступа: <https://habr.com/ru/company/puzzleenglish/blog/370977/> (дата обращения 01.12.2019).
2. Дементьева А.В., Откупщикова И.А., Реськов К.Н. Дополненная реальность в учебном процессе // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XLII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 7(42). [Электронный ресурс] режим доступа: [https://sibac.info/archive/meghdis/7\(42\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/7(42).pdf) (дата обращения: 23.08.2018).
3. Котова Е.Е. Подготовка специалистов в сфере ИСТ-индустрии на основе клиентоориентированного подхода // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. – Том:1. – 2018. – С. 119-122.
4. Олейников Н.Н., Бегишова Э.Э. Анализ возможностей применения системы управления обучением MOODLE 3+ при тестировании знаний студентов // Дистанционные образовательные технологии: материалы I Всероссийской научно-практической интернет-конференции (Ялта, 19-23 сентября 2016 г.). – отв. ред. Таран В.Н. – Симферополь: Ариал, 2016. – С. 64-67.
5. Панкратова О.П., Конопко Е.А., Катков К.А. Опыт применения облачных технологий в создании информационной образовательной среды вуза // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 53-2. – С. 143-149.
6. Таран В.Н. Анализ компетенций профессорско-преподавательского состава при подготовке ИТ-специалистов // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2016. – Т. 12 (№4). – С. 20-24.
7. Таран В.Н. Внедрение элементов дополненной реальности в образовательный процесс в высшей школе // Современные информационные технологии и ИТ-образование: сборник научных трудов III Международной научной конференции «Конвергентные когнитивно-информационные технологии» и XIII Международной научно-практической конференции «Современные информационные технологии и ИТ-образование». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Федеральный исследовательский центр "Информатика и управление" РАН. Москва, 2019. – С. 120-125.
8. Таран В.Н. Применение дополненной реальности в обучении / В.Н. Таран // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. Сб. статей. – Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 60. – Ч. II. – С. 433-137.
9. Таран В.Н., Туманов Е.В. Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе вуза // Дистанционные образовательные технологии: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Отв. Ред. В.Н. Таран. – 2018. – С. 176-179.
10. Pankratova O.P., Konopko E.A., Nemkov R.M., Mezentseva O.S. The preparation of a modern Computer Science teacher with the help of resource-saving technologies and Green IT implementation // Integrating Research Agendas and Devising Joint Challenges International Multidisciplinary Symposium ICT Research in Russian Federation and Europe. – 2018. – P. 222-228.
11. Zenkina S., Pankratova O., Konopko E., Ardeev A. Model of organization of network project-research students activities in collaboration with city-forming enterprises// Integrating Research Agendas and Devising Joint Challenges International Multidisciplinary Symposium ICT Research in Russian Federation and Europe.– 2018. – С. 290-296.

УДК 726.03

АРХИТЕКТУРА КРЫМА

Ганиев Ленур Расимович

студент 1 курса

Грищук Артём Валерьевич

научный руководитель

ARCHITECTURE OF CRIMEA

Lenur Ganiev

1st year student

Artyom Grishchuk

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В данной статье представлены результаты исследования крымской архитектуры в общем, а также архитектурной компоненты храмового пространства Крыма в контексте развития сакральной православной культуры России. История архитектуры разделена на несколько временных промежутков: дореволюционная архитектура, сооружения советской эпохи, постройки последних десятилетий. Дается история и краткое описание каждого архитектурного объекта. Также в статье приводятся некоторые исторические факты о храмах-памятниках Крыма, которые свидетельствуют о том, что культовое назначение монументов неизменно отражало общие установки Русской православной церкви как в планировочной структуре и композиции, так и в архитектурной стилистике. Данное научное исследование показывает разнообразие мемориальных мотивов строительства, а также подтверждает тот факт, что храмовая архитектура Крыма развивалась в контексте сакральной православной культуры Российского государства.

Ключевые слова: архитектура; Крым; полуостров; искусство; культура; дворец; храм.

ABSTRACT. This article presents the results of a study of the Crimean architecture in general, as well as the architectural component of the temple space of Crimea in the context of the development of the sacred Orthodox culture of Russia. The history of architecture is divided into several time periods: pre-revolutionary architecture, buildings of the Soviet era and buildings of recent decades. A history and a brief description of each architectural object are given. The article also presents some historical facts about the temples and monuments of Crimea, which indicate that the religious purpose of the monuments invariably reflected the general attitudes of the Russian Orthodox Church both in the planning structure and composition, and in the architectural style. This scientific study shows the diversity of memorial motives for construction, and also confirms the fact that the temple architecture of Crimea developed in the context of the sacred Orthodox culture of the Russian state.

Keywords: architecture; Crimea; peninsula; art; culture; palace; temple.

ВВЕДЕНИЕ. Крым – это живописный регион на Черном море, который уже давно очаровывает посетителей своей красотой. Этот маленький бриллиант отличает множество ландшафтов: крымская степь, или прерия, на востоке и севере, песчаные пляжи, виноградники на волнистых холмах и фруктовые деревья, замки, выполненные в стиле немецкой готики, цепляющиеся за скалы, погружающиеся в теплое, лазурное море, а также лесистые горные хребты со знаменитыми пещерными городами на западе.

Этот необычный полуостров имеет свой уникальный набор достопримечательностей и исторических ценностей.

Архитектура является одним из важных достояний Крыма, хранящего развалины старинных храмов, средневековых поселений и городов, вилл и чертог эпохи Российской империи и нынешних высокотехнологичных сооружений. В архитектуре полуострова

переплелось обилие различных традиций, стилей и направлений, создавших неповторимую смесь [3, с. 235].

Богатая событиями многовековая история Крыма определила поликультурный характер местной архитектуры. Большое количество художников и искусствоведов обращали своё внимание на взаимодействия традиций в Крымской архитектуре, и она по сей день остается удивительной и разнообразной. В свете последних событий и новых археологических находок исследования о взаимовлиянии и взаимопроникновении архитектурных приемов и образов в Крымской архитектуре выходят на новый уровень.

Полуостров был важным связующей точкой между Севером и Югом, Востоком и Западом. Крым был пересечением торговых путей и культурных контактов. Тесные связи между народами Крыма и другими странами, с разными дипломатическими интересами на полуострове, послужили основанием для создания памятников, интересных с художественной точки зрения [3, с. 243].

Взаимоотношения культурных традиций прослеживается в ряде зданий разных временных отрезков и разных архитектурных стилистик. Наиболее примечательный синтез культурных явлений в архитектуре Крыма наблюдается в памятниках средневекового полуострова, таких как Храм Иоанна Предтечи в Керчи, Ханский дворец в Бахчисарае, а также защитные сооружения в районе Керчи, Судака и Севастополя, культовые и жилые здания крымских городов. Работы художников, которые перемещались по полуострову, отличаются очевидным параллелизмом. В этом отношении наиболее ярким примером является биография архитектора Алевиза Нови, который был задержан крымским ханом по пути из Италии в Москву и работал в Бахчисарайском дворце [3, с. 246].

За сотни лет в Крыму менялась власть, менялась вера. И сегодня на полуострове проживают более 130 национальностей, исповедующих самые разные религии, среди которых выделяются христианство, ислам, католицизм. К объектам религиозного характера, которыми славен Крым, можно отнести храмы-памятники: церкви, мечети, синагоги, имеющие славную историю. Некоторые из них насчитывают целые сотни лет. От некоторых остались только руины, другие памятники архитектуры существуют по сей день. Со многими из них связаны легенды и древние предания. Основные места общения с Богом и поклонения ему в Крыму: Владимирский собор в Херсонесе; ялтинский собор Святого Александра Невского; Свято-Успенский мужской монастырь; Джума-Джами; Кебир-Джами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье автор анализирует научную литературу по истории архитектуры Крыма, а также теоретический материал, в котором даётся описание данных архитектурных объектов. Методологическую основу работы составили современные представления о крымской архитектуре, изучение и теоретический анализ литературы, а также обобщение изученного материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Так как история архитектуры очень разнообразна ее можно разделить на несколько этапов, первый из которых **дореволюционный период**. К данному временному периоду относят следующие памятники архитектуры:

1. **Бахчисарайский дворец** – дворец крымских ханов, располагается в городе Бахчисарай. Он был возведен в 1532 году как основная вотчинная резиденция династии Гиреев, правившей Крымским ханством в 1441-1783 годах. До 1783 года Бахчисарайский дворец был сердцем духовной, политической и культурной жизни государства крымских татар. Бахчисарайский дворец – это монументальный исторический символ для местного народа, представляющий крымско-татарскую архитектуру и культуру. Внешний дизайн и элементы этого объекта были изменены в течение трех столетий, когда Бахчисарай стал столицей Крыма.

2. **Юсуповский Дворец**, который находится на южном побережье Крыма, недалеко от горы Ай-Петри, в городе Кореизе. Объект датируется XVIII веком и началом русской колонизации Крыма. Юсуповский дворец ранее назывался «розовым домом», построенным в стиле модернизированного итальянского Ренессанса талантливым архитектором Н.Красновым. Хозяином дворца был князь Феликс Юсупов, князь Сумароков-Эльстон – был

генерал-губернатором Москвы, а его жена – княгиня Зинаида Юсупова. Это была одна из богатейших аристократических династий России, близкая к императорскому двору. В феврале 1945 года, Юсуповский дворец служил резиденцией для Сталина, во время Ялтинской конференции. В нём также устраивался праздничный ужин в честь президента Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля [1].

3. Воронцовский дворец. Губернатор Новороссийского края Михаил Семенович Воронцов был очень богатым человеком Российской Империи. Он оставил после себя потомкам немало изумительных имений, самым роскошным и шикарным из которых является замок в неомавританском стиле, возведённый в крымском городке Алупка. Впрочем, Воронцовский дворец в Алупке нельзя однозначно причислить к какому-либо конкретному стилю. Это очень эклектичное здание, в котором мавританские архитектурные элементы сочетаются с традиционными английскими, а также готическими. Очертание здания повторяет абрис зубцов горной гряды Ай-Петри, у подножия которой оно находится. Вокруг Воронцовского дворца разбит парк – настоящий шедевр садово-парковой архитектуры, выходящий к самому побережью моря. Созданные руками человека элементы в нем органично сочетаются с природными.

4. Дача Кичкина. Крошечное имение («Кичкин «в переводе с татарского» – малыш) было приобретено еще одним представителем императорской семьи – великим князем Дмитрием Константиновичем. Земля здесь была дикой и необработанной, поэтому перед компанией братьев императора стояла непростая задача. Именно им в 1912 году было поручено строительство дач на территории современного Сочи. Выполненный в восточном стиле, он напоминает Ассирийскую крепость [1].

5. Ливадийский дворец был спроектирован и построен в качестве летней резиденции российских императоров. В 1861 году объект был национализирован и превращен в санаторий для трудящихся. Широкую известность в мировых масштабах Ливадийский дворец приобрел в феврале 1945 года, когда в нем прошла официальная часть Ялтинской конференции союзников, в рамках которой определилась судьба послевоенного мира. Ливадийский дворец стал площадкой для съемок множества художественных фильмов – ведь это одно из лучших в СССР сооружений, которое может передать роскошь и размах царской и дворянской жизни. Самым известным фильмом, снятым в этих стенах, является комедия «Собака на сене» [1].

6. Ласточкино гнездо – одно из самых известных сооружений Крыма готического стиля, построенное в конце девятнадцатого века на верхушке 40-метровой скалы на мысе Ай-Тюдор неподалеку от поселка Гаспра. Своей популярностью он обязан живописному расположению, благодаря которому его отлично видно как с берега, так и с моря. В семидесятых годах двадцатого века в Ласточкином гнезде был открыт ресторан, который сейчас считается одним из самых дорогих не только в Крыму, но и в России. Ласточкино гнездо – это визитная карточка Южного берега Крыма, самый узнаваемый объект региона.

7. Дворец Дюльбер был построен в 1895-1897 годах в Кореизе для великого князя Петра Николаевича. Проект этого места был разработан ялтинским архитектором Николаем Петровичем Красновым. Некоторые элементы и декоры дворца были выбраны великим князем Петром Николаевичем. Этот художественный опыт он приобрел во время длительных путешествий по Египту, Сирии, странам Средиземноморья и Магриба. Сооружение представляет собой асимметричное четырехэтажное здание, насчитывающее более ста комнат. На стенах белого цвета представлены каменные элементы и мозаичная композиция. Во время Второй мировой войны дворец Дюльбер был поврежден, а в 1946 году был восстановлен при содействии немецких и румынских военнопленных. В послевоенные годы в Дюльберском дворце принимали высших партийных руководителей СССР и других социалистических стран. На сегодняшний день Дюльбер является роскошным спа-комплексом, где можно расслабиться и восстановить силы.

8. **Дача Стамболи** когда-то была домом для богатого торговца табаком, внешний вид здания немного испорчен из-за погодных условий, но его богато украшенный восстановленный интерьер является одним из лучших в Крыму [4 с. 265].

9. **Херсонесский Собор Святого Владимира.** В славном городе-герое Севастополе достопримечательности можно встретить на каждом шагу. Среди святых мест наиболее исторически значимым является Владимирский собор, расположенный на территории Национального историко-археологического заповедника «Херсонес-Таврический». Кроме того, этот храм по праву считают одним из наиболее уникальных архитектурных достояний Севастополя. Сейчас собор Святого Владимира значится, как храм-памятник, являющийся символом принятия христианства на Руси. Согласно историческим документам именно на территории Херсонеса (древнее название Корсунь) в 988 году князь Владимир принял крещение. С этой знаменательной даты отсчитывают развитие православной веры на Руси. В исторической летописи «Повесть временных лет» упоминается городская соборная церковь, где, по всей вероятности, и произошло это важнейшее религиозное событие. Херсонесский собор и все примыкающие к нему сооружения – это архитектурно-исторические памятники общегосударственного значения.

Следующий важный этап в истории формирования и развития архитектуры Крымского полуострова является **советская эпоха**, к которой относят такие значимые сооружения архипелага как:

1. **Санаторий Курпаты**, расположенный неподалеку от Ялты появляется практически в каждом всемирном рейтинге самых необычных сооружений на планете. Это массивное многоэтажное здание выглядит, будто огромная летающая тарелка, приземлившаяся на пляж на Южном берегу Крыма. Построенное в 1985 году по проекту архитектора Нодара Канчели, белоснежное круглое здание висит над берегом моря на нескольких едва заметных опорах, благодаря чему кажется, будто оно парит в воздухе [4, с. 273].

2. **Верховный Совет Крыма.** Жители Симферополя в шутку называют здание Верховного Совета Крыма «Пентагоном» за его размеры и угловатую форму. Это утверждение является ошибочным, так как у данного сооружения не пять углов, а четыре (или восемь, в зависимости от того, как считать).

Здание было построено в 1980-1988 годах для обкома КПСС, но в качестве такового прослужило недолго. После развала СССР в него въехал Верховный Совет Крыма, центральный законодательный орган автономной республики в составе Украины.

К **постройкам Крыма последних десятилетий** относят комплекс «б элемент», курортное здание Хрустального пляжа, поселок Санта Барбара.

1. **Комплекс б элемент.** Еще с дореволюционных времен Ялта была «столицей» Южного берега Крыма, самым популярным курортом региона, куда съезжались богатейшие люди России и где строились шикарные здания. Город сохраняет этот статус и по сей день. Самым известным сооружением города является комплекс «б элемент», построенный за гостиницей «Ореанда».

Это здание стало новой архитектурной доминантой города, которую отлично видно с любой точки Ялты, а особенно впечатляюще оно выглядит, если любоваться сооружением с моря. Внутри «б элемента» расположены апартаменты, многие из которых можно арендовать на время отдыха [4, с. 381].

2. **Курортное здание Хрустального пляжа.** Севастополь в последнее десятилетие переживает самый настоящий архитектурный бум – в городе строят не отдельные дома, а целые кварталы и даже районы. Одним из знаковых сооружений в этом населенном пункте можно считать комплекс курортное здание Хрустального пляжа. Расположенный в самом центре Севастополя на берегу Артиллерийской бухты, Crystall Beach Resort формирует новое визуальное восприятие всей центральной части города. Комплекс объединит в себе апартаменты, киноконцертный зал, галерею магазинов престижных брендов, отель и пристань для яхт [2, с. 196].

3. Санта Барбара. Закончим нашу статью об архитектуре Крымского полуострова мы не отдельным зданием, а целым поселком, выросшим на Южном берегу Крыма между Алуштой и Партенитом. Он начал застраиваться в середине девятых годов и местные жители дали ему название Санта-Барбара в честь популярного в те времена сериала про роскошную жизнь богатых семейств из Калифорнии.

Сейчас в состав Санта-Барбары входят более сотни небольших частных гостиниц разного уровня комфорта и сервиса. Они выстроены в три линии вдоль моря, но даже от самого дальнего из них до пляжа идти не больше пяти минут.

Ни о какой визуальной целостности комплекса в данном случае и речи быть не может – он застраивался очень хаотично. Санта-Барбара и попала в этот обзор, так как она является наглядной демонстрацией архитектурного настоящего Крыма [2, с. 208].

ОБСУЖДЕНИЕ. Данный обзор показывает разнообразие мемориальных мотивов строительства. Особо выделяется то, что именно здесь, на крымской земле совершилось принятие христианства – событие, отмеченное храмом-памятником, событие не только общенациональной, но и общеевропейской исторической важности, определившее весь духовный, нравственный и культурный облик Древней Руси, а за ней и России.

В Севастополе сохранилось достаточно много архитектурных сооружений, выполненных в традициях русско-византийского стиля. Ярким воплощением данного направления является Владимирский собор, который также служит усыпальницей адмиралов П.С. Нахимова, М.П. Лазарева, В.А. Корнилова. Собор был построен в 1881 г. архитектором К.А. Тоном. Несколько зданий в Симферополе выполнены с использованием форм и приемов классики: бывшая загородная усадьба врача Мюльгаузена (1811 г.) и странноприимный дом Таранова-Белозерова (1825 г.). Кроме того, в стиле русского классицизма построен и загородный дом Воронцова в Парке Салгирка также в Симферополе.

Национальная палитра Крыма представлена более чем ста этносами и этническими группами, многие из которых сохранили свою традиционную бытовую культуру и активно популяризируют свое историко-культурное наследие. На территории республики проживают украинцы, русские, крымские татары, азербайджанцы, армяне, греки, венгры, болгары, грузины, евреи, казахи и др. В настоящее время в АРК действует более 27 национально-культурных объединений, 25 из них официально зарегистрированы [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Таким образом, на основании вышеизложенного обзора можно сделать вывод о том, что архитектура Крыма развивалась в контексте сакральной православной культуры Российского государства.

Некоторый подъем культурной жизни дает основание полагать, что Республика Крым располагает реальными возможностями, чтобы стать на путь стабилизации и дальнейшего развития. Культура народов Крыма – важный фактор общественной жизни, носитель идей мира и дружбы между народами.

Список литературы:

1. 10 самых красивых дворцов в Крыму // [Электронный ресурс]. – URL: <https://mishka.travel/blog/index/node/id/3855-10-samih-krasivih-dvorcov-v-krimu/> (Дата обращения: 28.11.2019).
2. Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. / Г.В. Барановский – С.-Петербург, 1902-1908. – 588 с.
3. Баторевич Н.И., Кожицева Т.Д. Малая архитектурная энциклопедия. / Н.И. Баоревич, Т.Д. Кожицева. – С.-Петербург, 2005. – 704 с.
4. Бусева-Давыдова И.Л., Глазычев В.Л. Большая российская энциклопедия. / И.Л. Бусева-Давыдова, В.Л. Глазычев. – Сп.-Б.: Питер, 2013. – 796 с.
5. Старинные книги по архитектуре // [Электронный ресурс]. – URL: <http://novikov-architect.ru/knigi-arch.htm> (Дата обращения: 28.11.2019).

УДК 336.71

БИОМЕТРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Мешков Андрей Владимирович
студент 3 курса

Колесова Ирина Викторовна
научный руководитель

BIOMETRICS AS A TOOL TO COMBAT MONEY LAUNDERING AND TERRORIST FINANCING

Andrey Meshkov
3rd year student
Irina Kolesova
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В условиях расширения инструментария кредитных организаций в части управления рисками вовлечения в сомнительные операции появляется необходимость внедрения новейших технологий противодействия легализации (отмыванию) денег, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Биометрические технологии идентификации могут стать эффективным средством минимизации таких рисков. Их применение становится все более актуальным для защиты корпоративных информационных систем банков. Повсеместное применение биометрической идентификации в банках по-прежнему ограничивается по ряду причин. Применение биометрических технологий требует трансформации культуры, менталитета, процессов и технологий внутри кредитной организации. Остаются актуальными проблемы инфраструктурных затрат, необходимость изучения и оценки новых рисков, связанных с биометрией, а также психологическая неготовность к биометрической идентификации многих людей. Однако существующие возможности и современная элементная база биометрических систем могут обеспечивать реализацию сложных алгоритмов, позволяющих значительно снизить вероятности ошибочной идентификации. В данной статье рассмотрены основные направления использования биометрических систем, проблемы их применения, тенденции и перспективы развития, проведен анализ статистических данных из открытых источников. На основании проведенного обзора выявлены преимущества биометрических технологий в банковской деятельности. Также продемонстрированы примеры использования биометрии, как в России, так и за рубежом.

Ключевые слова: биометрия; технологии; противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма; банковские организации.

ABSTRACT. In the context of expanding the tools of credit institutions related to management of risk of involvement in questionable transactions, there is a need to introduce new technologies of antimoney laundering and combating the financing of terrorism. Biometric identification technologies may be effective in minimizing the risk and protecting the corporate information systems of banks. The widespread use of biometric identification in banks is still limited for variety of reasons. The use of biometric technology requires the transformation of culture, mindset, processes and technologies within a credit institution. The problems of infrastructure costs, the need to explore and evaluate new risks associated with biometrics, as well as psychological unwillingness of many people to apply biometric identification still remain urgent. However, the existing possibilities and the modern element base of biometric systems can ensure the implementation of complex algorithms that significantly reduce the likelihood of misidentification. The article discusses the basic ways to use biometric systems in banks, challenges and prospects of their further development and application; the analysis of statistical data is carried

out. The research revealed the main advantages of biometric technologies in banking activity. The examples of using biometrics both in Russia and abroad are also demonstrated.

Keywords: biometrics; technology; anti-money laundering; financing of terrorism; banking institutions.

INTRODUCTION. Combating money-laundering remains a major challenge for national government, banks and financial institutions worldwide. As biometric technologies become more reliable, accessible and innovative, they lead to significant changes in the way regulators and institutions combat money-laundering and terrorist financing.

According to the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), the estimated amount of money laundered worldwide in one year is 2-5% of the world's GDP, or about \$1.5 trillion [4]. Today, most banks and financial institutions must comply with anti-money-laundering regulations, which include many steps to be taken. Perhaps most importantly, they have a procedure that allows them to quickly and efficiently verify and identify their clients. However, the current procedure is expensive, time-consuming and difficult to implement. Accenture estimates that, given the constant changes in regulatory requirements and rapid implementation requirements, anti-money laundering (AML) costs have increased by more than 50% over the past three years. In recent news, HSBC Bank has tripled the number of staff responsible for compliance from 2014 to 2017 to 8600 and spent \$3 billion on compliance in 2017 [4].

Worldwide, about 2 billion people do not use banking services, and the "lack of necessary documents" is one of the main reasons, according to the World Bank's UFA 2020 survey in 2017. The main task in confirming your unique identity can be done by biometrics. Technology that will help to create an effective and efficient AML/CFT customer identification strategy. It will be able to remove geographical and financial barriers when someone wants to open a bank account and therefore provide more open financial services.

The purpose of this article is to study and substantiate the need to expand the market of biometric technologies, as well as to improve financial literacy of the population, in particular, clients of banking institutions.

RESULTS. Biometric scanning can be used when registering new customers to conduct "due diligence" and transaction verification to determine whether customers are who they claim to be. A biometric identification and verification scheme can block some traditional techniques of international trade in money laundering, such as use of multiple passports to avoid being identified. In addition to reducing identity fraud, biometrics can also track potential money laundering cases at the time of transaction. In a digital world where people can make online transactions anonymously, with little or no trace of it, biometrics can create a strong link between anonymous digital identification and the real person.

More and more countries are implementing an innovative biometric system to verify the identity of the customer, such as fingerprints, iris scans and voice identification. Some countries have established a nationwide biometric identification programme that financial institutions can use to verify the identity of their customers. For example, in India, a customer can present their Aadhaar number at any bank outlet that is equipped with a biometric reader. The client must give the bank permission to obtain Electronic "Know Your Customer" (e-KYC) data from the Unique Identification Authority of India (UIDAI) database and to obtain biometric data. The bank then sends the Aadhaar number and the client's biometric data to the UIDAI server. If the information is the same, the bank can instantly open an account for the client. This is called the e-KYC process, which is applied in the country.

In a recent guidance document, the Financial Action Task Force (FATF), an intergovernmental organization, highlighted the importance of preventing money laundering and other suspicious transactions while promoting financial inclusion of services [4]. The use of biometrics can solve a number of difficulties by performing identification and verification activities even without identity documents. At the same time, the introduction of biometrics also improves the quality of customer service and differentiates banks from their competitors.

A study conducted and published in January 2014 by Cross Match Technologies revealed the following benefits of using biometric technologies in banking:

- Enlarging a base of potential clients;
- Facilitating the implementation of microfinance initiatives;
- Improving the security and authenticity of banking operations;
- Removal of language and social barriers;
- More customer convenience than carrying a bank card or flash card [2].

The most promising technologies include fingerprint identification, facial geometry and iris identification. In the coming years, the first place will confidently continue to occupy dactyloscopy method, as it is the most studied. Banks have already appreciated the benefits of biometric data in improving business processes. The main advantage of user identification by biometric data is the inseparability of these characteristics from the user. They cannot be forgotten, lost or passed on to another user and are difficult to forge. It is impossible to refuse the actions confirmed by providing biometric identifiers. Unlike plastic cards, for example, fingerprints have no limits on the number of “reads”, biometric systems can register backup identifiers, and here fingerprints are again in front: the average person has 10 fingers. The probability of erroneous identification by fingerprints is 0.000000001%, and the time required for scanning does not exceed a fraction of a second [2]. Standard client identification methods require that a password be stored or a digital signature file stored on a separate medium, which is inconvenient. That’s why biometric technologies are beginning to enter the access security market. Combined devices such as a five-finger scanner and systems that use both fingerprints and iris are now the most accurate. Biometric data can be used in combination with a password and an authentication device (smart card) to provide two- or three-factor authentication.

Currently, there are many examples of using biometric data in credit institutions. Thus, the Dutch financial conglomerate ING Group N.V. refused to use passwords because of their unreliability in order to minimize the risks of compromising the brokers' data. The computers at the Amsterdam dealership are now accessed via fingerprints. MasterCard is currently working with the Royal Bank of Canada to test heart rate measurement technology using a special bracelet for identification when making contactless payments.

Another example of biometric data application is the introduction of the fingerprint identification system by Halyk Bank of Kazakhstan JSC. Such identification works for more than 9 thousand workplaces and is used not only for access to corporate network resources, but also in corporate applications. The Bank also plans to use biometric identification of ATM users [1].

The most voluminous and topical issue at the moment is the use of biometric data – it is the introduction of the Unified Biometric System, as well as everything related to it. The Unified Biometric System (UBS) is a digital platform developed by Rostelecom on the initiative of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation and the Central Bank of the Russian Federation. Currently, the system is designed specifically for banking services, although the prospects for its application in other areas are also being considered. UBS uses a combination of two parameters: “human face image data from photographic and video devices; human voice data from audio recorders”. The procedure of work with the UBS is fixed in the Federal Law No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Security”: the client visits the bank with a passport, give their consents to the processing of biometric personal data and transmits biometric data, after which the employee of the organization connects the received sample with the client's account in the Unified System of Identification and Authentication (USIA) and sends the data to the UBS. The user then has the option of remote identification via the Internet, which consists of two steps: the entrance to the USIA and the actual biometric recognition. In the second step, the client should present his face with a camera and say a control phrase into the microphone [3].

Pilot projects to launch new technologies are being carried out in many banks. For example, in 2017, VTB Bank launched a pilot project to identify its customers by voice and by taking

photographs. Otkritie Bank was the first bank in the world to introduce a money transfer service based on the client's photo. In 2018, it was planned to expand this service and apply it to all users, not only to Otkritie Bank customers. In addition, biometric technologies are now used in banks not only to protect personal data of customers, but also to ensure the security of corporate information. For example, in 2017, Postal Service launched biometric facial identification for the Bank's employees in order to gain access to the Bank's operating banking systems.

One of the first banks in Russia to use biometric data to identify its customers was the Moscow bank OAO AKB Investbank. He signed a contract with AGSES for the supply of so-called AGSES cards with light sensors and fingerprint scanners. AGSES cards are now actively used in German and Swiss banks.

This real-time system uses a database of accumulated photographs of borrowers who have previously applied to the bank for a loan to identify fraudulent schemes using forged documents. In the process of submitting a loan application, the program takes a snapshot of the potential borrower's face, creates a mathematical model containing geometric parameters of the client's face, and then compares this model with the models included in this or that sample, such as a bank's stop-list or a sample of clients with debts on existing loans. The interest in the introduction of biometric systems in credit institutions is also confirmed by the fact that after the successful seminar of the German Banking Association "Biometrics in Banking" in Berlin in early 2014, many applications for the second part of the event were received. The second business seminar was complemented by key business cases and developments in the field of mobile banking and financial operations. End users share their experiences from a business perspective, addressing important aspects such as value added, fraud reduction, implementation strategies and client experience.

The main areas of application of biometric systems in credit institutions are:

- Checking the identity of applicants for a loan;
- Servicing of depository, settlement and brokerage account holders (individuals and authorized representatives of legal entities);
- Arranging access to the vaults;
- VIP-services and other services, the provision of which requires the identification of the client;
- Organization of access control to office premises, access to information resources for employees of credit institutions.

Recently, biometric technologies have been developing at the fastest pace in ATMs and terminals. Testing of the biometric identification system for plastic cards has already started. For example, in 2019, Russian credit institutions purchased more than 10,000 ATMs with facial recognition functions, as the CEO of the manufacturer of such devices VisionLabs, Alexander Khanin, told the information portal of the newspaper Izvestiya. It is expected that they will be able to perform transactions without a plastic card: an ATM recognizes a person by their appearance. However, the client will need to provide the credit institution with their biometric data beforehand, which will be linked to the accounts. The new generation of ATMs will increase the security of operations, as well as make the process more convenient and fast, experts say [5].

It is necessary to note the intensively developing market of contactless payments, which also requires ensuring the security of operations. And in this matter, the banking community tends to use biometric data to carry out the client identification procedure.

The widespread use of biometric identification in banks is limited for several reasons.

1. Biometric characteristics are difficult to measure accurately because they always contain some random component. For example, the accuracy of the biometric characteristics is directly related to the compression force and finger speed of the reader.

2. Biometric characteristics change over time because they are related to inevitable biological processes in human life.

3. Access may be denied due to short-term changes in biometric characteristics. For example, a person's nervous tension or anxiety may affect handwriting, typing speed, etc., and the voice may temporarily change due to illness.

DISCUSSION. Technical innovations require the transformation of culture, mentality, processes and technologies within both credit institutions and society. There are still problems with infrastructure costs, the need to study and evaluate new risks associated with biometrics, and the psychological inaccessibility of biometric identification to many people, both clients and bankers. For example, fingerprint scanning for identification is linked to law enforcement efforts to locate and identify criminals. In addition, many people view the use of biometric scanners as an opportunity to fully track identity, which suggests that citizens need to develop the ability to assess security when transferring biometric data and information about themselves to banks. Rapid development of biometric technologies makes it difficult for users to make the right choice. None of the existing methods allows identifying one client from tens and hundreds of thousands without additional identification methods. Even with all the uniqueness of biometric data, biometric data identify a person only with a certain probability. Therefore, the use of biometric systems in client banks still requires an integrated approach to identification using classical tools [2, 4-6].

Since then, the price/quality ratio of biometric readers has improved significantly, and the modern element base has allowed implementing complex algorithms identifying, which significantly reduced the probability of erroneous recognition and denial of access.

CONCLUSION. Summing up the aforesaid, it should be noted that in the context of expanding the tools of credit institutions in terms of managing the risks of banks' involvement in dubious operations, credit institutions need to conduct an independent assessment of the effectiveness of the existing internal control systems, introduce the latest technologies, and demonstrate the innovative approach in the field of combating money laundering and terrorism financing. Biometric identification technologies can become an effective means of minimizing banking risks associated with participation in dubious transactions. Their use is becoming increasingly important to protect corporate information systems of banks and other financial sector enterprises. However, the widespread use of biometric technologies requires a transformation of the culture and mentality of the Russian population, as for a number of different reasons people refuse to pass their biometric data: distrust of the state authorities, financial illiteracy, lack of understanding of the ultimate purpose of biometrics, etc.

References:

1. Биометрия за компанию [Электронный ресурс] / Коммерсантъ. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4012242> (дата обращения: 28.10.2019).
2. Винокуров А.В. Биометрические системы идентификации в кредитных организациях как инструмент противодействия мошенничеству [Электронный ресурс] / КиберЛенинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/biometricheskie-sistemy-identifikatsii-v-kreditnyh-organizatsiyah-kak-instrument-protivodeystviya-moshennichestvu> (дата обращения: 28.10.2019).
3. Как развивается биометрия в России [Электронный ресурс] / Газета.ру. — Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/26/12266726.shtml?updated> (дата обращения: 28.10.2019).
4. Biometrics Is Driving Big Changes in Anti-Money Laundering Activities / Iritech Blog. — URL: <https://www.iritech.com/blog/biometrics-is-driving-big-changes-in-anti-money-laundering-activities/> (дата обращения: 28.10.2019).
5. Biometrics, cash and the end of money laundering as we know it? / International Compliance Association. — URL: <https://www.int-comp.org/insight/2017/august/11/biometrics-cash-and-the-end-of-money-laundering-as-we-know-it/> (дата обращения: 28.10.2019).
6. Molchanova V.S. Biometric Technologies in Bank Information Systems / European Journal of Economic Studies. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20722028&> (дата обращения: 28.10.2019).

УДК 336.71

МОШЕННИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ С ПЛАСТИКОВЫМИ КАРТАМИ

Новикова Владлена Витальевна

студент 3 курса

Мешков Андрей Владимирович

студент 3 курса

Кудревич Виктория Вадимовна

научный руководитель

CREDIT CARD FRAUD

Vladlena Novikova

3rd year student

Andrey Meshkov

3rd year student

Viktoriya Kudrevich

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. На сегодняшний день правонарушения в сфере банковской деятельности представляют серьезную угрозу экономическим интересам всего общества. В результате интенсивного развития и внедрения современных информационных технологий в мире активизировались процессы формирования глобального информационного пространства, повлекшие за собой появление новых вызовов и угроз. Современные платежные системы предоставляют организованной преступности широкие возможности по отмыванию денежных средств, полученных преступным путем, финансированию терроризма, выводу капитала за рубеж. В данной статье рассмотрена проблема мошеннических операций с пластиковыми картами в современных экономических условиях. Проведен анализ статистических данных, основных видов хищений денежных средств у клиентов банковской системы, а также предложены комплексные меры предотвращения умышленных противозаконных действий как в системе банка, так и за его пределами.

Ключевые слова: мошенничество; транзакции; пластиковая карта; банковская система; безопасность; угрозы.

ABSTRACT. To date, banking offences pose a serious threat to the economic interests of the entire society. As a result of intensive development and introduction of modern information technologies in the world, the processes of formation of the global information space have intensified, resulting in the emergence of new challenges and threats. Modern payment systems provide ample opportunities for organized crime to launder money obtained by criminal means, finance terrorism, and transfer capital abroad, which is primarily due to the possibility of using a large number of financial instruments and modern information technologies, as well as impersonality of money in circulation. The article discusses the plastic card fraud problem in modern economic conditions. The authors provide an overview of statistic data and identify the main types of money theft from the client of a banking system. Besides, the authors propose complex measures to avoid deliberate illegal actions in the bank system and beyond its borders.

Keywords: fraud; transactions; plastic card; the banking system; security; danger.

INTRODUCTION. To date, banking violations pose a serious threat to the economic interests of society as a whole. As a result of the intensive development and introduction of modern information technologies in the world, the processes of formation of the global information space have intensified, which has led to the emergence of new challenges and threats.

According to the Computer Emergency Response Team (CERT), computer equipment and the latest information technologies are actively used by organized criminal groups, including for money

laundering. According to OSCE experts, the annual damage to the global economy from industrial espionage, theft and fraud on the Internet is estimated at \$100 billion.

The organization of non-cash settlements of the population with the use of plastic cards remains a dynamically developing sphere of activity of Russian commercial banks. According to FinCERT, the number of Internet resources used for fraud in the financial market has increased noticeably over the past few years (almost 8 times) [3].

At the same time, the damage caused by plastic card fraud is also growing. According to the data of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, from January to October 2019, more than 18.8 thousand crimes in the banking sector were registered in Russia, the damage exceeded 154 billion rubles. Sberbank predicts that the damage to the global economy from cybercrime will increase by more than 1.6 times this year (up to \$2.5 trillion) [4].

According to experts' estimates, only 15% of all committed crimes fall within the scope of law enforcement authorities' attention, but the damage from plastic cards fraud continues to grow. This fact is due to the fact that fraudsters have begun to use more sophisticated technologies.

MATERIALS AND METHODS. In this article, the subject of the study is economic cybercrime and plastic card fraud. The following methods were used in the analysis of theoretical and practical data: analysis, synthesis, analogy, statistical, grouping methods.

The sources include various articles by people related to financial activities in both the public and private sectors.

RESULTS. In today's reality, there are many ways of fraudulent card transactions (see Fig. 1). The theft of money from the bank's customers takes place both under direct deception by fraudsters, called "social engineering", and through modern technologies used by fraudsters in the Internet and through banking devices.

To combat card fraud it is necessary to take comprehensive measures on the part of both banks and payment systems.

One of the modern achievements is biometric user authentication, which identifies the client by iris, fingerprints, etc.

DISCUSSION. These methods make it impossible to perform fraudulent operations for an intruder who stole an ID or learned a password to access the system. However, this method is expensive and not the most studied, which significantly limits its use.

It is also necessary to keep in mind other equally effective measures that help to reduce the number of fraud cases with the use of bank cards:

- Carefully evaluate counterparties when entering into sale and purchase agreements;
- Verify the authenticity of documents and information provided when issuing a plastic card;
- Improve the authorization process and identification methods;
- To examine the credit history of the cardholder.

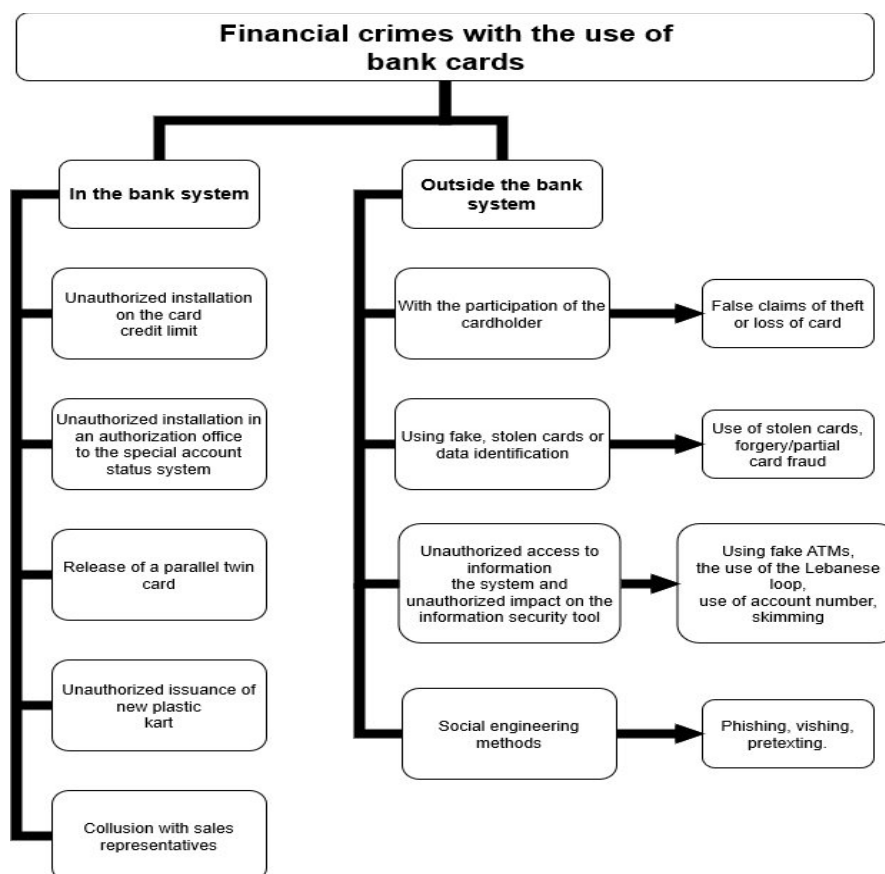

Figure 1. Financial crimes using bank cards

The most vulnerable points of information leakage are traditionally the points of connection to the Internet and other electronic networks. So, hackers are trying to infiltrate the banking network [2]. Typically, firewalls are installed here that filter network traffic to prevent unauthorized access, as well as content security systems installed at the server and workstation levels.

It is worth noting that bank employees may also be involved in fraudulent transactions. In this regard, it is necessary to take measures to prevent intentional theft from plastic cards of clients, i.e. to carry out regular monitoring of employees' activities, namely:

- Clearly differentiate between employees responsible for issuing plastic cards and employees responsible for assigning personal identification numbers;
- Monitor unregistered plastic cards and PIN codes;
- To keep control over the return of mail (when sending cards by mail);
- Monitor the increase in the amount of overdrafts on the accounts;
- To control changes in the names and places of residence of clients;
- Improve the technical equipment of the authorization system, etc. [1].

Around the world, there is a steady trend of hacker groups committing large-scale crimes. Criminals use stolen Internet access credentials, shared Internet access with different IP addresses and other methods of electronic conspiracy to conceal their involvement in the commission of crimes.

CONCLUSION. Thus, the growing threats posed by fraudulent transactions are forcing banks to take a fresh look at economic security issues and seek adequate, comprehensive approaches to addressing risks and threats to economic security. The proposed measures reduce the number of card theft, but new security measures need to be developed that can prevent the use of sophisticated fraudulent schemes and are applicable to the entire banking system.

References:

1. Илинич Е.В. Мошеннические операции с банковскими пластиковыми картами как угроза экономической безопасности в сфере банковской деятельности [Электронный ресурс] / КиберЛенинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennicheskie-operatsii-s-bankovskimi-plastikovymi-kartami-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-sfere-bankovskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 28.10.2019).
2. Информация под защитой [Электронный ресурс] / SecurityLab.ru. — Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/news/241764.php> (дата обращения: 28.10.2019).
3. Отчет центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Департамента информационной безопасности Банка России. [Электронный ресурс] / Центральный банк Российской Федерации. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/content/document/file/84354/fincert_report_20191010.pdf (дата обращения: 28.10.2019).
4. Сбербанк оценил потери мировой экономики от кибератак в 2019 году в \$2,5 трлн [Электронный ресурс] / Новости в России и мире – ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/6380157> (дата обращения: 28.10.2019).

УДК 336,6

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВИНОДЕЛИЯ И ВИНОГРАДАРСТВА В КРЫМУ

Поддубная Мария Сергеевна
магистрант 2 курса

FINANCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF WINEMAKING AND VITICULTURE IN CRIMEA

Maria Poddubnaya
2nd year undergraduate

АННОТАЦИЯ. В работе рассмотрены финансово-экономические аспекты развития виноделия и виноградарства в Крыму. Финансовое положение этих отраслей представляет интерес для инвесторов, работников промышленности, региона и страны в целом. В данной работе автор использует теоретический (информационный анализ), статистический и визуальный методы исследования. Для визуальных методов были построены гистограммные рисунки. В результате исследования были выявлены проблемы, характерные для винодельческих предприятий региона и виноградарства. Особенно остро стоит проблема эффективности функционирования винодельческих и виноградарских предприятий. Это подтверждается анализом показателей рентабельности их функционирования. Были описаны рекомендации, которые способствуют не только возрождению этих отраслей в Крыму, но и выводят предприятие виноделия и виноградарства на высокий уровень развития на основе современных технологий. Для финансового развития виноделия в Севастопольском регионе необходимо создать максимально тесное сотрудничество между органами государственной власти и производителями винодельческой продукции. Тесная и продуктивная работа может способствовать достижению поставленных целей и укреплению позиций российских производителей.

Ключевые слова: виноделие; виноградарство; рентабельность; крымская статистика; финансовый анализ; предприятия винодельческой и виноградарской отраслей.

ABSTRACT. In the article the financial and economic aspects of the development of winemaking and viticulture in the Crimea are considered. The financial situation of these industries is of interest to investors, industry workers, the region and the country as a whole. In this work, the author uses theoretical (information analysis), statistical and visual research methods. For visual

methods histogram drawings were constructed. As a result of the study, the problems typical for the wineries of the region and the viticultural industry were identified. The problem of the efficiency of the functioning of wine and wine-growing enterprises is especially acute. This is confirmed by the analysis of profitability indicators of their operation. The data recommendations results are described which contribute not only to the regeneration of these industries in the Crimea, but take the winemaking enterprise on high level of development based on modern technologies. For the financial development of winemaking in the Sevastopol region, it is necessary to create the closest possible cooperation between state authorities and manufacturers of wine products. Close and productive work can help to achieve the goals and strengthen the positions of Russian manufacturers.

Keywords: winemaking; viticulture; profitability; Crimean statistics; financial analysis; enterprises of wine-making and viticulture industries.

INTRODUCTION. At the present stage, it is becoming very relevant to bring the financial and economic aspects of the growth of the wine-making and viticulture industry in the Crimean region and the city of Sevastopol from the perspective of real results in the planned future. The financial situation of these industries is of interest to investors, industry workers, the region and the country as a whole.

The purpose of this study is to assess the financial and economic interests of investors, industry workers, the region and the country as a whole, in the context of the revival and real support of the industry by the state.

MATERIALS AND METHODS. In this paper, the author uses theoretical approach (information analysis) based on the opinions of the researchers who described the problems of winemaking and viticulture in the Crimea and Sevastopol. The paper includes a method of comparative analysis between wineries. Statistical and visual methods of research in the work are presented by means of histogram figures on the basis of the conducted financial analysis. The forecasting method is reflected in the conclusions section, showing the forecast for 3-4 years, which can be implemented in industries.

RESULTS. The leading researcher [1] describes the problems of the development of the wine industry in the Crimea and the city of Sevastopol, which include: high land prices and hard-to-reach lending. Many manufacturers of wine products cannot solve the issue of registration of land rights, which impedes the influx of investments in the industry, it is problematic to obtain loans secured by land. There are many non-privatized lands and the cost of land in Crimea region and Sevastopol is high. The price of land is about 1.5 – 2.1 times higher than on the mainland. Moreover, the authors note that in the Crimea and Sevastopol there is a large number of abandoned vineyards, listed on the balance of state enterprises, which could be offered on lease to small winemakers on favorable terms [4]. But at the same time, the law was issued in Crimea region (01.09.2019), which removes some restrictions in the wine and viticulture industries of the peninsula, as a result some problems were resolved.

State subsidizes winemakers of the Crimea and Sevastopol for planting vineyards. According to the Crimean statistics on the wine and viticulture industry [2], about 1.4 billion rubles will be allocated to Crimea, and about 300 million rubles to Sevastopol in 2019 for the development of winemaking and viticulture. From the second half of 2014 to the beginning of 2018 more than 2 thousand hectares of vineyards were planted in Crimea, and it is planned to lay another 1095 hectares in 2019. The increase of financing is a positive factor, however, it should be noted that these amounts are not enough to restore the Crimean winemaking industry, unique for the Russian Federation [3].

The paper analyzes the financial performance of wineries to identify all the problems of the industry developments. The maximum values of profitability indicators both in 2017 and 2018 are observed at Inkerman Vintage Wine Factory LLC, while their dynamics is negative. This indicates a decrease in the efficiency of using fixed assets and equity; this is due to 1.9 times reduction in net profit. The decrease in net profit is due to a 1.3-fold decrease in revenue in 2018. Revenue

decreases faster than cost of sales. At the same time, at the plant there is a decrease in other income and an increase in other expenses. The decrease in ROC is due to the high average annual value of fixed assets compared with the net profit of the plant, as well as an increase in the average annual value of fixed assets by 54.7 thousand rubles or 12.3% in 2018 compared with 2017. Data on the dynamics of the plant's profitability indicators are presented in Figure 1.

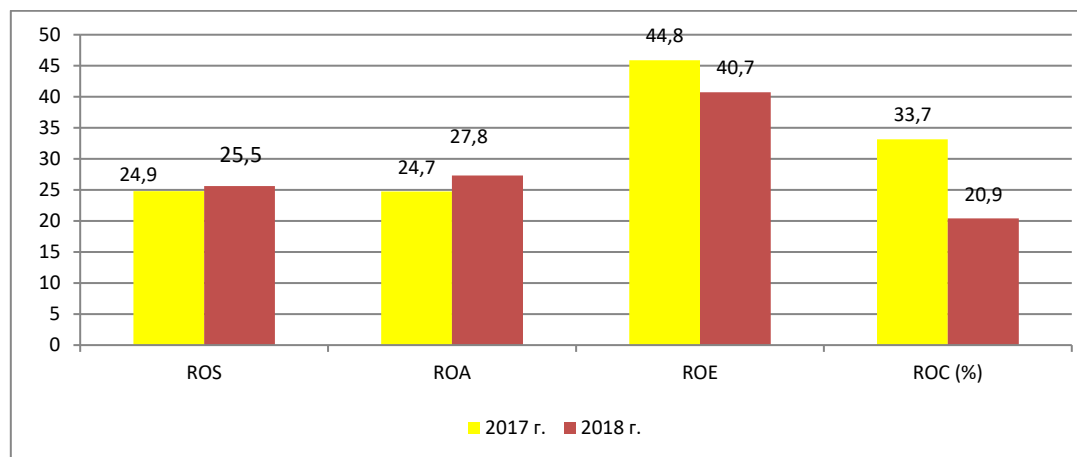

Figure 1. Dynamics of profitability indicators of the “Inkerman factory of vintage wines”

The decrease in profitability indicators in the analyzed period, with the exception of the return on current assets (ROA) indicator of the “Zolotaya Balka Agrofirm” in 2018 is associated with a decrease in net profit by 33.9 thousand rubles for the study period and the increase in equity of the enterprise, however, the agricultural company has a decrease in the average annual value of working capital. A significant drop in net profit for the study period is associated with an increase in the company's operating expenses by 122.510 thousand rubles. Operating expenses are due to the fact that in 2018 the agricultural company launched a new winery line. As a result, the most negative dynamics is observed in the profitability of fixed assets. Profitability of fixed assets (ROC) declined from 31.7% to 21.47%. Data on the dynamics of profitability indicators of the agricultural company are presented in Figure 2.

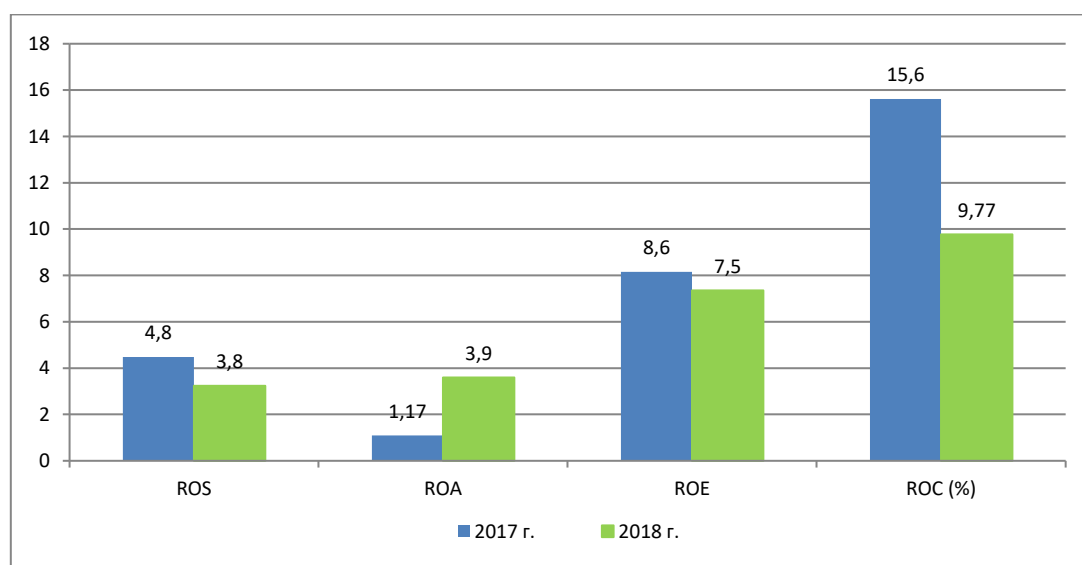

Figure 2. Dynamics of profitability indicators of the agriculture company

Profitability indicators of the State Unitary Enterprise “Sevastopol Winery” demonstrate positive dynamics for the study period except for the return on sales by net profit (ROS) indicator.

This is explained by an increase in net profit with a faster growth in revenue. Data on the dynamics of profitability indicators of the plant are presented in Figure 3.

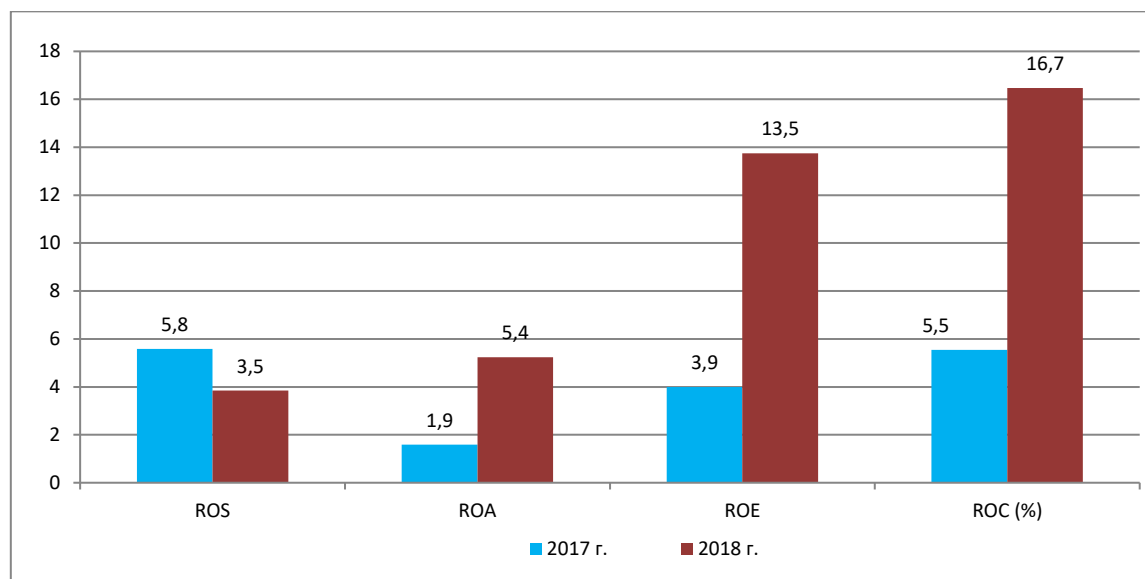

Figure 3. Dynamics of profitability indicators of the State Unitary Enterprise “Sevastopol Winery”

Profitability indicators of the wine complex “Satera company” for the period under study significantly decreased due to a decrease in net profit by 24.5 thousand rubles, this decrease is due to a decrease in revenue by 360.7 thousand rubles.

The maximum decrease was observed in the fixed asset profitability indicators by 6.4 %, because in 2018 a large number of fixed assets and a return on sales of net profit of 4.3% were acquired. Data on the dynamics of the profitability indicators of the wine complex are presented in Figure 4.

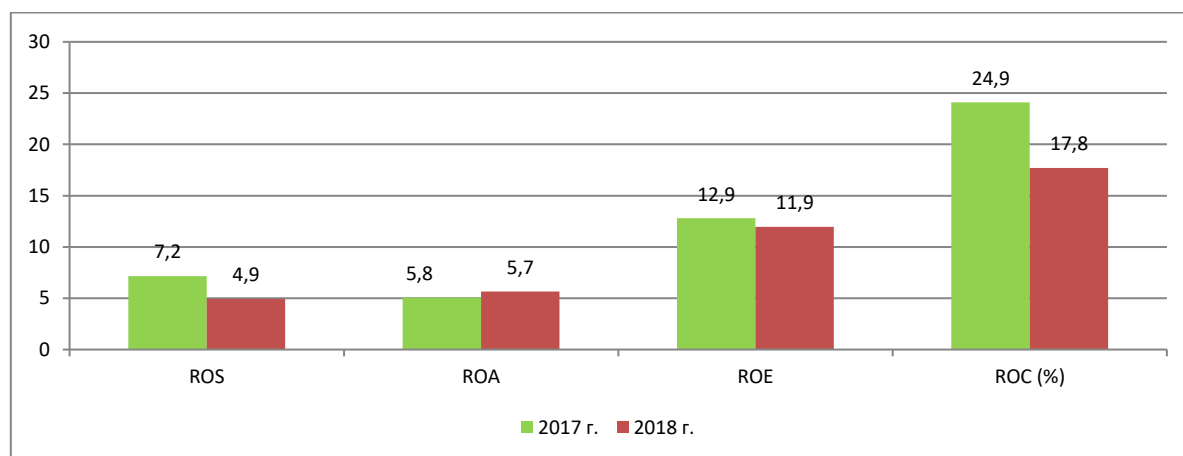

Figure 4. Dynamics of profitability indicators wine-making complex «Satera Company»

The revealed negative trends in the dynamics of financial indicators are characteristic features of the wineries in the region. On the one hand, this is due to the fact that the started production investments “today” are the potential for “tomorrow’s” growth, and on the other hand, there is the lack of the necessary investment to replace obsolete equipment.

DISCUSSION. A study of the financial aspects of the regeneration of the wine industry in Sevastopol shows that in modern conditions, along with the issue of subsidizing part of the costs associated with planting young vineyards and caring for them, the problem of the effectiveness of

the wineries functioning has been very acute. It is confirmed by the analysis of profitability indicators of their functioning. They identified that the negative trends are mainly objective. In this case the following issue is necessary and economically feasible in the context of the above-mentioned regional priority project for the development of the industry: – to develop and implement a mechanism for financial support for winemaking enterprises.

CONCLUSION. This article can be both covering part of the interest on bank loans, and the costs associated with updating obsolete equipment and acquiring new ones. Such a mechanism can be implemented on a reimbursable basis, but delayed for 3-4 years. For the financial development of winemaking in the Sevastopol region, it is necessary to create the closest possible cooperation between state authorities and manufacturers of wine products. Close and productive work can help to achieve the goals and strengthen the positions of Russian manufacturers.

References:

1. Маринов И.С. Рынок винограда: динамика производства, импорта, цен [Электронный ресурс]: Крымская статистика по Виноградной и винодельческой промышленности”. URL: <http://kbvw.ru/otrasl-v-tsifrakh/item/1080-rynok-vinograda-dinamika-ob-egov-proizvodstva-importa-tsen> (accessed 04.15.19).
2. Рамашов П.С. Искусствокрымского виноделия [Электронный ресурс]: Industry specialized catalog URL: <http://wine-russia.ru/files/book/files/assets/basic-html/index.html#1> (accessed 15.03.19).
3. Rykova I.V. Alcoholic beverages market in Russia: 2018 results [Electronic resource]: Alcoholic beverages market in Russia. URL: <https://koloro.ru/blog/issledovaniya/rynok-alkogolnoy-produktsii-v-rossii-itogi-2018.html> (accessed 21.12.18).
4. The concept of the development of viticulture and winemaking in the Russian Federation for the period 2016-2020 and the planning period until 2025 [Electronic resource]: Ministry of Agriculture of the Russian Federation <http://kbvw.ru/images/docs/koncepciya17062017.pdf> (accessed 03.11.19).

УДК 004.048

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПОИСК GOOGLE: ОБЗОР

Соколова Мария Игоревна

студент 2 курса

Миронцева Светлана Сергеевна

научный руководитель

GOOGLE PERSONALIZED SEARCH: AN OVERVIEW

Maria Sokolova

2nd year student

Svetlana Mirontseva

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. Персонализация – это один из алгоритмов, используемых в поисковых системах при ранжировании выдаваемых ссылок, призванный сделать результаты поиска более точными. С этой целью система собирает информацию о пользователе и пытается выявить его предпочтения и интересы. Этот механизм интересен с точки зрения, как технической реализации, так и возможных социально-политических последствий, потому что он может привести к «интеллектуальной изоляции», когда человек будет видеть только ту информацию, что изначально подобрана под его взгляды и симпатии. Из этой статьи читатель узнает, какие данные Google способен собирать о нем, с помощью каких файлов происходит этот процесс, а также увидит близкие к повседневной жизни примеры адаптации

поисковой системы под поведение пользователя. Кроме этих практических сведений, текст содержит краткий обзор разных точек зрения на тему персонализации: из научных исследований, блогов, литературных публикаций. Знание подобных алгоритмов помогает лучше работать в поисковых системах, грамотно распоряжаться доступом сервисов к своим персональным данным, а также проливает свет на некоторые тенденции развития современного интернета.

Ключевые слова: Google; персонализация; персональный поиск; пузырь фильтров.

ABSTRACT. This article describes the role of personalization in Google search algorithms. Personalization is manipulating searching results according to user's personal data. It was invented to make results more relevant for the user, suggesting in the first order those, which can predictably meet the user's interests. The personal portrait of the custom is based on his search history, language settings, location and more than hundred another factors. All this data is collected via cookies, and the text also contains a bit of information about cookies-mechanism. The reader will be able to assess the situation in this area by looking at some statistics, a brief historical background and probable perspectives. Discussion about this topic is represented by scientific researches, publications in literature, official blogs, and other, showing a whole picture of range of opinions on this question. Eventually, there are results of an experimentally made Google-session, showing how the personalized search works on example of Russian language. Being aware of these tendencies can improve Internet-literacy in areas of information searching and privacy.

Keywords: Google; personalization; personal search; filter bubble.

INTRODUCTION. According to We Are Social and Hootsuite research, during the last year (January 2018 – January 2019) total population in the Internet has grown by 1.1% or by 84 million people, which now makes 4,388 billion active internet users worldwide. Internet becomes a more and more common thing, especially as an information source. According to the websites ranking made by Alexa, in the top 5 most visited addresses there are two search engines and one of them, Google.com – is an absolute most popular website [9].

Google has spread so far that now it is used by billions of people in order to find information or to navigate inside the Web, which leads to great responsibility held by this company. Every its decision is able to make a difference in everyday life of such a big community. And one of these decisions, namely a new searching concept, will be covered in this article.

The main idea is that searching could be made more effective, if the results of it were adapted to every single person's needs. Practically, the search machine tries to guess which results meet the user interests better based on the information collected about him. So the portrait of the user comes among relevance criterion. This approach is called 'personalized search'.

Google was the first company to announce the personal search in the 28 June 2005 after finishing beta-test. In November it started to work automatically for every session using Google Account, and, beginning on December 4, 2009, Personalized Search was applied to all users of Google Search, including those who are not logged into a Google Account. Their data were to be collected via anonymous cookie containing 180 days of their search activity [7].

Lately, all the more Google-owned services got involved into cookie collection. For example, in addition to customizing results based on personal behavior and interests associated with a Google Account, Google also implemented social search based on one's social circle. Operating on the assumption that one's associates share similar interests, these results would give a ranking boost.

Now about 200 factors are considered, based on data collected over the previous six months of activity on Google search pages. The part of search sessions that got personalized is also increasing. A study made in Northeastern University found out, that, in compare of an aggregate set of searches from logged in users against a set from a control group, 11.7% of results have differences due to personalization, but this varies widely by search query, IP-address and that fact whether user is logged into account or not.

MATERIALS AND METHODS. This article is built mostly in a form of review, relying on information from internet sources (such as official Google and DuckDuckGo blogs), or from

literature and scientific publications dedicated to the topic. Also, some search sessions were made as an experiment to demonstrate the work of personalizing, with the use of Mozilla Firefox browser and a Google-account (created on 18 June 2017).

There are two types to be specified: personalized search results and so-called contextual search results.

Contextual search results arise at the time of query from a more generous and straight information about the user, such as his IP address (and therefore location) and computer or browser pre-settings: type and version of operating system, language, current date and time. It is more of a generalization on this context basis, than of estimation of individual characteristics.

Personalization, on the other hand, is oriented on complex signals and deeper analysis. As been said before, there are about 200 factors being considered, which gives a huge variety of Internet-surfer traces. The most crucial points are browsing history, searching history, languages the user gives preference to while searching, saved browser bookmarks, and so on. Since Google owns lots of additional services – Gmail, Google Maps, YouTube, and many others united in a social network called Google+, the wide spectrum of their data is also included into the algorithm.

Not enough you may be logged out in the account, your behavior will be observed even when you expected it to be anonymous. At least, for an unknown customer it can be done via context information. And moreover: anonymous user may be identified, and data collected by Google publisher and advertiser tools later may be connected with his personal credentials stored in their Google Account [4].

An illustrative example of meeting a new user from “Google Data Collection”, Douglas C. Schmidt [4]:

“Google learns a great deal about a user’s personal interests during even a single day of typical internet usage. In an example “day in the life” scenario, where a real user with a new Google account and an Android phone (with new SIM card) goes through her daily routine, Google collected data at numerous activity touch points, such as user location, routes taken, items purchased, and music listened to. Surprisingly, Google collected or inferred over two-thirds of the information through passive means. At the end of the day, Google identified user interests with remarkable accuracy.”

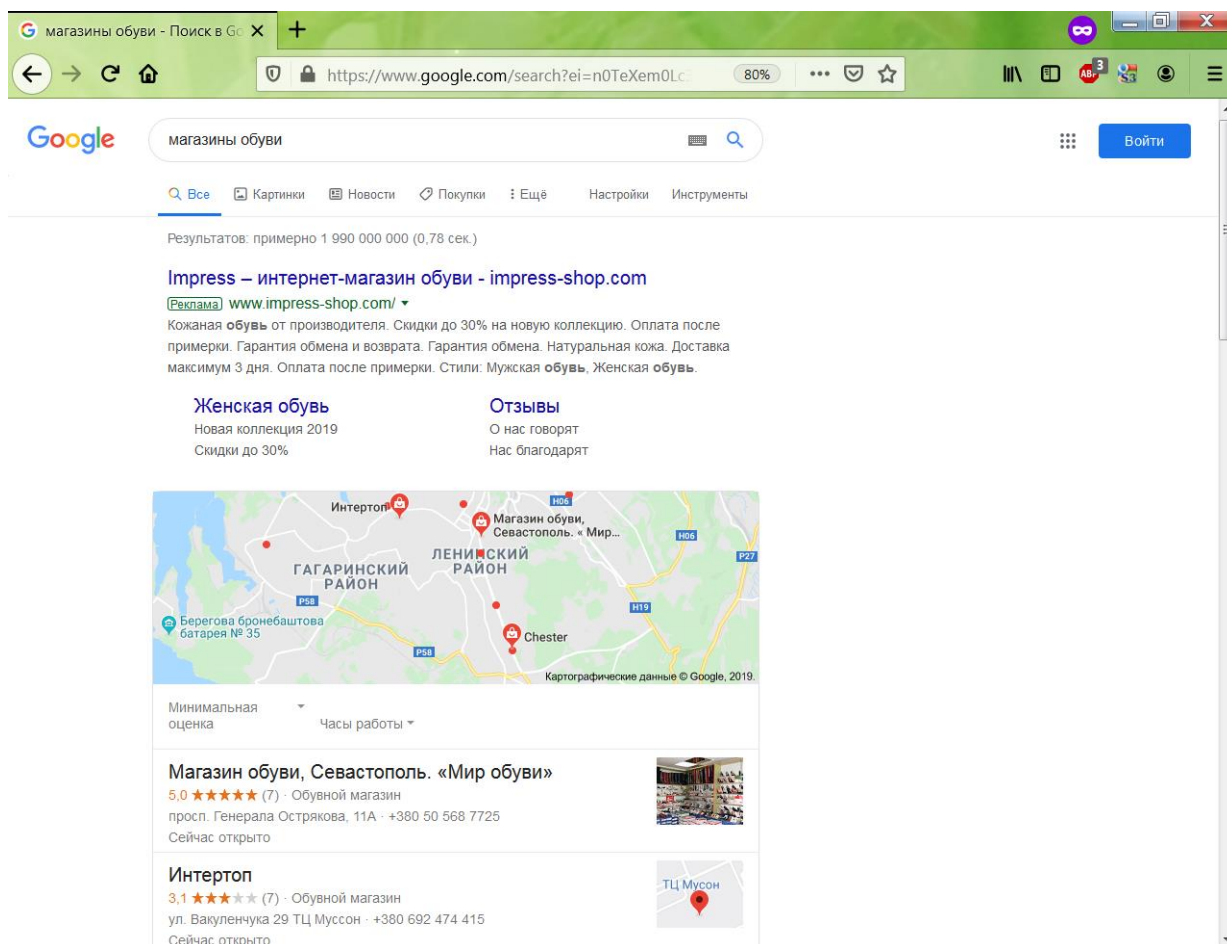
On the technical side, all this made mostly with cookies. Since the HTTP Protocol does not support saving data between two different transactions, the use of Internet was divided into sessions and cookies were invented, designed to simplify information exchange between human and server.

Basically, a cookie is a piece of text information stored by browser and generated for every visited website. Sending and exchanging cookies provide connection between the browser (and its user) and the web server. Some files of this type are to be deleted by the end of the session, while the others stay longer, making it possible for the web site to ‘recognize’ the user by later visits. The aim of this mechanism is to free the custom from need to tell his name and password every single time, or to save some settings for the site, like a shopping basket in online shops. Many websites use cookies for personalization based on the user’s preferences. Users select their preferences by entering them in a web form and submitting the form to the server. The server encodes the preferences in a cookie and sends the cookie back to the browser.

Surely, some transmitted information (passwords, credit card numbers) is confidential, so cookies become encrypted. [8] From a data security point of view, long-persistent Cookies may be considered critically because they are capable of recording the behavior of internet users [3].

RESULTS. In order to demonstrate the work of personal search filter, we have made some search queries. Russian has been chosen as the search language, because of its relevance for our country and that fact that Russian Google search engine is less represented in studies on this subject.

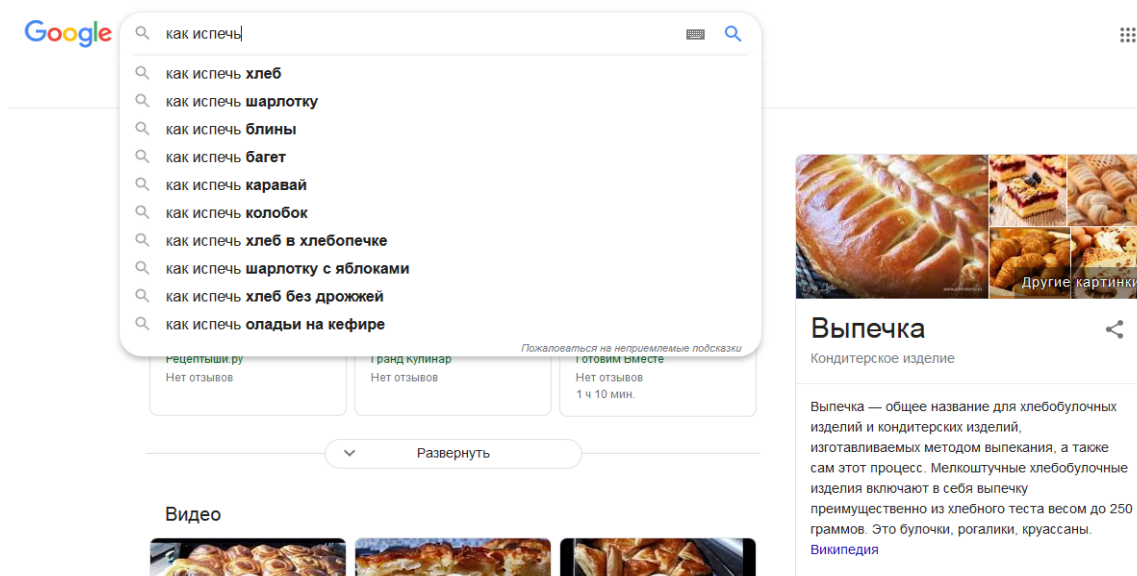
Here we can see a query made while being logged out from Google account and in anonym browser mode (See Picture 1). It was a query about shoes shops.

Picture 1. Anonymous search for a shoes shop

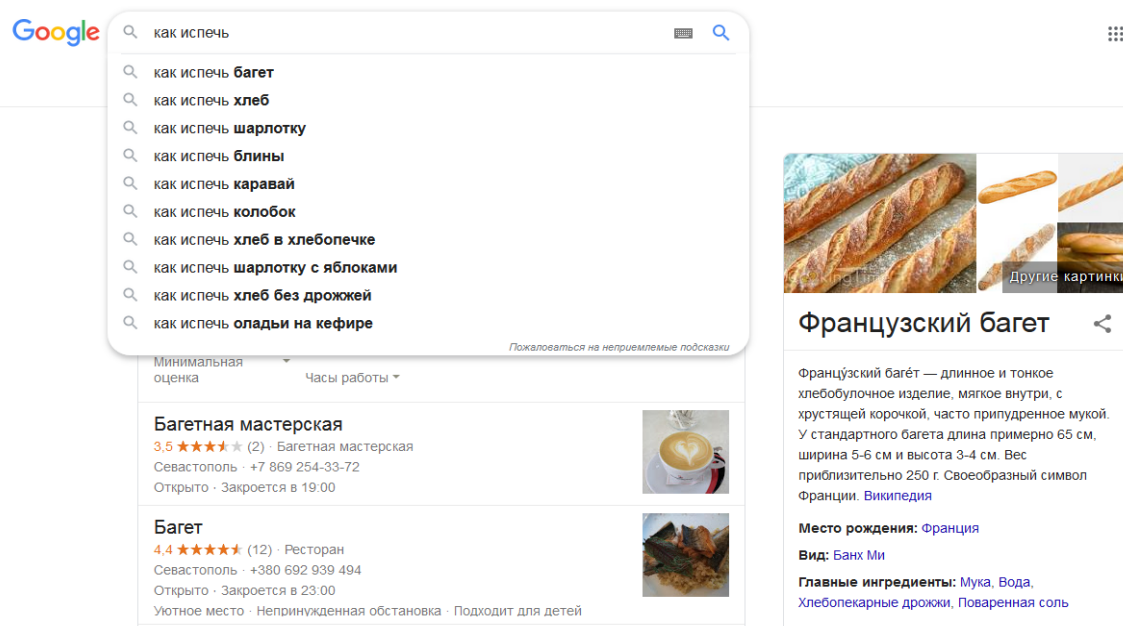
As it can be seen from the picture, the system found out the user's location and pointed out shoes shop in the relevant city, in this case in Sevastopol.

The second example is about adapting to one's search history, especially previous sessions.

Picture 2. 'How to bake' request

Commonly, on the request ‘How to bake’ Google will suggest ‘How to bake bread’ (See Picture 2). But if in the previous session the user has been looking for information about French baguette, the results will change (See Picture 3).

Picture 3. Adjusted results

Here the results of previous query on baguette are seen in the background. After this, when the user begins a new request ‘How to bake’ the first line in the recommendation sounds exactly ‘How to bake baguette’.

DISCUSSION. According to Yandex (a popular search engine in Russia) statistic, up to 14% of time spent on searching can be saved because of personalized search. It is predictable: the experiment above has shown, that Google adapts to user’s needs in real time, having better understanding with every new query.

On the other hand, the huge amount of information collected about each person may seem threatening and makes some people concerned. Thus, Android-based smartphones can track locations, and in Google Maps the custom is able to see the history of his movements [1].

In addition to this, an internet activist Eli Pariser wrote a book “The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You” (2011) [6], where he formed a concept of ‘filter bubble’. It is based on the idea that when the information shown to the user gets filtered and selected according to his interests, preferences and assumptions, it may lead to intellectual isolation. Everyone will be surrounded by news headings and other people’s statements, which are in tune with his thinking. In perspective, it may cause political polarization of society.

One of Google competitors, a search engine company DuckDuckGo, has made some surveys in order to investigate at which degree Google is able to manipulate searching results and how it can influence political atmosphere in society [5]. Volunteers searched for ‘gun control’, ‘immigration’, and ‘vaccinations’, and got noticeably different results even in ‘clean conditions’, such as private browser mode. Also it was said that “*Google’s filter bubble may have significantly influenced the 2012 U.S. Presidential election*”. But by that time we should mention that, after all, there is no proof that Google was involved into political activity towards any ideology.

CONCLUSION. Personalized search is an elegant and smart IT-solution, making Internet life of an average user much more comfortable. Nevertheless, in the way it is presented now, personalized search causes controversy in terms of ideological and law questions. Anyway, changes in Google’s search algorithm in later years were made, putting less importance on user data, and limiting personalization impact on search results. Acting on criticism, Google has also made it possible to turn off the feature, so, hopefully, there are good perspectives.

References:

1. Хабрахабр [Электронный ресурс] // 6 ссылок о том, что Google знает о вас. – URL: <https://habr.com/ru/post/363113/> (датаобращения: 25.11.2019).
2. Briggsby agency [Electronic source]// A Better Understanding of Personalized Search. – URL: <https://www.briggsby.com/better-understanding-personalized-search> (last visited 25.11.2019).
3. Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik, Publikationen [Electronic source] // 4.3. Datenspeicherung beim Client. – URL: <https://www.bsi.bund.de/DE/Publikationen/Studien/Anonym/kommunikation.html> (last visited 25.11.2019).
4. Digital Context Next [Electronic source] // Google data collection research. – URL: <https://digitalcontentnext.org/blog/2018/08/21/google-data-collection-research/> (last visited 25.11.2019).
5. DuckDuckGo blog [Electronic source] // Measuring the “Filter Bubble”: How Google is influencing what you click. – URL: <https://spreadprivacy.com/google-filter-bubble-study/> (last visited 25.11.2019).
6. Eli Pariser, *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*, Penguin Press, New York, May 2011, ISBN 978–1–59420–300–8
7. Google official Blog [Electronic source]//Search gets personal. – URL: <https://googleblog.blogspot.com/2005/06/search-gets-personal.html/> (last visited 25.11.2019).
8. Google Privacy&Terms [Electronic source] // How Google uses cookies. -URL: <https://policies.google.com/technologies/cookies?hl=en> (last visited 25.11.2019).
9. WebCanape-digital-агентство [Электронный ресурс] // Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (lastvisited 25.11.2019).

УДК 339.926

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА В США И РОССИИ

Тищенко Анастасия Владиславовна
студент 1 курса
Потовская Ксения Сергеевна
научный руководитель

NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF DOING BUSINESS IN THE USA AND IN RUSSIA

Anastasiya Tischenko
1st year student
Kseniya Potovskaya
scientific advisor

АННОТАЦИЯ. В статье проводится компаративный анализ особенностей деловой коммуникации представителей русской и американской культур. Автором рассмотрены различия американского и русского бизнеса при ведении переговоров, заключении сделок и принятии деловых решений. Сравнение деловых аспектов в данных культурах представляется интересным по причине существенных различий не только в культуре, но и в развитии экономики и бизнеса. В результате проведенного исследования мы подтвердили факт значительного влияния национально-культурных особенностей на ведение бизнеса в международном контексте. В статье автор изучает вопрос устранения или минимизации негативного воздействия культурных барьеров на межнациональную деловую

коммуникацию. Данная работа может послужить руководством и источником вдохновения для предпринимателей в части понимания важности культурного многообразия и толерантности, а также для студентов, интересующихся вопросом кросс-культурной грамотности.

Ключевые слова: международная деловая коммуникация; кросс-культурная грамотность; культурные различия; Россия; США.

ABSTRACT. In this comparative survey we explore differences in business doing by representatives of Russian and American culture. We examine how business people in Russia and the US differ in dealing, negotiating and making business decisions. Russia and the US provide an interesting comparison because of the extreme differences in their cultural characteristics as well as in their economies and related business development. The main conclusion of the research is confirming the view that cultural differences can significantly affect the business in an international context. In the final part of the article we discuss ways to eliminate or to minimize the detrimental effect of cultural barriers in international business interaction. We believe our work can provide guidance and inspiration for entrepreneurs, helping them to understand the importance of cultural diversity and tolerance, and for students interested in cross-cultural competence.

Keywords: international business communication; cross-cultural competence; cultural differences; Russia; the USA.

INTRODUCTION. International business cooperation is the most important type of relations between people in the context of globalization and internationalization of economic relations between states. Business meetings, contacts and negotiations, business forums, foreign economic activity today have become the daily reality of millions of people of all nationalities. We are witnessing constant consolidation of interethnic business contacts and in these circumstances the ability to come to an agreement and to find common ground has become of key importance.

The success of participants in international business communication depends on how well they understand the rules of business intercourse and on how expertly they manage to establish and maintain civilized relations with other nationalities despite cultural contradictions and diametrically opposed views on the world around them. As the experience of many entrepreneurs shows, it is never enough just to consider the business landscape of a country where one is going to set up a business, it is also vital to examine all cultural differences and special aspects of doing business.

The theme of the work is of certain importance due to the urgency of the problem of neutralizing cultural differences and national features in the conduct of international business. In this case by neutralization we mean coordination, reconciliation of participants' expectations and perceptions in cross-cultural interaction.

MATERIALS AND METHODS. Our work is based on the study materials of Russian and English-speaking experts in the field of cross-cultural interaction, namely Richard D. Lewis [2] – one of Britain's foremost linguists and cross cultural theorists, and Alla Vasilievna Sergeeva [1] – Candidate of Philological Sciences, the author of many scientific works in this particular area of expertise. Relying on their findings we have analyzed and compared peculiarities of thinking, perception and behavior of representatives of American and Russian cultures in the field of business communication. The final part of the article discusses the possibility of preventing conflicts and misunderstandings between business partners of different nationalities.

RESULTS. As noted above, we have analyzed and compared descriptions of styles of doing business by Russian and American entrepreneurs. The results show considerable differences in American and Russian approaches to dealing, negotiating and decision-making in a business context. Below is a selection of most critical differences in our opinion.

The United States has the largest economy in the world – four times the size of the economy of any other country (with the exception of Japan) and 10 times the size of the Russian economy. That is why Americans are not afraid of their challenge or competition, although tension is beginning to affect them too.

American businessmen have a reputation of being the toughest business people in the world but in many ways they are the easiest to deal with. This is because their philosophy is simple. Their goal is to earn as much as possible and as quickly as possible, using such means as hard work, quick action, adaptability and power to achieve goals. Such purposeful pursuit of profit by Americans is often perceived as ruthless.

In business communication the following behavior is characteristic of Americans:

- They are individualists and they like to act independently without looking back at the bosses. You can do everything if it is not prohibited.

- They immediately begin to behave informally – take off their jackets, address by name, discuss personal life (for example, family).

- From the very beginning of the conversation, they immediately show their cards and then continue the conversation on the basis of proposals and counter-proposals. They often have difficulty when partners do not reveal their intentions.

- They take risks but develop a specific plan that they will adhere to.

- Time is the most important currency for them.

- Signing an agreement is paramount. They want to get an agreement in principle and to take care of details later. In addition, when it comes to details they can be very tough and check everything even if it seems obvious.

- They do not like pauses or silence during negotiations; usually they make decisions quickly.

- They are mobile and take risks quickly. The history of the United States provided many “golden” opportunities for those who were the fastest to grab.

- Unscrupulousness and risk appetite often determine their desire to get as large piece of business pie as possible, preferably all 100%.

- They are persistent, always looking for a solution. Having reached a dead end, they will work out all possible ways out.

- They are blunt and if they do not agree, they will be pretty clear about it.

- They often demonstrate brute force as an argument, for example, their financial strength or inapproachability. They will not hesitate to take advantage of the deciding vote, if they have one, and will not spend too much time on building consensus. They are ready to remove anyone who gets in their way.

- They regard negotiations as a process of problem solving by means of mutual concessions with account for the balance of forces. They do not like it when the counter-party offers only one solution.

- Americans like quick negotiations, they do not prolong talks, following their motto “time is money”. While negotiating, they are pushy, quick and consistent, and they always cooperate with lawyers. They pay huge attention to schedules and deadlines.

- They treat everybody equally, whatever their social status, age or religion. They count only individual achievements.

Russian businessmen also have a lot of national and cultural peculiarities that should be taken into consideration by their foreign colleagues.

As noted by Alla Vasilieva in her book “The Russians – behavioral stereotypes, traditions, mentality”, once you start working in Russia you should thoroughly understand not only a range of economic problems but also an array of national issues related to Russian, way of thinking and behavioral stereotypes. For those who do not understand Russian mindset, culture and language it will be impossible to work with Russian partners [1, p. 278].

Throughout its history Russia has had many ups and downs in its economy. Severe climate, eternal wars and vast territories – all this has made Russian people depressed, pessimistic and suspicious of foreigners. They have a fortress mentality – outsiders are not trusted.

Despite the fact that the Russians go to extremes in order to survive, they are generally very warm, sincere, caring people who respond to kindness and love if they feel that they are not being deceived once again.

In business communication the following behavior is characteristic of Russians:

- Russians tend to be direct and do not avoid confrontation. They can be extremely emotional and yet reserved in the same meeting.

- Decisions are usually made at the most senior level. The boss is advised by heads of departments, but will make the final decision alone. Disagreement with a senior person is very rarely expressed in public.

- Russian teams in negotiations often consist of veterans and experts, which means they have extensive experience. They negotiate as if they are playing chess, that is they think several moves ahead.

- Russians see willingness to compromise as a sign of weakness.

- If negotiations have come to a standstill, their favorite tactic is to show patience and to sit out. They abandon this tactic only if the counter-party adopts a tough stance.

- Generally they move to the offensive when it seems to them that a partner is backing out and they tend to retreat when they face tough resistance.

- Like Americans, Russians like to talk tough if they consider their position strong.

- They often offer small concessions in exchange for larger ones.

- They usually ask their counter-party to start first so that they can respond to a proposal.

- They are sensitive about their status; therefore they should be treated on equal terms.

- They approach negotiations in conceptual and all-embracing way, unlike Americans who prefer to solve problems step by step.

- For Russians a contract is not as binding as for American businessmen. They consider a contract to be binding only if it is mutually beneficial.

DISCUSSION. As we may see, there are substantial differences in American and Russian styles of business doing, which poses a certain threat to successful development of international business. Obviously, ignoring cultural differences can be a fatal mistake for business people who intend to succeed in global economy. And conversely, those who manage to address these differences will have a better chance of remaining competitive and successful in the international business environment.

Let us discuss how to overcome cultural barriers in business communication.

First of all, we believe it is necessary to avoid inaccurate and hostile stereotypes as they invariably lead to misconceptions and barriers to communication. This risk is acknowledged by Richard D. Lewis in his book “When Cultures Collide”: *“Determining national characteristics is treading a minefield of inaccurate assessment and surprising exception. There is, however, such a thing as a national norm”* [2, p. 434].

It is crucial to accept cultural diversity and to make the effort to understand the differences so as to become capable of communicating skillfully with other cultures. If a businessman is acquainted with all the nuances of his international associate’s behavior, he can prevent misunderstandings and get a good partner and a lucrative contract.

It is advisable to budget expenditures on the research on the business partner’s culture. This will allow for gaining insight into cultural differences, management styles, marketing rules and other aspects of business. Such research provides companies with a better chance to be successful in a business, to win a new market or gain a sustainable competitive advantage.

Alternatively, a company can resort to services of professional translators who have insider knowledge of specific cultures. Translators fully understand cultural differences and have a firm grasp of not only linguistic differences but all nuances of culture and language.

CONCLUSION. Summarizing the above, one can conclude that the cultural factor has a huge impact on international business. The specific aspects of business interaction, being combined into one system, form the profile of specific business culture, the knowledge of which allows to predict possible discrepancies and to prevent potential conflicts. If a businessman wishes to succeed in cross-cultural interactions, he should think outside narrow cultural boundaries and make efforts to navigate cross-cultural differences. The results of this survey can be an important practical tool for improving the effectiveness of international business. We believe that this work may be of interest

to entrepreneurs who wish to avoid unnecessary conflicts with foreign business partners due to their own ignorance and the associated financial and psychological costs.

References:

1. Сергеева А.В. РУССКИЕ – стереотипы поведения, традиции, ментальность. – Москва: «Флинта», «Наука», 2006 – С. 278-320.
2. Richard D. Lewis. When Cultures Collide: Managing successfully across cultures – NICHOLAS BREALEY PUBLISHING, 2001. – 434 p.

УДК 004.4

**ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

*Фесенко Элина Олеговна
магистр 1 курса*

INNOVATIVE METHODS FOR ENSURING INFORMATION SECURITY

*Elina Fesenko
1st year master student*

АННОТАЦИЯ. В век стремительных технологий и автоматизации информация является необходимым ресурсом для полноценного взаимодействия человека с окружающим миром. Тем не менее, существует множество угроз, влекущих за собой нанесение ущерба информационным системам и как результат – нарушение сохранности информационных данных. Следовательно, в современном мире возникает проблема обеспечения безопасности информационных ресурсов, что автор и пытается изучить в данной работе, делая особый акцент на инновационных методах защиты данных. Автор утверждает, что для обеспечения полноценной защиты информационных систем необходимо исследовать основными причины нарушения безопасности, выяснить их природу возникновения и виды. В качестве решения рассматриваемой проблемы предлагается применение технологии SIEM.

Ключевые слова: защита данных; информационная безопасность; угроза, уязвимость; инновационные технологии; технология SIEM.

ABSTRACT. The relevance of this work is due to the growing importance of information data in human life. In the age of rapid technology and automation, information is a necessary resource for the full interaction of a person with the outside world. However, there are many threats that entail damage to information systems and, as a result, a violation of the safety of information data. Therefore, in the modern world there is a problem of information security. The aim of the work is to search for innovative methods of ensuring information security. The author argues that to ensure full protection of information data, it is necessary to investigate the main causes of security breaches, to find out their nature of occurrence and types. As a solution to the problem under consideration, the use of SIEM systems is proposed.

Keywords: data protection; information security; threat; vulnerability; innovative technologies; SIEM technology.

ВВЕДЕНИЕ. В современном мире информационные ресурсы важны как для каждого человека в отдельности, так и для общества в целом. Актуальность данного исследования состоит в том, что информационные данные имеют высокую ценность для каждого из нас. Такая востребованность обусловлена тем, что в условиях внедрения инновационных технологий и постоянного расширения границ сознания личности наблюдается стремительный рост объемов информационных данных в различных сферах деятельности человека: экономической, политической, социальной, культурной и духовной. Между этими

сферами наблюдается тесная взаимосвязь, поэтому развитие каждой из них играет важную роль в становлении общества. Уровень развития рассматриваемых сфер деятельности человека обусловлен используемыми информационными ресурсами, которые характеризуются такими показателями как: достоверность, форма предоставления, качество, оперативность, полнота [1].

В настоящее время государство ведет активную политику по обеспечению соблюдения прав и интересов граждан в информационном пространстве, а также внедряет меры по предотвращению незаконного ограничения доступа к тем или иным информационным ресурсам. Следовательно, целью данного исследования выступает изучение способов и методов, которые обеспечивают безопасную и полноценную работу коммуникационных и информационных систем.

Предметом данного исследования являются информационные данные, которые требуют определенного уровня защиты от различного вида программных воздействий. Потеря одного из звена в информационной цепочке представляет угрозу для пользователей, так как может привести к серьезным последствиям в процессе использования или передачи информационных данных.

Объектом данного исследования являются инновационные системы защиты информационных данных. Процессы разработки, внедрения и применения таких систем напрямую влияют на безопасность существования и развития современного виртуального информационного общества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами исследования послужили научные работы ведущих отечественных ученых в области информационных процессов, таких как: Альшанской Т.В., Анищенко В.В., Бабенко Л.К, Камаева В.А. Изучаемые научные работы посвящены вопросам защиты информационных данных, проблемам, с которыми сталкивается виртуальное пространство при передаче данных, в них рассмотрены векторные направления развития инновационных методов защиты информации и пользователей от существующих угроз.

В соответствии с намеченной целью исследования нами были определены следующие теоретические методы:

- анализ (при использовании данного метода нами была выявлена основная причина нарушения информационной безопасности – угрозы, а также рассмотрена природа возникновения информационных угроз и их базовые показатели);

- синтез (благодаря данному методу и на основе полученных данных при проведении анализа мы выделили основополагающие принципы информационной безопасности, объединив которые получили представление того, как должна выглядеть система по защите информационных данных);

- конкретизация (данный метод позволил нам, опираясь на общие характеристики систем защиты информационных данных, выявить частную систему – SIEM систему).

РЕЗУЛЬТАТЫ. Постоянное развитие информационных технологий стимулирует активное изучение проблем информационной безопасности: угроз воздействия на информационные ресурсы, разработка широкого спектра средств и мер защиты от проникновения, а также поиска уязвимостей в базовых системах защиты данных. Под информационной безопасностью понимается некое состояние системы, характеризующееся не только как способность системы оказывать сопротивление негативному воздействию внешних факторов, но и как способность к обеспечению процесса функционирования, не представляющее угроз для компонентов самой системы и окружающей среды [2]. Важно отметить, то анализ угроз информационной безопасности является одним из ключевых направлений обеспечения политики безопасности информации.

Разрабатывая политику безопасности, необходимо использовать системный подход. Под системностью понимается, прежде всего, то, что защита информации заключается не только в создании соответствующих механизмов, а также то, что она представляет собой регулярный процесс, осуществляемый на всех этапах жизненного цикла ИС

(информационная система) с применением единой совокупности законодательных, организационных и технических мер, направленных на выявление, отражение и ликвидацию различных видов угроз информационной безопасности [4]. Исходя из сказанного полагаем, что именно системный подход направлен на ликвидацию базовых угроз взлома информационных данных и построения системы защиты различного направления, так как он разрабатывается на основе внедрения совокупности мероприятий, характеризующихся исследованием информационных угроз и разработкой систем, выполняющих защиту информационных данных, с учетом комплексного применения организационных и технических средств и методов защиты.

Под угрозой безопасности информации понимается комплекс процессов, событий и условий, которые представляют потенциальную или действительную опасность нарушения доступности, конфиденциальности и целостности информационных данных или нанесение ущерба компонентам информационной системы [5].

По природе возникновения информационные угрозы классифицируются на случайные и умышленные. Случайные угрозы вызваны отказами оборудования, ошибками программного обеспечения и обслуживающего персонала. Умышленные угрозы предполагают незаконный доступ к информационным данным, разработка и применение вирусных программных компонентов. Характерным отличием умышленных угроз от случайных является то, что они всегда вызваны действиями человека. В данной работе наибольшее внимание уделяется угрозам умышленным, которые в отличие от случайных преследуют цель нанесения урона информационной системе, что может нередко приносить личную выгоду злоумышленнику.

Для достижения цели исследования, предлагаем проанализировать источники возникновения угроз и их проявления (Рис. 1).

Рисунок 1. Логическая цепочка возникновения угроз

Согласно представленной последовательности, логическая цепочка угроз и их проявлений состоит из таких показателей как:

- источник угрозы – возможные стихийные, антропогенные или техногенные угрозы нарушения безопасности объекта. Источники могут быть внутренними (ошибки при проектировании системы и реализации программных продуктов; несоблюдение технического задания, а также ряд мероприятий по обеспечению эффективности и защиты системы) и внешние (аварийные ситуации; нарушение инструкций обслуживающим персоналом; неправильное декодирование информации, поступающей от внешних источников);

- уязвимость – возникновение угрозы информационной безопасности, что является результатом присутствия одной или нескольких «слабых» точек в системе, которые могут возникать как на начальных этапах разработки системы, так и в процессе её функционирования. Главными причинами уязвимостей выступают используемый интерфейс

и протоколы обмена; программное обеспечение; недостатки в архитектуре системы, человеческий фактор;

– последствия – при наличии взаимодействия источника угрозы и присутствующих в системе уязвимостей возникает угроза, процесс реализации которой приводит к возможным действиям – последствиям.

Таким образом, для полноценной защиты данных информационных систем необходимо использовать системный подход, который позволяет получить качественный результат. Прежде всего, рассматриваемый подход предполагает изучение основополагающих компонентов информационной безопасности, главными из которых являются причины и возникновения угроз.

Для разработки комплексной инновационной системы информационной защиты требуется учитывать не только сами угрозы, но их виды, свойства, последствия.

В настоящее время отмечают несколько видов угроз информационной безопасности (Таблица 1).

<i>Ознакомление (угроза конфиденциальности)</i>	<i>Модификация (угроза целостности)</i>	<i>Уничтожение (угроза целостности)</i>	<i>Блокирование</i>
Наблюдается повреждение конфиденциальных данных посредством незаконной модификации свойств объекта или взаимодействия с ним третьих лиц, не имеющих на это соответствующего разрешения.	Отмечается только изменение содержания и элементов данных.	Возникает при несанкционированных действиях с носителем информации.	Происходит утрата доступа к информации и выполнения каких-либо действий с ней.

Таблица 1. Угрозы информационной безопасности

Проанализировав основные виды информационных угроз, мы получаем не только их характеристику, но и может спроектировать предполагаемые риски. На основе полученных показателей становится возможным построение соответствующей системы защиты от угроз в информационном пространстве.

Учитывая статистические показатели можно выделить ряд основных угроз безопасности информации и нормального функционирования информационных систем (Рис. 2).

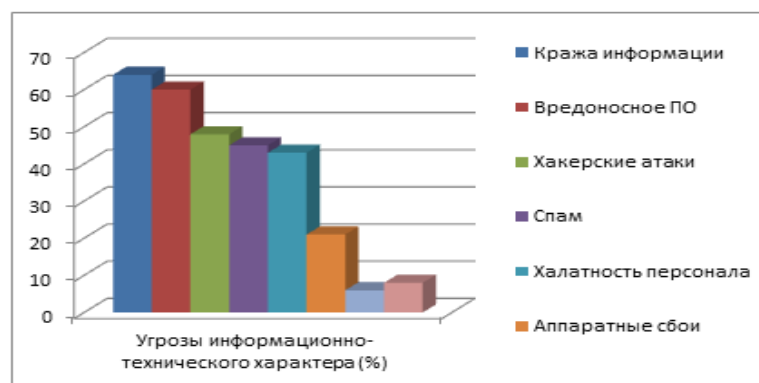

Рисунок 2. Угрозы информационно-технического характера

Изучив статистику, мы можем понять и выбрать вектор проведения активной политики по обеспечению соблюдения прав и интересов граждан в частности и общества в целом на пользование или владение информационными ресурсами, а также предотвращению незаконного ограничения доступа к тем или иным базам данных.

ОБСУЖДЕНИЕ. Для обеспечения безопасной деятельности граждан, организаций и предприятий применяют инновационные информационные технологии. Они основываются на базовых принципах информационной безопасности:

- реализация процесса обработки информации в диалоговом режиме и режиме реального времени;
- автоматический учет реестра событий, различного доступа к системе;
- четкая иерархия прав субъектов доступа к автоматизированному рабочему месту, программам и файлам, каналам передачи данных;
- проведение мероприятий по обеспечению безопасной работы, как в локальных сетях, так и при передаче данных на большие расстояния;
- использование методов защиты, таких как: криптография, предварительное и прозрачное шифрование [6].

Однако наличие абсолютно совершенных инновационных средств защиты не может полностью гарантировать безопасную работу с массивами данных из-за игнорирования процедур, предусмотренных проектной документацией, и отсутствия полноценной организационной поддержки программно-технических средств защиты обработки информации от незаконного вмешательства.

В настоящий момент наблюдается развитие программных продуктов, обеспечивающие защиту информации от несанкционированного доступа. Одним из таких продукт является SIEM технология. SIEM (Security Information and Event Management) системы представляют собой программный продукт, главное предназначение которого заключается в управлении всеми информационными процессами, протекающими в системе. Основными функциональными возможностями подобных систем являются:

- благодаря работе в режиме реального времени происходит полный анализ событий, которые поступают от различных сетевых устройств и сервисов;
- приведение к единому виду информации, полученной из различных источников, для дальнейшего поиска ошибок;
- агрегация данных;
- оповещение программиста в виде графиков, диаграмм и схем об отсутствии или наличии угроз информационной безопасности. Возможность визуализации позволяет определить отклонения в поведении, которые различаются с типичным поведением различных систем;
- совместимость с различными системами, что позволяет автоматически собирать информацию о событиях, формировать отчеты для собранных данных и применять их с целью управления безопасностью и проведения аудита [3];
- наличие хранилищ событий безопасности, благодаря чему можно не только отсортировать данные в требуемом порядке, но и провести экспертный анализ и расследование инцидентов.

Следовательно, при выборе систем защиты информации необходимо понимать какой вид данных может интересовать злоумышленников, какова её ценность и возможные угрозы. Однако каждая система защиты информационных данных должна не только обладать основными признаками информационной безопасности и гибкостью, но и иметь комплексный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Стремительное техническое и научное развитие общества должно быть защищено от различного рода вмешательств. Присутствие внешних и внутренних угроз порождает необходимость создания и применения инновационных средств и методов защиты информационных данных. Выстраивание необходимой системы защиты является

важным и необходимым вектором проведения политики безопасности каждого субъекта информационного пространства.

Одним из перспективных направлений развития области защиты информационных данных должно быть совершенствование нормативно-правовой базы, которая будет в полной мере регламентировать всякого рода деятельность в сфере информационной безопасности. Это позволит сократить процент преступлений в рассматриваемой области. Кроме этого, разработка новых методов и средств в будущем, обеспечивающих защиту информации, позволит создать совершенные системы защиты.

Список литературы:

1. Альшанская Т. В. Управление службой защиты информации на основе современных методов // Информационные системы и технологии: управление и безопасность. – 2013. – N 2. – С. 81-86.
2. Анищенко В.В. Базовая модель объекта информационных технологий // Информатика. – 2015. – N3. – С. 116-125.
3. Бабенко Л. К., Буртыка Ф. Б., Макаревич О. Б., Трепачева А. В. Обобщенная модель системы криптографически защищенных вычислений// Известия ЮФУ. Технические науки. – 2015. – N5. – С. 77-88.
3. Камаев В.А., Натров В.В. Анализ методов оценки качества функционирования и эффективности систем защиты информации на предприятиях электроэнергетики // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2007. – N1(27). – С. 74-76.
4. Криштофик А.М. Модель комплексной оценки потенциала атаки // Комплексная защита информации. – 2016. – N1. – С. 111-113.
5. Никонов А.И. Системы защиты информации и их место в политике безопасности // Вестник НГИЭИ. – 2016. – N1. – С. 48-55.
6. Погорелов В.И. Методы междисциплинарной оптимизации при разработке средств защиты информации в компьютерных сетях// Информация и безопасность. – 2010. – N4. – С. 66-70.

УДК 551.58

АНАЛИЗ СКОРОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ КОСМОГЕННОГО РАДИОУГЛЕРОДА В АТМОСФЕРЕ ЗЕМЛИ

Фролова Мария Александровна

начальник службы ядерной и радиационной безопасности

Безотосный Сергей Сергеевич

инженер

Пономаренко Павел Афиногенович

научный руководитель

ANALYSIS OF THE PRODUCTION RATE OF COSMOGENIC RADIOCARBON IN THE EARTH'S ATMOSPHERE

Maria Frolova

head of nuclear and radiation safety

Sergey Bezotosny

engineer

Pavel Ponomarenko

scientific advisor

АННОТАЦИЯ. Генерация радиоактивных нуклидов в атмосферном воздухе идет постоянно за счет наличия космического излучения и дает вклад в общее внешнее облучение

живых организмов. Радиоуглерод представляет интерес с точки зрения радиозэкологии и радиационной безопасности за счет распространенности в окружающей среде и химической активности углерода, а также благодаря периоду полураспада. В статье описаны физические процессы генерации радиоуглерода под действием космических нейтронов; приведены математические модели процессов генерации и представлены расчетные значения скорости образования радионуклида.

Ключевые слова: радионуклид; радиоуглерод; нейтрон; плотность потока нейтронов; энергия нейтронов; бета-частица; ядро; ядерная реакция.

ABSTRACT. The generation of radioactive nuclides in atmospheric air is constantly due to the presence of cosmic radiation and contributes to the total external exposure of living organisms. Radiocarbon is of interest from the point of view of radioecology and radiation safety due to the prevalence of carbon in the environment and chemical activity, as well as due to the half-life. The article describes the physical processes of radiocarbon generation under the influence of cosmic neutrons; mathematical models of the generation processes are presented and the calculated values of the rate of formation of the radionuclide are presented.

Keywords: carbon; radionuclide; radiocarbon; neutron; neutron flux density; neutron energy.

ВВЕДЕНИЕ. Из всех природных химических элементов таблицы Д.И. Менделеева углероду принадлежит особая роль: он составляет структурную основу всех органических соединений, в том числе и входящих в состав биологических тканей всех живых организмов. Радиоуглерод относится к числу глобальных радионуклидов – участвует в круговороте углерода в атмосфере. В природе встречаются три изотопа углерода: $^{12}_6\text{C}$ (98.89 %), $^{13}_6\text{C}$ (1.11 %) и $^{14}_6\text{C}$ (2·10⁻¹⁰–10%). Последний образуется в атмосфере Земли под действием вторичных космических лучей и их активной составляющей – нейтронов. Образуется он как в естественных, так и в искусственных условиях в результате нескольких ядерных реакций. Повышение концентрации антропогенного $^{14}_6\text{C}$ во внешней среде представляет большую гигиеническую и экологическую проблему. Поэтому количественная оценка сгенерированного радиоуглерода позволит провести анализ уже сложившейся обстановки и прогноз на будущее. При этом масса радиоуглерода на Земле и скорость его образования подтверждаются законами сохранения вещества. Целью настоящего исследования является анализ скорости образования в атмосфере радиоуглерода.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Первичные космические лучи преобладают на высотах более 30 км. Плотность потока частиц первичных космических лучей составляет $\approx 4 \text{ н·частиц}^{-2}\cdot\text{с}^{-1}$. Энергия этих частиц очень велика и среди них встречаются частицы с энергией в 10²⁰ эВ.

В атмосфере Земли каждая космическая частица с энергией $\geq 10^{14}$ эВ генерирует $\approx 10^9$ частиц вторичных космических лучей. Поток этих вторичных частиц называют широким атмосферным ливнем (ШАЛ). Почти все частицы из этого ливня являются проникающими с периодом полураспада $T_{0,5} = 10^{-19} \div 10^{-6}$ с. Сталкиваясь между собой и с ядрами химических элементов атмосферы, они генерируют новые элементарные частицы: электроны, позитроны, протоны, нейтроны, нейтрино, антинейтрино, гамма-кванты и другие, которые также относят ко вторичным космическим лучам.

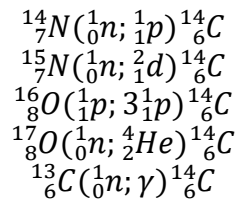
Вторичные космические лучи делят на жесткую и мягкую составляющие. К жесткой составляющей относят μ -мезоны, которые проникают на глубину 1 км и более в атмосферу и океанскую воду. Мягкая составляющая (легко поглощаемая) представлена β^+ , β^- , ^1_1p , ^1_0n , γ . Особо активными среди них являются ^1_1p и ^1_0n . Нейтронная составляющая обычно делится на нейтроны тепловых энергий (0,005 ÷ 0,5) эВ и нейтроны с энергией $> 0,5$ эВ. Под действием протонов и нейтронов на ядра составляющих химических элементов воздуха рождаются космогенные радионуклиды, двадцать из которых указаны в [2, стр. 210]. Наибольший интерес для живой природы представляют тритий ^3_1H и радиоуглерод $^{14}_6\text{C}$, так как водород и углерод являются основой тканей растительного и животного мира. Тело человека состоит на 10 % из водорода и на 18 % из углерода. Именно поэтому радиоизотопа и углерода, и водорода находятся в составе костной, мышечной и жировой тканей человека,

а также в состав его других органов. И тритий, и радиоуглерод являются чистыми бета-излучателями со средней энергией бета-частиц, соответственно, 6 кэВ и 52 кэВ. Эти бета-частицы постоянно облучают тело изнутри и создают эквивалентную дозу внутреннего облучения.

Радиоуглерод в атмосфере образуется со скоростью 2,5 ядра в секунду на 1 см² земной поверхности [2, стр. 210]. Следовательно, скорость образования радиоуглерода на Земле будет равна $2,5 \cdot 5,5 \cdot 10^{18} = 1,28 \cdot 10^{19}$ ядер·с⁻¹.

В настоящее время установлено, что радиоуглерод образуется за счет взаимодействия вторичных космических протонов и нейтронов с ядрами ¹⁴₇N и ¹⁵₇N, ¹⁶₈O, ¹⁷₈O, ¹³₆C на высотах от земной поверхности 30 ÷ 35 км.

Физические модели ядерных превращений при образовании радиоуглерода имеют вид:

Выражение скорости образования радиоуглерода по любой из записанных физических моделей имеет вид:

$$\sigma_{акт}^i \cdot N^i \cdot \varphi,$$

где: $\sigma_{акт}^i$ – микроскопическое эффективное сечение поглощения нейтрона ядрами мишени: ¹⁴₇N и ¹⁵₇N, ¹⁶₈O, ¹⁷₈O, ¹³₆C, см²; N^i – число ядер в атмосфере соответствующего компонента воздуха: ¹⁴₇N и ¹⁵₇N, ¹⁶₈O, ¹⁷₈O, ¹³₆C, ядер; φ – средняя плотность потока космических нейтронов (протонов) в атмосфере Земли, н·см⁻²·с⁻¹.

Анализ скорости образования радиоуглерода по предоставленным физическим моделям показывает, что число ядер ¹⁴₇N и ¹⁶₈O в атмосфере одного порядка, но, в принципе, число ядер кислорода всё же меньше, и сечение активации ¹⁶₈O меньше сечения активации ¹⁴₇N более чем на порядок. Следовательно, скорость образования радиоуглерода за счёт ¹⁴₇N почти на два порядка больше чем за счёт ¹⁶₈O. По другим моделям числа исходных ядер на 2 и более порядков ниже, чем у ¹⁴₇N, а их сечения ниже как минимум на порядок. Из сказанного следует: по сравнению со скоростью образования радиоуглерода за счёт ¹⁴₇N всеми остальными скоростями образования радиоуглерода можно пренебречь.

ОБСУЖДЕНИЕ. Проводимые измерения концентрации радиоуглерода в атмосфере до испытания ядерного оружия показали, что она во времени не меняется. Следовательно, $\frac{dN^{C-14}}{dt} = 0$. Применяя закон сохранения вещества получим:

$$\frac{dN^{C-14}}{dt} = \text{скорость образования} - \text{скорость убыли}$$

$$0 = 1,28 \cdot 10^{19} - N_{C-14} \cdot (\varphi \cdot \sigma_{C-14} - \lambda_{C-14}) \quad (1)$$

где: λ_{C-14} – постоянная распада радиоуглерода, с⁻¹.

$$\lambda_{C-14} = \frac{0,693}{T_{0,5}} = \frac{0,693}{5570 \text{ л} \cdot 365 \text{ дн} \cdot 24 \text{ ч} \cdot 3600 \text{ с}} = 3,95 \cdot 10^{-12} \text{ с}^{-1}$$

Анализ величин $(\varphi \cdot \sigma_{C-14})$ и λ_{C-14} показывает, что если $\varphi \leq 10 \text{ н} \cdot \text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$, а $\sigma_{C-14} = 10^{-30} \text{ см}^2$ [1], то $\lambda_{C-14} \gg \varphi \cdot \sigma_{C-14}$. Следовательно, (1) будет иметь вид:

$$0 = 1,28 \cdot 10^{19} - N_{C-14} \lambda_{C-14} \quad (2)$$

Отсюда

$$N_{C-14}^{\text{атмосф}} = \frac{1,28 \cdot 10^{19} \text{ ядер} \cdot \text{с}^{-1}}{3,95 \cdot 10^{-12} \text{ с}^{-1}} = 3,23 \cdot 10^{30} \text{ ядер}$$

Масса радиоуглерода в атмосфере составляем 75 тонн. Активность при этом будет 34 МКи, что совпадает с данными в [3, стр. 94]. Из [1, стр. 9] следует, что:

$$\sigma_{\text{акт}}^{N-14} \cdot N^{N-14} \cdot \varphi = 1,28 \cdot 10^{19} \text{ ядер} \cdot \text{с}^{-1}$$

Тогда

$$\varphi = \frac{1,28 \cdot 10^{19} \text{ ядер} \cdot \text{с}^{-1}}{1,75 \cdot 10^{-24} \text{ см}^2 \cdot 1,48 \cdot 10^{44} \text{ ядер}} = 0,049 \text{ н} \cdot \text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$$

Следовательно, средняя плотность потока космических нейтронов спектра Максвелла (тепловых нейтронов) на поверхности Земли составляет $0,049 \text{ н} \cdot \text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Масса радиоуглерода в атмосфере до испытаний составляла 75 тонн. Активность радиоуглерода в атмосфере Земли до испытаний ядерного оружия составляла 345 МКи, что подтверждено расчетами. Исходя из оценки реакций образования радиоуглерода и закона сохранения вещества, средняя плотность космических нейтронов тепловой энергии составляет $0,049 \text{ н} \cdot \text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$. Зная числовое значение данного параметра, возможно рассчитать генерацию радионуклидов других химических элементов в атмосфере Земли при активации их космическим излучением.

Список литературы:

1. Гордеев И.В. Справочник по ядерно-физическим константам для расчета реакторов / И.В. Гордеев Д.А. Кардашев, А.В. Малышев // Издательство государственного комитета совета министров СССР по использованию атомной энергии. Москва. 1960г.
2. Козлов В.Ф. Справочник по радиационной безопасности. – 4-е изд., перераб. и доп.– М.: Энергоатомиздат, 1991 – 352 с.
3. Филиппов Е.М. Радиационная экология. – Севастополь: Изд-й центр СНИЯЭиП, 2003. – 242 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Константин Александрович

Курсант 2 курса, кафедра перевода и переводоведения, Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск, Россия), e-mail: prudnikovanton@yandex.ru.

Баранов Михаил Павлович

Магистр 2 курса, кафедра «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: m.p.baranov@gmail.com.

Безотосный Сергей Сергеевич

Инженер, Акционерное общество «Всероссийский научно-исследовательский институт по эксплуатации атомных электростанций» (г. Севастополь, Россия), e-mail: 79787391497@ya.ru.

Берзина Галина Петровна

Научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск, Россия), e-mail: bgp55@mail.ru.

Беспамятная Лилия Владимировна

Научный руководитель, старший преподаватель, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: lilya_pavlova23@mail.ru.

Бичаков Сергей Александрович

Аспирант, кафедра «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: bichakov@mail.ru.

Богданов Артем Андреевич

Магистр 2 курса кафедры «Информатика и управление в технических системах», Институт информационных технологий и управления в технических системах, Севастопольский Государственный Университет (г. Севастополь, Российская Федерация), e-mail: artem96.96@bk.ru.

Вахитова Замире Зекериевна

Магистр 2 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт психологии и образования (г. Казань, Россия), e-mail: vzamira86@gmail.com.

Вишнякова Ирина Андреевна

Магистр 1 курса, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: iranvishnyakova@gmail.com.

Вульфович Борис Григорьевич

Аспирант 2 курса, кафедра английской филологии, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия), e-mail: justb8888@gmail.com.

Гаврилова Анна Сергеевна

Студент 3-го курса бакалавриата, кафедра «Информатика и информационные технологии», Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Ялта, Россия), e-mail: agavrilova@mail.ru.

Гаврилова Лада Сергеевна

Студент 1 курса кафедры «Физика живых систем», Институт радиоэлектроники и информационной безопасности, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: angelinka.dvornikova@mail.ru.

Ганиев Ленур Расимович

Студент 1 курса, кафедра «Строительство», Институт развития города, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: haski29000@gmail.com.

Герасимова Алина Александровна

Студент 4 курса, кафедра иностранных языков, Балашовский институт Саратовского национального исследовательского государственного университета (г. Балашов, Россия), e-mail: alinka.gerasimova.1998@mail.ru.

Гришук Артём Валерьевич

Научный руководитель, ассистент кафедры «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: grishchuk-artem@mail.ru.

Дворникова Ангелина Федоровна

Студент 1 курса, кафедра «Физика живых систем», Институт радиоэлектроники и информационной безопасности, Севастопольский государственный университет, (г. Севастополь, Россия), e-mail: angelinka.dvornikova@mail.ru.

Дельвиг Наталья Андреевна

Научный руководитель, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, (г. Севастополь, Россия), e-mail: natad1313@yandex.ru.

Ивашина Татьяна Дмитриевна

Студент 4 курса, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, (г. Севастополь, Россия), e-mail: ivashinatanya98@mail.ru.

Исмаилов Джамаляддин Саяб Оглы

Курсант 2 курса, кафедра перевода и переводоведения, Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск, Россия), e-mail: prudnikovanton@yandex.ru.

Калинкина Юлия Викторовна

Магистрант 2 курса, кафедра «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: neffertiri666@gmail.com.

Канах Аммар Махмуд Аль-Мутлак

Научный руководитель, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений,

Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: ammar.qanah@gmail.com.

Катермина Вероника Викторовна

Научный руководитель, доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия), e-mail: katermina_v@mail.ru.

Колесова Ирина Викторовна

Научный руководитель, кандидат экономических наук, доцент, Институт финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: kolesovanm88@mail.ru.

Комуцци Людмила Владимировна

Научный руководитель, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки», заведующий кафедрой «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: tataru@yandex.ru.

Кудревич Виктория Вадимовна

Научный руководитель, кандидат экономических наук, доцент, Институт финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: kudrevich_viktoria@mail.ru.

Лобков Александр Евгеньевич

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: alexev1975@yandex.ru.

Львова Светлана Николаевна

Студент 4 курса, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: jess_evans@mail.ru.

Мешков Андрей Владимирович

Студент 3 курса, кафедра «Информационная безопасность», Институт радиоэлектроники и информационной безопасности, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: zay4ka251@yandex.ru.

Миронцева Светлана Сергеевна

Научный руководитель, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: mirontseva.sse@mail.ru.

Михайлова Евгения Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: lastochkina1969@mail.ru.

Новикова Владлена Витальевна

Студент 3 курса, кафедра «Финансы и кредит», Институт финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: novikova.vladlen@yandex.ru.

Поддубная Мария Сергеевна

Магистрант 2 курса, кафедра «Финансы и кредит», Институт финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: mpoddubnaya@ukr.net.

Пономаренко Павел Афиногенович

Научный руководитель, кандидат технических наук, доцент (г. Севастополь, Россия).

Порхунова Евгения Александровна

Студент 5 курса, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: eugenie02404@gmail.com.

Потапенко Екатерина Сергеевна

Студент 5 курса, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: katpotap@rambler.ru.

Потовская Ксения Сергеевна

Научный руководитель, ассистент, кафедра «Иностранные языки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: xevia25@mail.ru.

Прудников Антон Андреевич

Курсант 2 курса, кафедра перевода и переводоведения, Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск, Россия), e-mail: prudnikovanton@yandex.ru.

Руденко Наталья Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: runa79@yandex.ru.

Савина Зоя Сергеевна

Магистр 1 курса, кафедра «Социальные коммуникации», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: zoya.savina.1995@mail.ru.

Соколова Мария Игоревна

Студент 2 курса, кафедра «Электронная техника», Институт радиоэлектроники и информационной безопасности, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: SokolovaM.I.2015@yandex.ru.

Соколова Мария Андреевна

Студент 4 курса, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: mariyasokol99.99@mail.ru.

Станчева Виктория Васильевна

Студент 4 курса, кафедра «Теория и Практика Перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: stanchevavaaa@gmail.com.

Таран Виктория Николаевна

Научный руководитель, кандидат технических наук, доцент кафедры «Информатика и информационные технологии», Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Ялта, Россия), e-mail: victoriya_yalta@ukr.net.

Тищенко Анастасия Владиславовна

Студент 1 курса, кафедра «Экономика», Институт финансов, экономики и управления, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: anasta1807@gmail.com.

Фаттахова Наилья Нурийхановна

Научный руководитель, доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт психологии и образования, Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого (г. Казань, Россия), e-mail: p-fattahova@mail.ru.

Фесенко Элина Олеговна

Магистр 1 курса, кафедра «Автоматизация производственных процессов», Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: ellinochaa@gmail.com.

Фролова Мария Александровна

Начальник службы ядерной и радиационной безопасности, Севастопольский государственный университет (Севастополь, Россия), e-mail: frolova-85@mail.ru.

Цепкова Анна Сергеевна

Магистр 1 курса, кафедра «Социальные коммуникации», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: ann.tsepкова@mail.ru.

Цымбал Анна Сергеевна

Студент 5 курса, кафедра «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: anetlucky25@gmail.com.

Чемшит Александр Александрович

Научный руководитель, доктор политических наук, профессор, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: histphilsoc@sevsu.ru.

Шушляпин Евгений Андреевич

Научный руководитель, доктор технических наук, профессор кафедры «Информатика и управление в технических системах», Институт информационных технологий и управления в технических системах, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Российская Федерация), e-mail: bu6@bk.ru.

Ярмак Ольга Валерьевна

Научный руководитель, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социальные коммуникации», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия), e-mail: sociocentre@sevsu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anisimov Konstantin

2nd year cadet, Department of Translation and Translation Studies, Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: prudnikovanton@yandex.ru.

Baranov Mikhail

2nd year master student, Political Science Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: m.p.baranov@gmail.com.

Bespamyatnaya Liliya

Scientific Advisor, Senior Lecturer, Department of Translation and Translation Studies, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: lilya_pavlova23@mail.ru.

Bezotosny Sergey

Engineer, Joint-stock Company “All-Russian Research Institute for Operation of Nuclear Power Plants”, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: 79787391497@ya.ru.

Bichakov Sergey

Graduate Student, Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: bichakov@mail.ru.

Bogdanov Artyom

2nd year master student, Department of Informatics and Management within Technical Systems, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: artem96.96@bk.ru.

Chemshit Alexander

Scientific Advisor, Doctor of Political Sciences, Full Professor, Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: histphilsoc@sevsu.ru.

Delvig Natalya

Scientific Advisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: natad1313@yandex.ru.

Dvornikova Angelina

1st year student, Department of Physics of Living Systems, Institute of Radio Electronics and Information Security, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: angelinka.dvornikova@mail.ru.

Fattakhova Nailya

Scientific advisor, Doctor of Philology, Full Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Psychology and Education, Institute of Philology and Intercultural Communication named after Leo Tolstoy, Kazan, the Russian Federation, e-mail: n-fattahova@mail.ru.

Fesenko Elina

1st year master student, Department of Automation of Production Processes, Federal Budgetary Educational Institution of Higher Education, Don State Technical University, Rostov-on-Don, the Russian Federation, e-mail: ellinochaa@gmail.com.

Frolova Maria

Head of Nuclear and Radiation Safety, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: frolova-85@mail.ru.

Ganiev Lenur

1st year student, Department of Construction, City Development Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: haski29000@gmail.com.

Gavrilova Anna

3rd year undergraduate student, Department of "Informatics and Information Technology", Humanitarian and Pedagogical Academy (branch), "V.I. Vernadsky Crimean Federal University" in Yalta, Yalta, the Russian Federation, e-mail: agavri1ova@mail.ru.

Gavrilova Lada

1st year student, Department of Physics of Living Systems, Institute of Radio Electronics and Information Security, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: angelinka.dvornikova@mail.ru.

Gerasimova Alina

4th year student, Chair of Foreign Languages, Balashov Institute of Saratov National Research University, Balashov, the Russian Federation, e-mail: alinka.gerasimova.1998@mail.ru.

Grishchuk Artyom

Scientific Advisor, Assistant, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: grishchuk-artem@mail.ru.

Ismailov Jamalyaddin

2nd year cadet, Department of Translation and Translation Studies, Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: prudnikovanton@yandex.ru.

Ivashina Tatyana

4th year student, Department of Translation and Translation Studies, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: ivashinatanya98@mail.ru.

Kalinkina Yuliya

2nd year undergraduate, Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: neffertiri666@gmail.com.

Katermina Veronika

Scientific Advisor, Doctor of Philology, Full Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: katermina_v@mail.ru.

Kolesova Irina

Scientific Advisor, PhD in Economics, Associate Professor, Finance and Credit Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: kolesovanm88@mail.ru.

Komutstsi Ludmila

Scientific Advisor, Doctor of Philology, Full Professor, Head of Translation Studies Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: tataru@yandex.ru.

Kudrevich Viktoriya

Scientific Advisor, PhD in Economics, Associate Professor, Finance and Credit Department, Sevastopol, the Russian Federation.

Lobkov Alexander

PhD in Philology, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: alexev1975@yandex.ru.

Lvova Svetlana

4th year student, Department of Translation Studies, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: jess_evans@mail.ru.

Meshkov Andrey

3rd year student, Information Security Department, Institute of Radio-Electronics and Information Security, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: zay4ka251@yandex.ru.

Mikhailova Evgenia

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: lastochkina1969@mail.ru.

Mirontseva Svetlana

Scientific Advisor, PhD in Pedagogy, Associated Professor, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: mirontseva.sse@mail.ru.

Novikova Vladlena

3rd year student, Finance and Credit Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: novikova.vladlen@yandex.ru.

Poddubnaya Maria

2nd year undergraduate, Department of Finance and Credit, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: mpoddubnaya@ukr.net.

Ponomarenko Pavel

Scientific Advisor, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Sevastopol, the Russian Federation.

Porkhunova Evgenia

5th year student, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: eugenie02404@gmail.com.

Potapenko Ekaterina

Undergraduate student, Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: katpotap@rambler.ru.

Potovskaya Kseniya

Scientific Advisor, Assistant, Foreign Languages Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: xevia25@mail.ru.

Prudnikov Anton

2nd year cadet, Department of Translation and Translation Studies, Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, Novosibirsk, the Russian Federation, e-mail: prudnikovanton@yandex.ru.

Qanah Ammar Mahmud Al'-Mutlak

Scientific Advisor, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: ammar.qanah@gmail.com.

Rudenko Natalia

PhD in Philology, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: runa79@yandex.ru.

Savina Zoya

1st year master student, Social Communications Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: zoya.savina.1995@mail.ru.

Shushlyapin Evgeniy

Scientific Advisor, Doctor of Technical Sciences, Full Professor, Department of Informatics and Management within Technical Systems, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: 6u6@bk.ru.

Sokolova Mariya I.

2nd year student, Electronic Technology Department, Institute of Radio-Electronics and Information Security, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation e-mail: SokolovaM.I.2015@yandex.ru

Sokolova Mariya A.

4th year student, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: mariyasokol99.99@mail.ru.

Stancheva Victoria

4th year bachelor student, Theory and Practice of Translation Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: stanchevavaaa@gmail.com.

Taran Victoria

Scientific Advisor, PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Department "Informatics and Information Technologies", Humanitarian and Pedagogical Academy (branch), "V.I. Vernadsky Crimean Federal University" in Yalta, Yalta, the Russian Federation, e-mail: victoriya_yalta@ukr.net.

Tischenko Anastasiya

1st year student, Economics Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: anasta1807@gmail.com.

Tsepkova Ann

1st year master student, Social Communications Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: ann.tsepkova@mail.ru.

Tsymbol Anna

5th year student, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: anetlucky25@gmail.com.

Vakhitova Zamire

2nd year master student, Kazan (Volga region) Federal University, Institute of Psychology and Education, Kazan, the Russian Federation, e-mail: v zamira86@gmail.com.

Vishnyakova Irina

1st year master student, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, the Russian Federation, e-mail: iranvishnyakova@gmail.com.

Vulfovich Boris

2nd year post-graduate student, English Philology Department, Kuban State University, Krasnodar, the Russian Federation, e-mail: justb8888@gmail.com.

Yarmak Olga

Scientific Advisor, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Head of Social Communications Department, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, the Russian Federation, e-mail: sociocentre@sevsu.ru.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
по материалам
Всероссийской междисциплинарной конференции молодых ученых
(г. Севастополь, 5 – 6 декабря 2019 г.)

Выпуск 1

Под общей редакцией Иванцовой Ю.А., Комуцци Л.В., Барановой А.В., Кабанковой Е.Н.

Компьютерная верстка – Иванцова Ю.А.

ФГАОУ ВО "Севастопольский государственный университет"
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра "Иностранные языки"

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
тел. кафедры: +7 (8692) 435-195
e-mail: Dictum.Factum.Conf@gmail.com

ООО Издательско-полиграфический центр
«ПОЛИТЕРРА»

г. Белгород, ул. Студенческая, 16, офис 19.
Тел. 8(910)360 14 99
e-mail: polyterra@mail.ru
www.polyterra.ru